

ФГБОУ ВПО «САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

На правах рукописи

РОМАНОВА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА
ОБРАЗ РОССИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ЛУ АНДРЕАС-САЛОМЕ

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая литература)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Кабанова Ирина Валерьевна

Саратов – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Национальная идентичность в литературе. Становление образа России в немецкой литературе.....	16
Идентичность.....	16
Нация.....	20
Национальная идентичность.....	29
Литература как отражение и средство конструирования национальной идентичности.....	34
Создание образа России в Германии: начало.....	40
Глава 2. Россия в биографии Андреас-Саломе	54
Глава 3. Россия в творчестве Андреас-Саломе.....	76
Творческий результат «открытия» России в 1899-1900 гг.	76
«Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году».....	77
Роман «Ма» (1901).....	92
Повесть «Родинка» (1923).....	105
Русская национальная идентичность в изображении Андреас-Саломе.....	127
Православие	127
Язык.....	143
Пространство России.....	146
Ценности и нормы	160
Русская действительность, история и культура.....	180
Заключение.....	187
Список сокращений.....	194
Список литературы	194

Введение

Лу Андреас-Саломе (1861-1937) – писательница и учёный, известная прежде всего в силу ее дружбы с Ницше, Рильке, М. Бубером, Фрейдом: «Отношения Андреас-Саломе с рядом выдающихся мужчин обеспечили ей славу, – и зачастую славу дурную – которая долгое время ассоциировалась с ее именем»¹. Признание ее автором, заслуживающим места в истории литературы, произошло в конце прошлого века. Работы о ней 1960-70-х гг. носят биографический характер² и не отличаются объективностью оценки. «Только в конце 1980-х критики постепенно отходят от навязанного предыдущими исследователями образа Андреас-Саломе, начинают рассматривать ее как автора теоретических работ и художественных произведений³, в которых прослеживается критический диалог с традиционными дискурсом и литературой»⁴.

По мере становления феминизма и гендерных исследований популярность писательницы проникает из немецкоязычных стран в другие культуры (о чём свидетельствуют многочисленные переводы⁵ на основные европейские языки), Андреас-Саломе становится героиней фильмов⁶,

¹ Whiting R. Introduction // Andreas-Salome Lou. The Human Family: Stories. Translated and with an introduction by Raleigh Whiting. – Nebraska: Edward Brothers, 2005. – P. ix.

² Peters H. F. My Sister, my Spouse: A Biography of Lou Andreas-Salome. – N.Y.: W.W. Norton, 1974 (1-е изд. – 1962); Binion R. Frau Lou: Nietzsche's Wayward Disciple / With a foreword by Walter Kaufmann. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968.

³ Лу Андреас-Саломе принадлежит 20 книг беллетристики и эссеистики, из которых самые известные – «Friedrich Nietzsche in seinen Werke», 1894; «Die Erotik», 1910; «Rainer Maria Rilke», 1928, а также 139 статей, опубликованных в периодике (Гармаш Л. Лу Саломе. (Удивительная история жизни и приключений духа Лу фон Саломе) [электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/biograf/lu.php?1>). Отдельными книгами издана ее переписка с Рильке и Фрейдом.

⁴ Whiting R. Op. cit. P. ix-x.

⁵ Прежде всего, это переводы художественных текстов и сборников биографических материалов на английский (6) и французский (11) языки; кроме того, существуют 3 перевода на итальянский, по 2 – на нидерландский, испанский, чешский.

⁶ «По ту сторону добра и зла» (1977). Совм. производство Италия-Франция-ФРГ. Реж. Лилиана Кавани. В ролях: Доминик Санда, Эрланд Йозефсон, Роберт Пауэлл. 127 мин.; «Когда Ницше плакал» (2007). США. Реж. Пинхас Перри. По одноименному роману Ирвина Ялома (1992). В ролях: Кэтрин Винник, Арманд Ассанте, Бен Кросс, Джейми Элмэн. 105 мин.

романов⁷, в которых ее биография дополнена предположениями или искаженными фактами, рассчитанными на то, чтобы поразить читателя⁸.

В погоне за сенсацией пишутся многие биографические статьи в современных гляцевых журналах. В качестве примера возьмём статью Вадима Эрлихмана «Лу Саломе: “Чудесный клубок жизни”»⁹, где хронология событий не соответствует действительной, некоторые «факты» выдуманы¹⁰, на передний план выдвинуты отношения с мужчинами, литературный талант Саломе принижается: «...литературным талантом её Бог обделил. Большая часть из двух десятков написанных ею книг – графоманские романы и претенциозные философские трактаты. Тем не менее, и они пользовались определённой популярностью – должно быть, в силу неоспоримого обаяния автора»¹¹. Другая картина складывается из научных работ об Андреас-Саломе, которые можно условно разделить на биографические и литературоведческие; обе группы относительно немногочисленны.

Степень изученности вопроса. Начало биографическому изучению творчества Саломе положил ее литературный душеприказчик Эрнст Пфайфер в послесловии к изданной им после смерти Саломе книге её воспоминаний «Прожитое и пережитое» («Lebensrückblick», 1951)¹². Пфайфер рассуждает о ключевых понятиях, заложенных в названия глав книги: «Erlebnis» (переживание) и «Grundriss» (проекция; основные черты), о том, как воспоминания собственной жизни становятся импульсом к размышлениям на философские и эстетические темы.

⁷ Yalom I.D. *When Nietzsche Wept: A Novel of Obsession*. – N.Y.: Harper Collins, 1992; Жиру Ф. *История свободной женщины* / Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой. – М.: КоЛибри, 2005; Lippe A. von. *The Truth About Lou: A Necessary Fiction*. – N.Y.: Counterpoint, 2006.

⁸ Ф. Жиру дает волю фантазии особенно в догадках об интимной жизни Андреас-Саломе, иногда передает неподтвержденные слухи и даже прямо искажает факты, например, когда пишет о самоубийстве Пауля Ре на следующий день после ухода от Лу, тогда как Ре погиб несколько лет спустя, сорвавшись со скалы (было ли падение случайным или намеренным, не известно).

⁹ Эрлихман В. Лу Саломе: «Чудесный клубок жизни» // *Биография*. – 2008, №4. – С. 145-156.

¹⁰ То, что Лу Саломе хранила в девичестве в ящике письменного стола портрет Веры Засулич, вряд ли позволяет утверждать, что «она мечтала стать то философом, то поэтессой, то террористкой». Там же. С. 145.

¹¹ Там же. С.152.

¹² Pfeifer E. *Nachwort* // *Andreas-Salome L. Lebensrückblick*. – Frankfurt a.M.: Insel Verlag, 1968. – S. 299-321.

Краткое жизнеописание Андреас-Саломе можно обнаружить в биографиях Ницше и Рильке, например, в работах Кэрол Дит¹³, Ганса Эгона Хольтхаузена¹⁴, К.А. Свасьяна¹⁵. Первые специальные работы о взаимоотношениях Ницше и Саломе и их последствиях для философского развития Ницше публиковались еще при жизни писательницы¹⁶. К помощнику Ницше Питеру Гасту восходит традиция видеть в Лу Заратустру, вдохновившую философа на создание образа сверхчеловека. Позже Жиль Делёз, много занимавшийся творчеством Ницше, впервые привлек для объяснения Заратустры миф об Ариадне и Тесея¹⁷, а отечественная исследовательница Ю.В. Синеокая развивает аргументацию Делеза, приходя к утверждению: «Для Ницше любовь к Лу стала экзистенциальным экспериментом, воплощением в собственной жизни греческой мистерии, героями которой были Ариадна – Лу Саломе, Тесей – Поль Рэ, Дионис – он сам, Фридрих Ницше. Сюжет действия сводится к тому, что Дионис захватывает и освобождает Ариадну с одобрения Тесея»¹⁸. Взаимоотношения Саломе с Рильке известны подробней, чем с Ницше, благодаря их опубликованной переписке¹⁹, в которой, в частности, раскрывается сблизившая их увлечённость обоим темой России.

Андреас-Саломе вышла из тени великих мужчин как самостоятельная литературная фигура в 1981 г., когда увидели свет три произведения из наследия писательницы – «Амор» («Amor»), «Ютта» («Jutta») и «Шапка-невидимка» («Die Tarnkarre»). После их успеха в ФРГ начинается переиздание её художественных произведений, что влечет за собой

¹³ Dieth C. Nietzsche's women: beyond the whip. – Berlin-NY: de Griyter, 1996; Dieth C. Nietzsches sister and the will to power: a biography of Elisabeth Förster-Nietzsche. – Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 2003.

¹⁴ Хольтхаузен Г.Э. Райнер Мария Рильке: сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Пер. с нем. Н.Болдырева – Челябинск: Урал LTD, 1998.

¹⁵ Свасьян К.А. Хроника жизни Фридриха Ницше // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. □ С. 813-827.

¹⁶ Podach E.F. Friedrich Nietzsche und Lou Salome. Jahre Begegnung 1882. – Zürich, Leipzig: Max Niehans, 1931.

¹⁷ Делёз Ж. Ницше. // Пер. с фр. С.Л.Фокина. – СПб.: АХИОМА, 2001; то же [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/nicshe.php; Deleuze G. Le Mystère d'Ariane // Bulletin de la Société Française d'Etudes Nietzscheennes. □ 1963, № 3. □ P. 12□15.

¹⁸ Синеокая Ю.В. Фридрих Ницше и Лу Саломе: «На гребнях волн бытия» // Историко-философский ежегодник 2014. – М.: Канон, 2014. – С. 88.

¹⁹ Впервые переписка была опубликована в 1952 году Э. Пфайфером.

повышение внимания к ней историков литературы²⁰. Наиболее документированную и подробную из существующих биографий создали Михаэла Визнер-Бангард и Урсула Вельш²¹; в англоязычном культурном пространстве на смену признанной биографии Петерса сегодня пришла в качестве самой авторитетной книга Джулии Викерс²². В России биографами Саломе выступили В. Седельник²³ и Л. Гармаш²⁴. Теме поездок Саломе и Рильке в Россию 1899 и 1900 гг. посвящены биографические работы К. Азадовского «Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках “русской души”»²⁵, «Рильке и Россия»²⁶ и Л. Копелева «Сказочная Россия Рильке»²⁷.

Биографы подробно описывают сказочно-счастливое петербургское детство дочери генерала русской службы, ее отъезд в Европу и сложение легенды о роковой женщине; нам важно, что Саломе всегда воспринимали в Германии как «русскую», биографии содержат материал для постановки вопроса ее национальной идентичности.

Более многоаспектный портрет Саломе намечают Ютта Прассе²⁸ и Хайди Гидион²⁹ в своих обзорных предисловиях к современным переизданиям ее романов.

²⁰ Биографии 1980-х гг. продолжают традицию рассмотрения Саломе как «музы» великих мужчин, но уже включают в себя разделы, посвященные ее творчеству: Livingstone A. Lou Andreas-Salomé. Her Life (as Confidante of Freud, Nietzsche and Rilke) and Writings (on Psychoanalysis, Religion and Sex). – L.: Gordon Fraser Gallery, 1984; Koeperke C. Lou Andreas-Salomé. Leben, Persönlichkeit, Werk. Eine Biographie. – Frankfurt a.M.: Insel-Verlag, 1986.

²¹ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Lou Andreas-Salome. Wie ich dich liebe, Rätselleben: Eine Biographie. – Leipzig: Reclam Verlag Leipzig, 2002.

²² Vickers J. Lou von Salome: A Biography of the Woman Who Inspired Freud, Nietzsche and Rilke. – Jefferson, North Carolina: McFarland, 2008.

²³ Седельник В. Признания и недомолвки Лу Андреас-Саломе // Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое/ Пер. с нем. В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 7-16.

²⁴ Гармаш Л. Лу Саломе. (Удивительная история жизни и приключений духа Лу фон Саломе) [электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/biograf/lu.php?1>.

²⁵ Азадовский К.М. Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души» // Азадовский К.М. К истории идей на Западе: «Русская идея». – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Петрополис, 2010. – С. 281-316.

²⁶ Азадовский К.М. Рильке и Россия: Статьи и публикации. – М.: Новое литературное издание, 2011.

²⁷ Kopelew L. Rilkes Märchen Russlands // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Band 4: 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Hein Korn. – München: Fink, 2000. – S. 904-937.

²⁸ Prasse J. Nachwort // Andreas-Salome L. Rodinka: Russische Erinnerung. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1985. – S. 264-272.

²⁹ Gidion H. Nachwort // Andreas-Salome L. Ma: Roman. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1996. – S. 175-192.

Следует признать, что в литературоведческих штудиях Саломе решительно преобладает феминистско-гендерный подход. Так, Мартин Бидди³⁰ ставит вопрос о новизне жизненного и литературного стиля Саломе, которая отказывалась называться феминисткой. Каролина Крайде³¹ подробно раскрывает отношение Саломе к женскому движению между 1894 и 1933 гг. и неоднозначность, с которой Саломе оценивали современницы-феминистки. Катрин Шютц³² использует структурализм для анализа мужских и женских образов в теоретических и художественных работах Саломе. Шютц предлагает деление творчества писательницы на три периода: 1885-1905 – «литературная фаза»; 1905-1912 – переходный период, только теоретические работы; 1912-1935 – «смешанный период», когда создавались психоаналитические, автобиографические и художественные тексты. Она отмечает влияние на формирование художественного сознания Саломе творчества Г. Ибсена, Э. Золя, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, а также философии Спинозы, Лейбница, Кьеркегора, Шопенгауэра и Ницше.

Отдельным аспектам гендерной проблематики в творчестве Саломе посвящены работы Корнелии П. Вильемир³³, Романы Ваерсхаузен³⁴, Шантал Галингер³⁵, Мюриэль Кормикан³⁶, Элизабет Кольб³⁷. В России в рамках этого подхода выполнена диссертация Анны Кукес «Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века»³⁸, где произведения Андреас-Саломе рассматриваются в одном ряду с произведениями Маргерит Дюрас,

³⁰ Bidy M. *Woman and Modernity: The (Life)Styles of Lou Andreas-Salomé*. – N.Y.: Cornell UP, 1991.

³¹ Kreide C. *Lou Andreas-Salome: Feministin oder Antifeministin? Eine Standortbestimmung zur wilhelmischen Frauenbewegung*. – Frankfurt a.M: Peter Lang, 1996.

³² Schütz K. *Geschlechterwürfe im literarischen Werk von Lou Andreas-Salome unter Berücksichtigung ihrer Geschlechtstheorie*. □ Würzburg: Königshausen&Neuman, 2008.

³³ Vuilleumier C.P. "Oh Vater, laß uns ziehn!" *Literarische Vater-Töchter um 1900: Gabriele Reuter, Hedwig Dohm, Lou Andreas-Salome*. – Hildesheim: Georg Olms, 2005.

³⁴ Weiershausen R. *Wissenschaft und Weiblichkeit: Die Studentin in der Literatur der Jahrhundertswende*. – Berlin: Wallstein, 2004.

³⁵ Gahlinger Ch. *Der Weg zur weiblichen Autonomie. Zur Psychologie der Selbstwerdung im literarischen Werk von Lou Andreas-Salome*. – Bern: Peter Lang Verlag, 2001.

³⁶ Cormican M. *Women in the Works of Lou Andreas-Salome: Negotiating Identity*. – Rochester, NY: Camden House, 2009.

³⁷ Kolb E. *Lou Andreas-Salome. Leben und Werk im Kontext der bürgerlichen Frauenbewegung: mit Schwerpunkt auf der Rolle der Frau in Ehe und Partnerschaft: Diplomarbeit*. – Wien: Universität Wien, 2009.

³⁸ Кукес А.А. *Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Переходный возраст как тема и образ (Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович): Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова*. – М., 2003.

Кристы Вольф и Ольги Войнович. По поводу повестей «Родинка» («Rodinka», 1923) и «Феничка» («Fenitschka», 1898) говорится: здесь «женская сексуальность и гендерность порой почти сакрализуются, сублимируются до уже не телесного, но духовного уровня, где они сопряжены с богоискательством, а категория материнства непосредственно связывается с образом России, матери-земли, родной почвы»³⁹.

Следуя за самой Саломе, критика охотно применяет к ее произведениям психоаналитический подход. Александр Эткинд посвятил ей главу в своей монографии «Эрос невозможного: история психоанализа в России». Он утверждает, что хотя большую часть жизни она провела в Австрии, Германии и Швейцарии, хотя воспринималась как своя в кругах европейской интеллигенции, писательница была русской. Исследователю представляется, что корни своеобразной философии, этики и эротики Саломе уходят в русскую культуру, он подчёркивает ее идейную близость с русскими философами – В. Розановым, Н. Бердяевым, и особенно с Вл. Соловьёвым, у которого, «как и у Андреас-Саломе, всеединство имеет женские черты; его символом является София, мистический образ вечной женственности и одновременно Богочеловечества»⁴⁰. Эткинд доказывает «русскость» философии Саломе анализом ее статьи «Русская философия и семитский дух»⁴¹, в которой она сопоставляет православие и талмудизм. В статье «Зигмунд Фрейд и его круг»⁴² Эткинд выдвигает фигуру Лу Андреас-Саломе как важнейшую в окружении Фрейда.

Виктор Мазин⁴³ уже видит в Саломе не просто ученицу Фрейда, а говорит об их взаимовлиянии, рассматривая отражение психоанализа в её

³⁹ Там же. С.67.

⁴⁰ Эткинд А. На грани миров и эпох: жизнь и работа Лу Андреас-Саломе // Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. – СПб: МЕДУЗА, 1993. – С. 41.

⁴¹ Andreas-Salome L. Russische Philosophie und semitischer Geist // Die Zeit. – Wien. – 1898, № 14.

⁴² Etkind A. Sigmund Freud und sein Kreis // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Band 4: 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Hein Korn. – München: Fink, 2000. – S. 1057-1073.

⁴³ Мазин В. Роковая женщина Лу Андреас-Саломе // Wien und St-Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. – St.Petersburg: XXI VEK, 2001. Bd. 4/II. (1999/2000). – S. 552-562.

художественных произведениях в раскрытии тем женской сексуальности, любви, материнства и нарциссизма.

Кристофа Солиоц⁴⁴ предлагает периодизацию творчества Саломе, основанную на психоаналитических критериях. В произведениях первого периода, до 1901 г., Саломе, по мнению Солиоц, описывает «трагедию взросления», дает литературную конструкцию «нехватки». Второй период, с 1901 г., предлагает литературную конструкцию «осуществлённого желания», гармонии. Третий период, приблизительно с 1908 г., – это «литературная реконструкция», попытка писательницы воплотить свои знания по психоанализу в литературное произведение. Солиоц выбирает из каждого периода одно-два произведения и подробно их анализирует. Для нас важна тематическая классификация Солиоц, которая выделяет основные темы творчества Саломе (Россия, целомудрие, детские истории, подростковый возраст, женские судьбы, религия); одно и то же произведение Солиоц заносит сразу в несколько тематических ячеек. Тема России стоит в этой классификации на первом месте и воплощением ее в творчестве Саломе Солиоц считает рассказ «Феничка», роман «Ма» («Ma», 1901), сборник новелл «В Междустранье» («Im Zwischenland», 1902) и повесть «Родинка». Этот список может быть расширен: так или иначе «русский материал» появляется в повести «Руфь» («Ruth», 1895), в двух новеллах – «Встреча» («Ein Wiedersehen») и «Инкогнито» («Inkognito») из сборника «Дети человеческие» («Menschenkinder», 1899), в путевой прозе «Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» («Russland mit Rainer: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900», 1999), и, естественно, в воспоминаниях «Прожитое и пережитое» («Lebensrückblick», 1951).

Тема связей Андреас-Саломе с Россией затрагивается в двух статьях сборника «Вена и Санкт-Петербург на рубеже веков: культурные

⁴⁴ Solioz Ch. Literarische und psychoanalytische Seelenforschung bei Lou Andreas-Salome: Diplomarbeit. – Geneve: Universite de Geneve, 2008.

интерференции»⁴⁵. Гельмут Пфаннер⁴⁶ подчёркивает биографическую основу повести «Родинка», доказывая, что одним из прообразов главного героя в повести был Рильке. Их с Саломе поездка в Россию и связанные с ней статьи и эссе становятся предметом рассмотрения Ренаты Лангер⁴⁷. Европейская мода на «русскую душу», по мнению автора, подтолкнула Лу Саломе сначала к «самостилизации под русскую»⁴⁸, а затем к переоценке своего русского детства и конструированию собственной идентичности как русской.

Таким образом, даже в немецкоязычных странах, где писательница прожила большую часть жизни, её творчество исследуется преимущественно в гендерном ключе, а тема России затрагивается точно, либо в связи с анализом единичных произведений, либо при психоаналитической реконструкции ее авторского «я».

В России, где Лу Андреас-Саломе родилась и о которой много думала и писала (на немецком языке), ее мало знали и знают. Опубликованные в 1890-х гг. несколько статей и перевод её книги о Ницше в журнале «Северный вестник» популярности не принесли. Незначительное количество переводов других произведений появилось только спустя столетие⁴⁹. Пробуждение научного интереса приходится в России на двухтысячные годы, и преобладают по-прежнему публикации биографического характера.

Биографы восстанавливают фактические взаимосвязи Андреас-Саломе с Россией, гендерная и психоаналитическая критика обращают внимание на необычность идентичности писательницы, однако тема России, образ России в творчестве Саломе не становились предметом специального рассмотрения.

Актуальность диссертации состоит в том, что в ней художественное творчество Лу Андреас-Саломе рассматривается как самостоятельное

⁴⁵ Wien und St.Petersburg um die Jahrhundertswende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. – St.Petersburg. XXI VEK, 2001 (1999/2000) / Bd. 4/II. – 332 S. (S. 419-751.)

⁴⁶ Pfanner H.F. Dekadenz und Modernität: Lou Andreas-Salome in St.Petersburg und Wien // Ibid. S. 457-467.

⁴⁷ Langer R. Russische Identitäten im Werk von Lou Andreas-Salome // Ibid. S. 441-456.

⁴⁸ Ibid. S. 444.

⁴⁹ Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Пер. с нем. и предисл. В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002; Андреас-Саломе Л. Эротика: тексты по философии / Пер. с нем. М.М. Бочкарёвой. – Ижевск: ERGO, 2011.

литературное явление, продукт своей эпохи и одновременно – как этап в конструировании образа России в общественном сознании немецкоязычных стран. Сегодня, когда восприятие России на Западе служит предметом общественных дискуссий, представляется важным восстановление этого эпизода в истории немецкой литературы.

Объект исследования – тема и образ России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе.

Предмет исследования – комплекс идей и художественных средств, с помощью которых писательница создает образ России в художественно-документальном жанре и в беллетристике, способы воплощения ее биографически гибридной национальной идентичности в созданных ею текстах.

Материал исследования избран из данного выше списка произведений Саломе, где так или иначе затрагивается русская тематика, в силу следующих соображений. Приступая к изучению образа России в творчестве писательницы, мы сочли целесообразным ограничиться теми произведениями, которые 1) критика относит к наиболее ценным в творчестве Саломе; 2) ставят в центр тему России и раскрывают ее наиболее полно. Это роман «Ма» (1901), повесть «Родинка» (1923) и «Россия с Райнером: дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» (публикация 1999). Объединяет эти произведения то, что все они отражают как русское детство писательницы, так и впечатления от двух поездок в Россию, совершённых в 1899 и 1900 гг.

Цель исследования – анализ образа России в творчестве Лу Андреас-Саломе с позиций категории национальной идентичности. Для этого нам предстоит решить следующие **задачи**: дать очерк современных представлений о категории национальной идентичности и ее функционировании в литературе; проследить биографическую связь Лу Андреас-Саломе с Россией и выявить автобиографическую составляющую художественных произведений; проанализировать с помощью категории

национальной идентичности сконструированный Лу Андреас-Саломе образ России.

Научная новизна диссертации состоит, во-первых, в том, что это первое у нас исследование, целиком посвященное Саломе; во-вторых, в обращении к теме России в творчестве писательницы, а также в анализе образа России с точки зрения концепции национальной идентичности как современного метода исследования проблематики межкультурных, межлитературных связей. Кроме того, впервые исследуются непереведенные на русский язык произведения Саломе – «Россия с Райнером» и роман «Ма».

Теоретической основой диссертации является синтез биографического, культурно-исторического метода с концепцией национальной идентичности, как она представлена в работах Э. Смита, Э. Хобсбаума, Х. Бхабха, М.К. Поповой, О.В. Рябова и др.

Методология базируется на традиционной совокупности методов академического анализа литературного произведения и историко-функциональном рассмотрении произведений в контексте эпохи и творчества писателя.

На защиту выносятся следующие положения:

Родившись и прожив до 18 лет в Санкт-Петербурге, Лу Саломе получила космополитическое воспитание, в молодости не интересовалась Россией; для «возвращения на родину» ей потребовался двадцатилетний опыт жизни в Западной Европе и особая оптика зрения ее гениального спутника по русским поездкам, Р.М. Рильке;

Еще до 1899 г. статьи Саломе знакомили немецкую аудиторию с русской культурой; их с Рильке Россия была сконструирована как антитеза Западу до поездок в Россию на основе чтения русской классической литературы и изучения работ по русской этнографии, живописи, архитектуре;

Рассматриваемые тексты вступают в полемику с основной немецкой традицией отношения к России как к варварской полуазиатской державе.

Сохраняя отдельные негативные стереотипы России, в целом они отражают всестороннюю идеализацию России в духе славянофильства и почвенничества; автор конструирует возвышенный и утопический образ России как противоположности Западу, разъеденному индивидуализмом и рассудочным скептицизмом, как единственной страны, где осталась надежда на духовное возрождение человечества;

Фигура повествовательницы-немки, для которой Россия при всей симпатии к ней остается «Другой», чужой, облегчает немецкому читателю идентификацию с предлагаемым Саломе взглядом на Россию «изнутри», а автору позволяет тонко регулировать читательские оценки изображаемого русского материала;

Саломе видит основы русской национальной идентичности в православии, в русской природе с ее бескрайними просторами, которые вместе определяют ценности и нормы поведения русских;

Ключевыми мотивами в ее образе России становятся православный храм как символ соборности, икона Богородицы как выражение материнской сущности России, Волга и Москва как ее особо значимые пространства, терем и изба как средоточия русского быта;

В русском характере Саломе выделяет простоту, душевную чистоту, детскость, близость к природе, трудолюбие, физическую силу и красоту; живыми идеалами русского человека для нее являются Л.Н. Толстой и ее знакомый помещик Н. Толстой, в которых она видит выразителей народного, крестьянского начала. Первый фигурирует в «Дневнике путешествия...», второй становится прототипом героя повести «Родинка» Виталия Волуева;

Повесть «Родинка» существенно углубляет картину России, представленную в «Дневнике путешествия...» и романе «Ма», за счет обращения к современной истории России, к реальной социальной проблематике русской жизни рубежа веков;

«Дневник путешествия...», «Ма» и «Родинка» позволяют утверждать, что их автор, Лу Андреас-Саломе, немецкий беллетрист и интеллектуал,

обладала гибридной национальной идентичностью и воплотила любовь к русской родине в своих лучших художественных произведениях.

Апробация работы. Основные положения работы докладывались на научных конференциях:

1. Ежегодная студенческая конференция кафедры зарубежной литературы и журналистики СГУ. Доклад «Образ России в романе «Ма» Лу Андреас-Саломе» (Саратов, СГУ, Март 2006).

2. XIX Пуришевские чтения: Переходные периоды в мировой литературе и культуре. Доклад «Россия и Западная Европа в романе Лу Андреас-Саломе “Ма”» (Москва, МПГУ, 3-6 апреля 2007).

3. Всероссийская конференция молодых учёных, посвящённая 90-летию гуманитарного образования в Саратовском университете «Филология и журналистика в начале XXI века». Доклад «Россия и Западная Европа в романе «Ма» Лу Андреас-Саломе» (Саратов, СГУ, 25-27 апреля 2007).

4. Жизнь: бытийный, ценностный и антропологический аспекты. Доклад «Российская жизнь XIX-начала XX века в восприятии европейцев» (Саратов, СГУ, философский факультет, декабрь 2007).

5. Гендерный дискурс и национальная идентичность в России XVIII-XIX веков. Доклад «Образ русского человека в повести Лу Андреас-Саломе “Родинка”» (Тверь, ТвГУ, 8-10 апреля 2008).

6. XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада. Доклад «Национальная идентичность в творчестве Лу Андреас-Саломе» (Москва, МПГУ, 10-12 апреля 2008).

7. Всероссийская конференция молодых учёных, посвящённая 100-летию профессора П.А. Бугаенко «Филология и журналистика в начале XXI века». Доклад «Дневник путешествия по России Лу Андреас-Саломе» (Саратов, СГУ, 23-25 апреля 2008).

8. Научно-практическая конференция, посвящённая 160-летию со дня рождения С.Д. Дрожжина. Доклад «С. Дрожжин в «Дневнике

путешествия...» Лу Андреас-Саломе» (п. Новозавидовский Тверской обл., ТвГУ, 18 декабря 2008).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 205 названий.

Глава 1. Национальная идентичность в литературе. Становление образа России в немецкой литературе

Термин «национальная идентичность» активно используется в России в социологии, политологии, психологии, истории и антропологии. В научном аппарате литературоведения термин ещё не достаточно прижился, о чём свидетельствует использование таких понятий, как «национальный образ», «национальный менталитет», «национальная картина мира» вместо интегрирующего все эти понятия термина «национальная идентичность». Это связано, на наш взгляд, со сложностью и неоднородностью, амбивалентностью описываемых этим рядом терминов явлений. Обратимся к компонентам термина: «идентичность» и «нация», рассмотрим современные подходы к категории «национальная идентичность».

Идентичность

Термин «идентичность» (от лат. *identitas* – тождественность) получил распространение в странах Западной Европы и США с 1950-х гг. в период зарождения постнеклассической познавательной модели. В российские гуманитарные науки он пришёл в конце 90-х гг. XX века. Сегодня «идентичность» – одно из центральных понятий как отечественного, так и зарубежного гуманитарного знания.

Впервые слово «идентичность» употребил З. Фрейд в «Психологии масс и анализ человеческого “Я”» (1921), где идентичность определяется как «самое раннее проявление эмоциональной связи с объектом»⁵⁰; те же идеи развиваются в письмах Фрейда 1926 г. Таким образом, возникновение научного дискурса идентичности связывается с традицией психоанализа, где идентификация / отождествление (*Identifizierung*) первоначально понималась как процесс подражания чему-либо, а затем была перетолкована как процесс

⁵⁰ «die ursprünglichschte Form des Gefühlsbindung an ein Object». Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse. – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921. – P. 71.

переживания субъектом той или иной степени слияния с объектом. Ученица Фрейда, Лу Андреас-Саломе могла быть знакома с фрейдовской «идентичностью», но поскольку анализируемые нами тексты созданы до 1920-х гг., концепцию идентичности у Фрейда мы не рассматриваем специально. Намного важнее в методологическом плане последующая судьба категории.

Она связана с именами ряда ученых: это, прежде всего, французский психоаналитик и философ Жак Лакан (1901-1981), французский философ Эммануэль Левинас (1906-1995) и американский психолог и психоаналитик Эрик Эрикссон (1902-1994). Хотя все они занимались личностной идентичностью, ими предложены подходы, позже перенесенные на исследования идентичности коллективной.

Из работ Лакана наиболее востребованной в гуманитарном знании оказалась идея «Другого» как «создания воображения в качестве меры для истины»⁵¹. Индивидуальная идентичность является у Лакана функцией подсознания. Говоря словами С. Малкиной, «Лакан утверждает, что человек никогда не тождественен какому-либо своему атрибуту, его «Я» никогда не может быть определимо, поскольку оно всегда в поисках самого себя и способно быть репрезентировано только через Другого, через свои отношения с другими людьми».⁵² Методологический вывод отсюда – идентичность не может быть исследована напрямую, а только через ее проявления в языке, культуре, социуме. Уже у Лакана понятие «идентичность», изначально означающее тождественность, совпадение, приобретает значение инаковости, отличия, отмежевания.

Э. Левинас идет не от языка и «символического порядка», как Лакан, а от феноменологии Гуссерля. Во «Времени и Другом» (1948) Левинас использует термин «Я», но ставит корневой вопрос идентичности: «Каким

⁵¹ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном // Современная литературная теория / Сост., пер. и прим. И.В.Кабановой. – М.: Наука-Флинта, 2004. – С. 149-155.

⁵² Малкина С.М. Проблема идентичности в постструктурализме // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 6.

образом существующий может существовать как смертный и тем не менее поддерживать свою “личностность”, сохранять завоеванное ничейное “имеется”, свою завоеванную субъективность, свое властвование как субъекта? Может ли сущий вступить в отношение с другим так, чтобы другое не раздавило его? Этот вопрос следует задать немедленно, ибо в нем проблема сохранности Я в трансцендировании»⁵³. Единственной формой трансцендирования Левинас полагает диалог, который человек ведет с Другим⁵⁴ – по Левинасу, сложной этической категорией, частью самосознания, и в этом незавершимом диалоге идет становление личностной идентичности.

Э. Эриксон⁵⁵ внес в исследования идентичности фактор времени, процессуальность, и вывел категорию идентичности за границы психоанализа и философии. Эриксон определил идентичность как переживание индивидом себя как целого, как делящееся внутреннее равенство с собой. В отличие от Фрейда и Лакана, полагавших, что становление идентичности завершается в юношеском возрасте, Эриксон описывает процессы идентификации у взрослого человека в течение всей жизни, подчеркивая, в отличие от своих предшественников-психоаналитиков, роль Эго, то есть сознательного «Я», в выборе элементов, составляющих идентичность. Описав восемь «кризисов идентичности» полного жизненного цикла как норму, необходимые этапы человеческой жизни, Эриксон создал более тонкий инструмент для исследования динамики «Я», чем концепция личности, акцентирующая постоянство и устойчивость внутренней жизни человека. На протяжении жизни человек через серию утрат, травм, приспособлений к меняющимся обстоятельствам неизбежно должен изменять отдельные компоненты своей идентичности. Новизну идей

⁵³ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А. В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – С. 77-78.

⁵⁴ Левинас Э. Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.

⁵⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996; Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000.

Эриксона В.Н. Бадмаев видит в том, что он открыл «три основных направления или аспекта рассмотрения концепта идентичности: а) чувство идентичности, б) процесс формирования идентичности и в) идентичность как конфигурация, результат этого процесса»⁵⁶.

За полвека активного использования в гуманитарной сфере единого определения идентичности так и не сложилось, каждая гуманитарная наука в определении идентичности делает акцент на специфических и значимых для неё моментах, однако большинство исследователей согласны с тем, что:

- Идентичность не дана человеку от рождения, она формируется в процессе воспитания, образования, социализации, задаётся константами: именем, половой, расовой и этнической принадлежностью, родным языком, местом рождения.
- Идентичность изменчива на протяжении жизни, многогранна и вариативна. Идентичность представляет собой «неустойчивое, многомерное и дискуссионное явление, и поэтому все идентичности амбивалентны»⁵⁷.
- Идентичности предшествует процесс идентификации. По словам М.В. Заковоротной, «идентичность – результат идентификации, сочетающий упорядочивание, определение, схематизацию, моделирование процессов для понимания ситуаций с различием, т.е. с выбором места для себя»⁵⁸.
- Идентичность может быть осознаваемой и неосознаваемой. Осознаваемая идентичность – когда человек сам размышляет о своём

⁵⁶ Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально философский анализ). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук. – Волгоград, 2005. С. 21. Ср. оценку Е.Н.Богатыревой: по Эриксону, «человек сам созидает свою идентичность, он её моделирует, и каждая модель имманентно обладает двумя свойствами: она изменчива в движении человеческой жизни и является достаточно длительной для исполнения на практике». Богатырёва Е.Н. Теоретические модели идентичности в потоке социальных изменений // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – С. 6.

⁵⁷ Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 153.

⁵⁸ Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-на-Дону: изд-во Северо-Кавказского научн. центра высшей школы, 1999. – С.42.

поведении, неосознаваемая – «человек неререфлексируемо принимает нормы поведения, привычки, ритуалы»⁵⁹.

- Индивидуальная идентичность отражает в себе национальную, конфессиональную, профессиональную и гендерную экспоненты бытия индивида⁶⁰.

Возникновение категории идентичности применительно к анализу личностного «Я», усложнение его понимания и перемещение «истинного «Я» (идентичности) из психосоматического единства организма вовне – в культуру, язык, историю – отражает процесс релятивизации философско-гуманитарного знания на протяжении XX в., кризис традиционной европейской метафизики. Однако вырабатываемое при этом понимание «самости», воплощаемое в категории идентичности, представляется весьма плодотворным для гуманитарного знания, поскольку открывает новые возможности интерпретации важнейших традиционных вопросов, связанных с личностью, «концепцией человека» в литературе и искусстве, с отражением действительности в искусстве.

Нация

Подобно концепции идентичности, вырастающей в результате деконструкции традиционной концепции личности, концепция нации подвергается сегодня радикальному переосмыслению. Ей посвящено множество научных работ, как за рубежом, так и в России. Поскольку в нашу задачу естественным образом входит реконструкция взглядов Лу Андреас-Саломе на проблему нации, приведем очерк современного теоретического состояния этой проблемы.

Философский словарь определяет «нацию» следующим образом: «нация (лат. *natio* – племя, народ) – полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной

⁵⁹ Там же. С.145.

⁶⁰ Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001. – С. 33.

эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (политические нации) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-нации) с единым языком и самосознанием. Многозначность понятия «нация» отражает наличие множества концепций феномена нации»⁶¹.

Нацию следует отличать от этноса (греч. *ethnos* – группа, племя, народ), который является «межпоколенной группой людей, объединенной длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием»⁶². В основе понятия «этнос» заложено понимание общности людей как природного, естественного объединения, тогда как нация связывается с государственностью, «определяется как согражданство, означающее разнообразное по этническому, религиозному, расовому составу население, имеющее единую территорию, гражданство и государство»⁶³. В.М. Межуев подчеркивает: «Нация, в отличие от этноса, <...> это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию – выбираю, могу выбрать... Нация – это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность»⁶⁴. Индивид сам выбирает свою национальную принадлежность (графа «гражданство» в паспорте), но его выбор обусловлен воспитанием, образованием, уровнем социализации.

Идея нации – относительно недавняя идея, которая, однако, так глубоко пропитала умы на протяжении последних двух столетий, что стала восприниматься как естественная, едва ли не врожденная, концепция. Однако первые государства, которые возникли на карте Европы под лозунгами

⁶¹ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 460.

⁶² Там же. С. 856.

⁶³ Цит. по: Могилевич Б.Р. Язык и национальная идентичность в контексте межкультурной коммуникации // Проблемы идентичности в современном мире. – С. 121.

⁶⁴ Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992, № 5-6. – С. 16.

национального единства, возникли почти одновременно – Греция (1821) и Бельгия (1830), что не может быть случайностью.

Принято считать, что идея нации в ее современном понимании зарождается у И.Г. Гердера, в трактате «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784-1791)⁶⁵. Гердер первым среди просветителей поместил политическую групповую идентичность не в сферу государственной власти, а в сферу органического национального духа (Volksgeist). Нация у Гердера – своего рода «огромная семья», объединенная единым национальным характером, языком, культурой, территорией. От Гердера немецкие романтики унаследовали мысль о том, что дух нации воплощается в языке, мифологии и фольклоре, в традициях и ритуалах. Их изучение помогает раскрыть историю нации и предугадать ее будущее.

Широкое распространение идеи нации приходится на начало XIX столетия. Всплеск национализма в Европе эпохи наполеоновских войн выявил безграничный идеологический потенциал идеи нации. Ее взяли на вооружение политики в качестве мощнейшего оружия межгосударственной и внутривластной борьбы и к исходу XIX в. все европейские государства, вне зависимости от их реальной истории, представляли себя как государства единых наций.

Рассмотрим четыре основные концепции нации. На рубеже XIX-XX вв. идея нации возвеличивается в **примордиализме** (англ. *primordial* – исконный, изначальный). «Примордиализм» – единственная существовавшая при жизни Саломе теория нации – трактует нацию как «расширенную родственную группу, высшую форму этнической общности людей»⁶⁶. Эту традицию представляют Дж.С. Милль⁶⁷, Ж.Э. Ренан⁶⁸, Г. Лебон⁶⁹, В.И. Ленин

⁶⁵ Гердер И.В. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Послесл. А.В. Гулыги. – М.: Наука, 1977.

⁶⁶ Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. – 2004, №33. – С. 238.

⁶⁷ Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006.

⁶⁸ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 тт. / Пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского. Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87-101.

в своих работах о национальном вопросе⁷⁰, Л.Н. Гумилев с его концепцией пассионарности⁷¹ и позднейший по времени из классиков этого подхода, американский антрополог Клиффорд Гирц (1926-2006).

В структуралистской по методологии «Интерпретации культур»⁷² (1973) Гирц утверждает, что человек – порождение культуры в той же степени, как и культура – порождение человека. Реконструируя процесс становления человечества, он приходит к заключению: «человеческой природы, которая была бы независимой от культуры, не существует»⁷³. Национальные культуры Гирц рассматривает как сложно организованные системы, состоящие из качественно разных элементов, этоса и картины мира: «Этос того или иного народа – это тип, характер и стиль его жизни, отличительные особенности его этики и эстетики, это то, что лежит в основе отношения данного народа к самому себе и к своему миру, в котором эта жизнь отражается. Картина мира данного народа – это его представления о формах, в которых существует объективная реальность, его понимание природы, человека, общества. Картина мира включает в себя наиболее всеобъемлющие идеи данного народа об устройстве мироздания»⁷⁴.

Национальная культура у Гирца – это ещё и система систем. «В каждом обществе, согласно концепции Гирца, сфера культуры состоит из целого ряда систем, число которых тем больше, чем сложнее и дифференцированнее общество. <...> наблюдается более или менее типичный набор культурных систем, а также связей между ними, которые повторяются в большинстве обществ. Данные культурные системы – это, например, религия, идеология,

⁶⁹ Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2000. Г. Лебон говорит, что душу нации образуют идеи и чувства, приносимые на свет всеми индивидуумами этой нации. Сформировать общую душу возможно только тогда, когда народ живёт одинаковой жизнью, в одинаковой среде, имеет общие чувства, интересы и верования. Лебон уделяет в своих рассуждениях много внимания религии. Он считает, что толпа нуждается в религии и все верования – политические, божественные, социальные, – усваиваются ею лишь в том случае, если они облечены в религиозную форму, недопускающую оспариваний. Благодаря верованиям, люди обретают общие традиции, мнения и привычки, которые делают их схожими, т.е. делают их нацией.

⁷⁰ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов. – М.: Политиздат, 1979.

⁷¹ Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

⁷² Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова, Г.М. Дашевского и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

⁷³ Там же. С. 61.

⁷⁴ Там же. С. 149-150.

политика, наука, искусство»⁷⁵. Эти системы и есть те компоненты национальной идентичности, которые образно воспроизводит литературное произведение и на которые мы будем обращать внимание при анализе текстов Лу Андреас-Саломе.

С «природной» примордиалистской концепцией нации спорит **модернистский** подход, который представляют Э. Геллнер, Д. Бройи⁷⁶, Э. Хобсбаум, А. Коэн, Г. Дилигенский, К. Дойч⁷⁷. «Нации как естественный, данный от Бога способ классификации людей, как изначально уготованный им, хотя долго не осознаваемый политический удел – это миф»⁷⁸, – утверждает английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер (1925-1995). Модернисты полагают, что нация – это исторический феномен; появление наций связано с экономическими изменениями, индустриальной революцией, развитием капитализма и государственной централизацией, становлением системы общего стандартизированного образования. В монографии «Нации и национализм» (1983) Геллнер утверждает, что наций не было на ранних исторических этапах развития человечества, они – продукт индустриальной стадии, для которой характерны бюрократизация общества и распространение грамотности. Геллнер определяет национализм как «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁷⁹.

Сходным образом понимает «нацию» британский культуролог и историк Эрик Хобсбаум (1917-2012): это «всякое достаточно крупное человеческое общество, члены которого воспринимают себя как “нацию”»⁸⁰. В работе «Нации и национализм после 1780 г.» (1992) он углубляется в

⁷⁵ Елфимов А.Л. Клиффорд Гирц: интерпретация культур // Гирц К. Интерпретация культур. – С. 546.

⁷⁶ Бройи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. // Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 201-235.

⁷⁷ Deutsch K. Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality. – Cambridge: MIT Press, 1966.

⁷⁸ Геллнер Э. Нации и национализм [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 17.

историю понятия «нация» и доказывает, что современное понимание нации как политического, языкового и культурного единства возникло в Новое время. Только после Американской и Французской революций слово «нация» приобретает политизированный смысл и становится эквивалентом государства. Французская революция выдвигает уравнение нация=народ=государство и связывает, таким образом, нацию с территорией. «Став “народом”, граждане страны превращались в своего рода общность (хотя и воображаемую), а значит, членам этой новой общности приходилось искать – а следовательно, и находить – нечто их объединявшее: обычаи, выдающиеся личности, воспоминания, места, знаки и образы»⁸¹.

Хобсбаум подрывает примордиалистскую телеологию нации, показывая, какого рода исторические случайности вели к выбору одного из множества диалектов или языков в качестве национального и государственного, амбивалентность религии как фактора национального самосознания.

Модернистские концепции нации на первый взгляд никак не могут пригодиться при анализе наших материалов. Однако применительно к текстам Андреас-Саломе они интересны тем, что позволяют поставить вопрос о существовании в аграрной дореволюционной России единой нации и, следовательно, единой «национальной души», о специфике русского народного единства, «мира», и об отражении этой специфики в творчестве Саломе.

В основе **постмодернистской** концепции нации лежит признание множественности точек зрения на концепт, смещение акцента с реальности нации на механизм ее образования⁸². «Представители постнеклассического подхода (Б. Андерсон, К. Вердери, среди современных российских гуманитариев В. Тишков⁸³, А. Миллер) рассматривают нацию как продукт воображения, как идею или проект, формирующийся при помощи

⁸¹ Там же. С. 144.

⁸² См. по данному вопросу статьи Бенедикта Андерсона, Кэтрин Вердери и др. в работе: Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. // Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002.

⁸³ Тишков В. Научные труды [электронный ресурс] <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3.html>

дискурсивных практик: научных, художественных, политических»⁸⁴. Нация как дискурсивная практика есть во многом, разумеется, продукт художественной литературы; не случайно национальные «шотландские» романы В. Скотта, американские романы Ф. Купера с ярко выраженной национальной проблематикой появляются одновременно с возникновением национализма.

Ярчайшим представителем постмодернизма в национальных студиях является Бенедикт Андерсон (р.1936). В книге «Воображаемые сообщества»⁸⁵ (1983) он понимает нацию как ограниченное, но суверенное воображённое политическое сообщество собратьев. «Оно воображённое, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности»⁸⁶. Ограниченность нации состоит в том, что она обладает постоянными, но подвижными границами, за пределами которых находятся другие нации; нация «всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество»⁸⁷.

Идея нации возникает, по Андерсону, в конце XVIII в., в связи с распространением «печатного капитализма», создавшего «моноязычные читающие публики»⁸⁸, которые выстраивали для себя образы общей древности, совместную историческую традицию, то есть национальный миф; соответственно язык в национальных государствах получил «центральное идеологическое и политическое значение»⁸⁹. Из блестящего исследования Андерсона мы заимствуем идею о роли книги в конструировании представлений о нации и ее восприятии в общественном сознании.

⁸⁴ Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. культурологи. – Екатеринбург, 2004. – С.5.

⁸⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

⁸⁶ Там же. С. 31.

⁸⁷ Там же. С. 32.

⁸⁸ Там же. С. 66.

⁸⁹ Там же. С. 89.

М. Биллиг расширяет аргументацию Андерсона: «первоначальное “воображение” иногда воспроизводится через целенаправленное развёртывание национальных символов, но в остальном через повседневные привычки, которые осознаются нами весьма смутно или не осознаются вовсе. В качестве примера можно привести национальный флаг, вывешенный перед почтовым отделением, или национальные символы на монетах и банкнотах, используемых нами в повседневной жизни»⁹⁰, – эта неосознанность повседневных привычек национальной жизни может, однако, проявиться под взглядом человека другой национальности, как мы это увидим в произведениях Лу Андреас-Саломе.

Четвертая концепция нации, **этносимволизм**, или перенниализм (англ. *perennial* – вечный), как модернизм и постмодернизм, не видит в нации исконное или естественное образование, но в отличие от них считает, что основой нации является этническая принадлежность, общие история, культура и самосознание.

Английский социолог и философ Энтони Смит (р.1939) в статье «Происхождение наций»⁹¹ (1989) занимает позицию золотой середины между примордиалистами с их природностью нации и постмодернистами, видящими в нации абстрактную идею, сконструированную элитами. Он утверждает, что нации формируются как стихийными факторами (климат, природные условия), так и с помощью воли и действий людей (образование, право, административная централизация), т.е. «нации можно рассматривать одновременно как конструкции или идеологии националистских (или других) элит, так и, в равной степени, как реальные исторические образования, которые претворяют в жизнь ряд теоретически индивидуальных процессов через большие отрезки времени»⁹². В понимании нации Смит делает акцент на роли истории: «Чувство общего “происхождения” и предков – ключевое

⁹⁰ Цит. по: Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2005, №4 (49). – С. 41.

⁹¹ Smith A.D. The Origins of Nations // Nations and Identities: Classic Readings. – Massachusetts, Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 333-353.

⁹² Ibid. P. 335.

для понимания нации»⁹³. Мифы о предках, наличие общих воспоминаний были характерны уже для многих обществ доиндустриальной эпохи, говорит автор. Мифы, символы, воспоминания и ценности переносятся медленно изменяющимися элементами культуры и жизнедеятельности, поэтому этнические сообщества долговечны. Многие из этносов постепенно закрепились на определённой территории и выработали отличительные законы и обычаи – стали нациями в современном понимании.

В статье «Национальная идентичность: современная и средневековая»⁹⁴ Э. Смит говорит, что в XVIII-XIX вв. рождаются не нации, как утверждают модернисты, а национализм. «Ключевой доктриной» национализма автор называет следующие положения:

- Мир поделен между нациями, каждая из которых обладает своим характером и судьбой;
- Нация является единственным источником политической власти и почтение к ней превалирует над всеми остальными видами почтения;
- Каждый должен принадлежать к нации, если он / она хотят быть на самом деле свободными;
- Для того чтобы реализовать себя, нации должны быть автономными;
- Нации должны быть свободными и находиться в безопасности, если они ставят своей целью мир и справедливость.⁹⁵

Этносимволистский подход является наиболее продуктивным из рассмотренных выше при анализе способов концептуализации нации в художественном тексте; его, как, правило, используют литературоведы, занимающиеся национальной проблематикой. Наш анализ образа России в художественном творчестве Лу Андреас-Саломе также включает в себя элементы этносимволистского подхода.

⁹³ Smith A.D. National Identities: Modern and Medieval // Concepts of National Identity in the Middle Ages. Ed. by Simon Forde, Lesley Johnson and Alan V. Murrey. – Leeds: School of English, University of Leeds, 1995. – P. 28.

⁹⁴ Ibid. P. 21-46.

⁹⁵ Ibid. P. 25.

Национальная идентичность

Национальная идентичность – это одна из форм коллективной идентичности, которая устроена и функционирует подобно категории личностной идентичности: она многосоставна, статична и динамична одновременно, реализуется через взаимодействие с Другой / Другими – нацией, культурой. Энтони Смит определяет национальную идентичность как «поддержание и постоянное воспроизводство определенного склада, набора ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, которые составляют отличительное культурное наследие нации, а также идентификацию отдельных индивидуумов с этим отличительным наследием, набором ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций»⁹⁶.

Можно выделить следующие виды национальной идентичности: осознанную или бессознательную (когда человек считает себя представителем одной нации, но при этом проявляет качества, характерные для культуры другой нации); полную или частичную – человек может считать себя частью одной или нескольких наций.

В качестве компонентов национальной идентичности выделяют когнитивный (знание о собственной нации и её отношениях с Другими), оценочный (чувство национального достоинства), волевой (представление о национальных интересах, которое имплицитно содержит в себе готовность действовать в направлении их реализации)⁹⁷.

О.В. Рябов выделяет коллективный (осознание и переживание нацией своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидом своей принадлежности к нации) уровни национальной идентичности⁹⁸. На коллективном уровне выбора нет: «Коллективная национальная идентичность вырабатывается в ходе

⁹⁶ Smith A.D. *Nationalism and Modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism.* – N.Y., L.: Routledge, 1998. – P. 30.

⁹⁷ Рябов О.В. Указ. соч. – С. 33-34.

⁹⁸ Рябов О.В. Матушка-Русь и её защитники: Гендерные аспекты конструирования образа русской интеллигенции в контексте историсофских поисков национальной идентичности // Интеллигенция и мир. – 2001, №2/3. – С. 75.

саморефлексии нации, в ходе которой осуществляется не уподобление и / или отождествление, а сопоставление и / или сравнение себя с другими нациями и заключается в осознании нацией себя как таковой, признание себя нацией, обладающей определёнными признаками. Часть этих признаков проходит через всю историю народа и является постоянными, константными, а часть – возникает на определённых этапах исторического развития и может быть отнесена к вариативным»⁹⁹. «Коллективные идентичности воображаются, они существуют как стилизованные явления»¹⁰⁰, – подчёркивает И. Нойман. Наоборот, на индивидуальном уровне национальная идентичность может конструироваться сознательно. Как пишет М.К. Попова, «на уровне отдельного человека национальная идентичность может быть следствием сознательного выбора: человек под влиянием тех или иных факторов – происхождение, воспитание, эмиграция – начинает считать себя частью той или иной нации»¹⁰¹. В следующей главе будет показано, как шел этот процесс в случае Андреас-Саломе.

Далее, в качестве дифференцирующих признаков национальной идентичности принято выделять конфессиональные особенности народа, язык, территорию, ценности, нормы, историю и память этноса, мифы об общих предках, народное и профессиональное искусство. Обратимся к каждому из этих признаков.

Большинство современных национальных государств опирается на одну из мировых религий. Религия – духовно-ценностная сторона жизни общества, основа культуры нации, хранительница нравственных ценностей, которые отражаются в каждой национальной литературе. Религия в значительной степени обуславливает восприятие окружающей действительности, воздействует на картину мира народа. Идентичность

⁹⁹ Там же. С. 15-16.

¹⁰⁰ Нойманн И.Б. Указ. соч. – С. 14.

¹⁰¹ Попова М.К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 21.

русских, согласно исследованиям О. Рябова, сформировалась под влиянием православной веры и её атрибутов¹⁰².

Одним из важнейших признаков национальной идентичности является язык, формирующийся во взаимодействии с культурой, являющийся посредником между человеком и окружающим миром и отражающий национальную картину мира. Через язык человек ощущает сопричастность к своему народу: «Со времени немецких романтиков язык использовался в качестве главного культурного критерия, при помощи которого разграничивались человеческие коллективы»¹⁰³. То есть язык являлся и является «одним из главных признаков различения “своего” и “чужого”»¹⁰⁴.

Через язык мы подошли к наиболее важной для конструирования национальной идентичности паре «Свой» / «Чужой», которой в своих работах уделяли внимание многие западные и российские учёные: М.М. Бахтин¹⁰⁵, Э. Левинас, Э. Саид¹⁰⁶, И. Нойман¹⁰⁷, современные филологи¹⁰⁸, философы¹⁰⁹ и др.

¹⁰² Рябов О.В. «Матушка-Русь». – С. 102.

¹⁰³ Нойманн И.Б. Указ. соч. – С. 162.

¹⁰⁴ Попова М.К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. – С. 66.

¹⁰⁵ «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже <...> один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, новые смысловые глубины. Без этих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого... При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются». Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 353-354.

¹⁰⁶ «Конструирование идентичности – поскольку идентичность Востока, Запада, Франции или Британии, будучи вместилищем определенного коллективного опыта, является в конце концов именно конструкцией, – предполагает нахождение противоположного, “Другого”, чья действительность является предметом постоянной интерпретации с точки зрения его отличия от “нас”. Каждая эпоха и общество воссоздают своих “Других”. Собственная идентичность или идентичность “Другого” – вовсе не есть нечто статичное, но скорее, исторический, социальный, интеллектуальный и политический процесс». Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб: «Русский мир», 2006. – С. 513.

¹⁰⁷ «Конструирование идентичности включает в себя не только определение того, кем некто является, но и того, кем он не является. Групповая идентичность не может быть понята без “Другого”, от которого отличается “Я”». Нойманн И. Б. Указ. соч. – С. 199.

¹⁰⁸ «“загадочная” национальная специфика (вспомним Киплинга: “Запад есть Запад, Восток есть Восток...”) возникает тогда (и только тогда), когда мы начинаем сравнивать хотя бы два разных народа. И лишь то, что при этом сравнении не совпадает, – в искусстве, языке, быте, психологии, поведении, внешности и т.п., – как раз и называется “национальной спецификой”». Национальная культура и национальная психология // Художественная жизнь современного общества. Т 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Отв. редактор К. Б. Соколов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 38.

¹⁰⁹ «Идентичность – это всегда дистанцирование от других; идентификация невозможна без сравнения, взаимодействия». Рябов О.В. «Матушка-Русь». – С. 34.

Использование оппозиции «Свой» / «Чужой» является неотъемлемой частью любого исследования национальной идентичности, т.к. общепризнано: чтобы познать себя, нужен другой или множество других. «И на индивидуальном, и на коллективном, и на национальном уровне *своё* не мыслится без *другого, чужого*; идентичность не строится без оглядки на альтеричность»¹¹⁰. В противоположность «Чужим» и «Чужому», «Своё» – это что-то исконное, хорошее, родное, семья: «Чужое – это то, чего не знаешь, другой язык, который не понимаешь, что-то незнакомое, неисследованное, интересное, новое, другая религия – но и что-то недоброе, опасное, пугающее».¹¹¹

На коллективном уровне, говоря словами Г.Д. Гачева, «национальное самопознание неотделимо от работы познавания других народов»¹¹². Кто такие «они»? «Они» – это все, кто не относится к «мы», а потому являются нашими врагами. Как пишет Э. Хобсбаум, «если бы чужаков и иностранцев с их коварными плутнями не существовало вовсе, их непременно следовало бы выдумать»¹¹³.

Третий из указанных нами дифференцирующих признаков – территория проживания нации. В терминологии Г.Д. Гачева это Космос, или тип местной природы. По мнению учёного, природная среда обуславливает характер нации, ее мировоззрение: «в ядре своём каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и прочее, ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления»¹¹⁴. Гачев вводит также термин «Природина», составленный из слов «природа» и «родина». «Природине» Гачева соответствует введённое Э. Смитом в работе «Мифы и

¹¹⁰ Шоре Э. Чужой мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности в произведениях Надежды Дуровой и Елены Ган // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Евгении Строгановой и Элизабет Шоре. – Тверь: Лилия Принт, 2006. – С.204.

¹¹¹ Шифкорн А. Оппозиция «своё» и «чужое» в европейской политике // Межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, В.М. Бухпров и др. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – С. 234.

¹¹² Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007. – С. 10.

¹¹³ Хобсбаум Э. Указ.соч. С. 276.

¹¹⁴ Гачев Г.Д. Указ. соч. С. 22.

воспоминания о нации»¹¹⁵ (1999) понятие «этнопейзаж» («ethnoscape»), под которым понимается «исторический и поэтический пейзаж, насыщенный культурой и историей определённой этнической общности»¹¹⁶. Пейзаж как неотделимый фон национальных событий становится вместилищем национальной памяти или «памяти места». Роль пейзажа в формировании национальной идентичности акцентирует А.В. Лукина: «Любой нарратив нации включает в себя пространственные элементы, образ своей территории, своего обитаемого пространства. Таким образом, одной из дискурсивных форм построения национальной идентичности является пейзаж»¹¹⁷.

Ценности и нормы, сформировавшиеся в процессе развития этноса, закрепились в обычаях, традициях и ритуалах, повседневных привычках, национальных праздниках, а также в символах. Они играют важную роль в формировании национальной идентичности в процессе социализации личности. Национальные ценности закрепились в фольклоре, в авторских произведениях художественной литературы. В процессе исторического развития нации одни ценности и нормы исчезают, появляются новые, которые постепенно закрепляются в национальной символике.

Важную роль для формирования национальной идентичности играет история нации. Д.С. Милль, определяя нацию как сообщество индивидов, обладающих общими чувствами, отмечал, что эти общие чувства являются продуктом общей исторической и национальной судьбы (разделённое прошлое, воплощённое в общих радостях и скорбях)¹¹⁸.

Резюмируя всё вышесказанное о национальной идентичности, можно сказать, что это явление сложное, амбивалентное, неопределённое и размытое. В каждом конкретном случае национальная идентичность определяется своим набором характеристик. Рассмотрим, что привносит

¹¹⁵ Smith A.D. *Myths and Memories of the Nation*. – Oxford: Oxford UP, 1999.

¹¹⁶ Цит. по: Попова М.К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху / М.К. Попова, П.А. Бороздина, Т.А. Тернова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. – С. 20.

¹¹⁷ Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности. С. 244.

¹¹⁸ См.: Могилевич Б.Р. Указ. соч. С. 120.

использование категории «национальная идентичность» в литературоведческое исследование.

Литература как отражение и средство конструирования национальной идентичности

В истории литературы и в критике давно были в ходу порождённые Просвещением и романтизмом понятия «национального духа», «национального характера». В литературоведческих работах XX в. часто встречаются словосочетания «национальная картина мира», «национальный менталитет», «национальный миф». В конце прошлого века наряду с перечисленными терминами в понятийный аппарат литературоведения входит категория «национальная идентичность». Возникает вопрос, насколько правомерно и необходимо использование данной категории в науке о литературе и как она соотносится с другими терминами, имеющими компонент «национальный»?

Понятие «**национальный дух**» возникло примерно в XVII в. в дипломатии, а позже было развито у французских просветителей, особенно у Вольтера и Монтескье. Во второй половине XVIII в. о национальном духе писали Мозер¹¹⁹ и Гердер. В художественном и философском творчестве романтиков «национальный дух» означал своеобразие народа в религии, искусстве, системе права, политике, философии. Выражением своеобразия национального духа был национальный характер.

Термин «**национальный характер**» начал активно употребляться также в XVII-XVIII¹²⁰ вв., но преимущественно в художественной прозе и путевых заметках. Как пишет британский историк Пол Лэнгфорд, «характер выражал себя в том, что мы называем манерами <...>. Манеры были в основном продуктом социального взаимодействия прошлого и настоящего. Объяснение манер отдельного человека – это описание его воспитания,

¹¹⁹ Moser Friedrich Carl von. Von dem deutschen Nationalgeist. 1765.

¹²⁰ Langford P. Englishness Identified: Manners and Character 1650-1850. – Oxford: Oxford UP, 2000. – P. 7.

образования и опыта. Объяснение манер нации означало исследование её физического окружения, экономического прогресса и политического каркаса»¹²¹. О.О. Намлинская характеризует национальный характер как «совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, образе мыслей, складе ума»¹²². Похожее определение даёт М.В. Заковоротная: «Национальный характер – это совокупность устойчивых психических особенностей и культурных атрибутов нации, которые зависят от всеобщей жизнедеятельности и условий жизни и проявляются в поступках»¹²³. То есть национальный характер – это наиболее яркие и специфические черты культуры нации.

В культуре нации – философии, мифологии, языке, фольклоре, – содержатся определённые представления и ценности, которые формируют способ отношения человека данной нации к миру, т.е. **национальную картину мира**. Г.Д. Гачев выделил такие составляющие части картины мира, как Космос, Психею и Логос: «Каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления находятся во взаимном соответствии и дополнительности друг к другу»¹²⁴. Гачев предлагает следующие «параметры анализа национальной картины мира: национальные предметы (дом, национальная еда, тело человека, танец, музыка, игры), национальный Зодиак, пространство и время, язык, природа, эрос и пр.»¹²⁵. Так как в ходе истории и развития нации её ценности могут постепенно меняться, то и «национальная картина мира не является неизменной. Она различна в различные периоды жизни нации и для различных групп внутри нации»¹²⁶.

¹²¹ Ibid. P. 8.

¹²² Намлинская О.О. Русская национальная идентичность в молодёжной среде [электронный ресурс] <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Namlinkaja/>

¹²³ Заковоротная М.В. Указ. соч. – С.178.

¹²⁴ Гачев Г.Д. Указ. соч. – С. 460.

¹²⁵ Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук / Картина мира и способы её репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск) / Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 20.

¹²⁶ Осмонова Н.И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); Общечеловеческое и национальное в философии: II международная

Национальный менталитет (или национальная ментальность)¹²⁷ – термин менее распространенный, чем предыдущие, и более расплывчатый. Используя его ученые полагают, что национальный менталитет позволяет представителям одной нации «единообразно воспринимать социальную действительность, оценивать её и действовать в ней в соответствии с определёнными устоявшимися нормами и образцами поведения»¹²⁸. Он «формируется под воздействием национального языка, народных традиций, народной культуры, народной мудрости и проявляется в тех реалиях, которым данный народ отдаёт предпочтение»¹²⁹.

Отличие национального менталитета от национальной картины мира состоит в следующем: национальная картина мира, как структура национального сознания, лучше видна изнутри, а менталитет лучше виден со стороны, «национальный менталитет является инструментом создания национальной картины мира»¹³⁰. Были попытки связать национальную идентичность с системой «**национальных стереотипов**», с понятием «**национального мифа**» (С.Н. Филюшкина¹³¹, В. Шаповалов¹³²).

Как видно, вся рассмотренная цепочка понятий от «национального духа» до «национального мифа» акцентирует, в соответствии с дискурсом эпохи, разные стороны той проблематики, которую мы описали в предыдущем параграфе как проблематику категории «национальной

научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ. ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С.162.

¹²⁷ В отличие от Н.С. Южалиной и некоторых других исследователей, считающих понятие «менталитет» более широким по отношению к «ментальности» (Южалина Н.С. Менталитет как социокультурная целостность. Автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. культурологии. – Челябинск, 2003), мы в нашей работе не считаем целесообразным разграничивать данные понятия.

¹²⁸ Алёхина С.Н. Дом и человек в русской ментальности (философские искания В.В. Розанова) // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 173.

¹²⁹ Попов С.А. Топонимические легенды как особый взгляд русского народа на местные географические названия и их происхождение // Там же. – С. 81.

¹³⁰ Попова М.К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху. С. 12.

¹³¹ «стереотип по своей природе консервативен, он может жить на протяжении столетий, оставаясь неизменным или слегка «подправляясь» новой эпохой; миф же меняется в зависимости от времени и идеологической потребности общества или даже какой-либо его части». Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. – 2005, № 4 (49). – С. 144.

¹³² Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. – 2000, №1. – С. 51-67.

идентичности». Понятие «национальная идентичность» является синтезирующим по отношению к предыдущему ряду понятий, вносит в них процессуальность и историзм, следовательно, обладает более высоким когнитивным потенциалом и потому является для нас предпочтительным.

В зарубежное литературоведение категория «национальная идентичность» пришла в 1990-е гг. По индексу цитирования наиболее востребованными являются работы Хоми Бхабха, основной из которых признаётся эссе «DissemiNation: time, narrative, and the modern nation»¹³³, посвящённое национальному дискурсу. Бхабха понимает нацию как вездесущую скрытую форму функционирования локальности культуры. Эта локальность «более сложная форма жизни, чем “сообщество”; более символичная, чем “общество”; более коннотативная, чем “страна”; менее патриотичная, чем *patrie*; более риторичная, чем интересы государства; более мифологичная, чем идеология; <...> более гибридная, чем артикуляция культурных различий и самоидентификаций, которые могут быть представлены каким бы то ни было иерархическим или бинарным структурированием социального антагонизма»¹³⁴. Одним из важнейших свойств нации является её метафоричность, которая связана с тем, что на позднем этапе своего формирования – в XIX в. – нации занимают место и перенимают функции изживших себя общины и рода. Нация становится в один ряд с понятиями «дома», «родины», «родного языка» и «отечества».

Х. Бхабха рассматривает нацию как нарратив¹³⁵, формулирует комплекс стратегий культурной национальной идентификации, которые формируют нарративы в художественной литературе. Нация как система культурного смысла и нарративной стратегии является, по мнению Бхабха,

¹³³ Bhabha H.K. *DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation* // *Nation and Narration*. – L., N.Y.: Roudedge, 1990. – P. 291-323.

¹³⁴ Бхабха Х. Местонахождение культуры / Пер. с англ. Г. Гобзема. // *Перекрёстки*. – 2005, №3-4. – С. 177-178.

¹³⁵ Нарратив (англ. *narrative* – повествование) – изложение фактов и событий в литературном произведении в той последовательности, как они написаны автором. Для нарратива неважно наличие замысла автора, исходного смысла. Текст сам творит свою собственную реальность. Автор повествует не о событиях, как они есть, а том, какими видит их он. Отличие автора-повествователя от героя текста – субъекта нарратива – только в том, что автор знает финал текста.

амбивалентной. Амбивалентность нации обеспечивает прерывистость, дискретность национального текста.

На рубеже веков термин «национальная идентичность» пришёл в отечественное литературоведение. Центром изучения национальной идентичности в художественной литературе стал Воронежский МИОН. Доклады организованных им летних школ и конференций составили основу нескольких сборников¹³⁶, в которых анализируется «английскость», «немецкость», «национальная концептосфера» в конкретных произведениях художественной литературы¹³⁷. Обширный теоретический и практический материал синтезирован в уже фигурировавших выше монографиях и статьях М.К. Поповой, где национальная идентичность рассматривается в синхроническом и диахроническом аспектах, причем синхронический подход «даёт возможность <...> показать, каким является самообраз нации в данный период её развития»¹³⁸, а при диахроническом подходе в центре оказывается «процесс формирования самообраза нации через осознание ею своей этнической и культурной специфики»¹³⁹.

М.К. Попова так определяет роль национальной идентичности в литературе: «литература помогает глубже понять проблему национальной идентичности, но и анализ этой проблемы способствует более глубокому и тонкому пониманию литературного произведения и всех его составляющих: идейной насыщенности, художественного мира, его элементов: системы персонажей, образов главных героев, художественной детали»¹⁴⁰.

¹³⁶ Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Мат. науч. конф. (Воронеж – Задонск, 3-6 июня 2000 г.): в 2 т. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000; Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: Материалы школы-семинара. (Воронеж, 25-30 июня 2001): в 2 т. – Воронеж: Полиграф, 2001; Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002; Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография: В 2 ч. / Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.

¹³⁷ См. в указанных сборниках работы А.Б. Ботниковой, Т.Г. Струковой, С.Н. Филюшкиной.

¹³⁸ Попова М.К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. С. 17.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001, №2. – С. 48.

Нас интересует вторая часть формулы: анализ литературного произведения с позиций национальной идентичности. Посмотрим на традиционные художественные средства: система художественных деталей, ландшафт¹⁴¹, образы героев, мотивы и лейтмотивы, название произведения – все они могут служить выражению национальной идентичности. Даже грамматический строй языка может интерпретироваться как выражение национальной специфики¹⁴². Например, использование автором большого количества придаточных предложений в речи одного из персонажей может служить для создания образа немца, так как длинные предложения с множеством придаточных типичны для немецкого языка. М.К. Попова среди художественных средств, выражающих национальную ментальность и национальную концептосферу, выделяет национальную топику (топос расставания влюблённых в русской культуре, топос покорения пространства в американской), символические образы (Эйре в ирландской литературе), художественную деталь (перечисление пород рыб в рыцарском романе «Хавелок-датчанин» как выражение «островной» психологии)¹⁴³.

Из российских литературоведов, уделивших внимание в своих научных штудиях проблеме национальной идентичности, следует назвать также О.Г. Сидорову¹⁴⁴, И.В. Кабанову¹⁴⁵, Г.Ю. Шишкину¹⁴⁶, Т.В. Беспалову¹⁴⁷. Тесно связанной с национальной идентичностью проблемой межкультурной

¹⁴¹ «Политологи говорят о том, что одним из самых важных объектов национальной гордости, выражающей чувство принадлежности к нации, является пейзаж». Попова М.К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. С. 145.

¹⁴² «Некоторые исследователи рассматривают лингвистический аспект художественного текста, считая, что его строй и грамматические особенности могут служить выражением национальной идентичности». Там же. С. 50.

¹⁴³ Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература. С. 47.

¹⁴⁴ Сидорова О.Г. Английский язык и конфликт культур в постколониальном романе // Известия Уральского государственного университета. – 2003, № 28. – С. 139-147.

¹⁴⁵ Кабанова И.В. Теории национальной идентичности // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 24. – Воронеж, 2006. – С. 210-219; Кабанова И.В. Джулиан Барнс в поиске национальной идентичности // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 164-172.

¹⁴⁶ Шишкина Г.Ю. Национальная концептосфера в литературе: современный взгляд на проблему // Межкультурная коммуникация и проблема национальной идентичности. – Воронеж, 2002. – С. 537-541.

¹⁴⁷ Беспалова Т.В. Русская национальная идентичность / Т.В. Беспалова, В.Ю. Верещагин, Г.А. Филатов. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2005.

коммуникации занимаются нижегородские литературоведы В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, М.В. Цветкова¹⁴⁸ и др.

В завершение теоретической части нам остается дать очерк того, как во времена Лу Андреас-Саломе проблематика русской национальной идентичности воспринималась в Германии рубежа XIX-XX вв.

Создание образа России в Германии: начало

В. Елистратов выделяет три структурных типа западного мифа о России: бытовой, литературный и политический. Бытовой миф имеет литературные корни, вырастая из литературы путешествий. Он «выстраивается по этнографически-природоведческому сценарию, в него входят мифологемы, связанные с климатом и национальной психологией мифологизируемой страны. Сюда же могут входить эмблемы материальной культуры (водка, тройка, балалайка, самовар, матрёшка и т.п.)»¹⁴⁹. «В основе литературного мифа лежит отождествление художественного мира русской классической литературы и российской реальности как таковой»¹⁵⁰. Этот миф строится на произведениях Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.И. Герцена. Политический миф строится на представлении о России как стране деспотизма в противоположность стремящимся к свободе европейским странам. Это типологическое разграничение по-своему полезно, однако, плохо работает в практике анализа национальной идентичности.

Образ России, каким он сложился в странах Западной Европы к моменту работы Лу Андреас-Саломе над своими «русскими» художественными произведениями, не был таким однозначным, как воспроизведенные В. Елистратовым стереотипы. В разных странах и в

¹⁴⁸ Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2008; Цветкова М.В. Концепт «Englishness»: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Мат. науч. конф. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000. – Т. 2. – С. 87-93.

¹⁴⁹ Елистратов В. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1994. – С. 9.

¹⁵⁰ Шаповалов В.Ф. Указ. соч. – С. 59.

разные периоды Россию трактовали по-разному в зависимости от политики и экономических интересов той или иной европейской державы; незнание и недоверие к «Другому» делали Россию страной, на которую всегда было удобно проецировать собственные проблемы. Образ России в Европе создавался в зависимости от того, каким европейцы видели своё развитие: в позитивном свете оно представляло им, или в негативном – Россия всегда казалась противоположностью.

Представления о России в европейских странах начали складываться благодаря сообщениям путешественников, интерес которых к Русскому государству проснулся с конца XV в. В первой половине XVI в. путевые заметки о России были немногочисленны, но ситуация изменилась после Ливонской войны (1558-1583), когда в Россию начался поток посольств европейских государств. Появляются путевые заметки о России¹⁵¹, наиболее значительные из которых «Записки о Московии» (1549) немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна¹⁵² (1486-1566) и «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» (1647) учёного Адама Олеария¹⁵³ (1599-1671).

Центральным мотивом записок Герберштейна стал не потерявший по сей день актуальности вопрос о континентальной принадлежности России –

¹⁵¹ В XVI веке о России пишут А. Кампенезе, «Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии» (1528), Г. Шгаден, «Страна и правление Московитов» (1576).

¹⁵² Дважды посетил Россию: в 1517 г. в качестве посла императора Максимилиана и в 1526 г. в качестве посла австрийского эрцгерцога Фердинанда. Результатом его 9 месяцев в России стали «Записки о Московии», написанные на латинском языке. Книга освещала такие сферы русской жизни, как торговля, религия, обычаи, экономика, политика и являлась первой этнографической работой о России, написанной очевидцем. Книга была переведена в 1550 на итальянский, в 1557 и 1563 г. – на немецкий язык, первый из которых – авторский; выдержала многочисленные издания в Швейцарии, Италии, Англии. Герберштейн С. Записки о Московии // Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

¹⁵³ Олеарий посетил Московию в составе посольства шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III ко двору Михаила Фёдоровича в 1633-34, 1636, 1639 и 1643 гг. В задачу посольства входило налаживание торговых контактов через Россию с Персией. По пути в Персию у учёного была возможность познакомиться с Казанью, Астраханью, Нижним Новгородом. Олеарий подробно описывал день за днём. Эти записи, снабжённые рисунками одежды и утвари, были опубликованы впервые в 1647 г. в Шлезвиге под названием «Часто испрашиваемое описание нового восточного путешествия ... к королю Персии» («Oft beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise ... den Konig Persien»), а затем переработаны и дополнены Олеарием и переизданы в 1656 г. с изменённым названием. В 1656 г. вышел французский перевод, в 1651 – голландский, в 1662 – английский, в 1658 – итальянский, в 1870 – русский перевод, сделанный Барсовым, под заглавием «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарём посольства А. Олеарием». Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Пер. с нем. А.М. Ловягина. – Смоленск: Русич, 2003.

Европа или Азия? Многие высказывания автора «Записок о Московии», будут снова и снова цитироваться путешественниками в двух следующих столетиях, пока не превратятся в клише. Например, размышления о деспотии российской власти и рабском менталитете народа будут подхвачены уже Олеарием и, кочуя из описания в описание, достигнут апогея в известном сочинении маркиза де Кюстина.

Ту роль, которую Герберштейн сыграл для формирования образа России в Европе XVI в., в XVII в. имел Олеарий. В противоположность «Запискам» Герберштейна, труд Олеария более нагляден, снабжён примерами, тематически структурирован. Из шести частей особенно интересной представляется третья, в которой учёный рассказывает о государственной форме, судопроизводстве, власти, климате, населении, жизненном укладе и церкви. У Олеария появляется трактовка России как отсталой страны, русских как варваров и другие негативные характеристики «москвичей», ставшие затем стереотипами. И высшие круги, и простой народ видятся ему грубыми и неотёсанными, бесстыдными, ленивыми и страдающими запоем. Он выстраивает европоцентристскую картину с приниженной ролью в ней других народов.

Поэт Пауль Флеминг (1609-1640), друг Олеария, сопровождавший его во время поездки в Московское государство в 1633-39 гг.¹⁵⁴, напротив, воспекает в своих сонетах Москву, Волгу и жителей России («Великому городу Москве во время прощания», «Волге»).

В XVIII в. Россия благодаря реформам Петра I становится сильной европейской державой, что доказывает внешней политикой, войнами со Швецией, Пруссией, Османской империей. Россия для Европы XVIII в. – страна с загадочным, непонятым народом, представляющая военную угрозу,

¹⁵⁴ Алексеев М.П. Пауль Флеминг в Москве и на Волге // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты / Сост. В.Е. Багно. – СПб.: Обществ. объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга, 2001. – С. 29-65.

– стала объектом пристального внимания мыслителей и философов, писателей, путешественников¹⁵⁵.

Эпохой Просвещения в Германии была сформирована традиция воспринимать Россию как евроазиатскую страну, не только в географическом, но и в культурном смысле: «Поскольку философы Просвещения закрепили за “Западной Европой” статус колыбели цивилизации, они ввели в обращение понятие “Восточной Европы” как другой её половины»¹⁵⁶. Первым эту концепцию стал развивать Г.В. Лейбниц (1646-1716). Немецкий историк Дитер Гро¹⁵⁷ указывает, что у Лейбница, а потом и у других просветителей, Россия предстаёт как страна будущего, свободная от исторических оков, как воображаемое место, модель для философских размышлений и утопий. Как пишет В.А. Аветисян, по мнению Лейбница, «Россия самой судьбой предназначена для того, чтобы стать связующим звеном между Востоком и Западом, точнее – между Европой и Китаем как двумя важнейшими центрами мировой культуры»¹⁵⁸. Вклад в развитие евразийской концепции внес И.Г. Гердер (1744-1803), считавший, что России нужно не просто перенять европейскую культуру, но национализировать её.

В XVIII в. приток немецких эмигрантов и путешественников в Россию постоянно возрастает, особенно при Екатерине II, но эти тесные контакты не ведут к улучшению образа России в немецкой культуре. Большая часть переселенцев в Россию как будто растворяется на ее просторах;

¹⁵⁵ Перечислим некоторые книги: Пауль Якоб Марпегер, «Московитский купец» (1705); Питер Генри Брюс, «Мемуары Питера Генри Брюса, эскайдра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании...» (1782); Джон Белл, «Путешествия из Санкт-Петербурга по России и в различные части Азии» (1763); Фридрих Христан Вебер, «Преображённая Россия» (1721); Орби де ла Мотре «Путешествие по различным провинциям и местностям Пруссии, России, Польши...» (1732); Иоган Георг Гмелин, «Флора Сибири» (1747-1759) и «Путешествие по Сибири» (1751-1755); Джон Кук, «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства» (1770); Педер фон Хавен, «Путешествие по России» (1743); Петер Симон Паллас, «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773-1778); Вильям Кокс, «Описание русских открытий между Азией и Америкой», «Описание тюрем и госпиталей в России, Швеции и Дании» (1784); Франсиско де Миранда, «Архив генерала Миранды» в 10 т., в одном из которых даны путевые записи путешествия по России в 1786-1787 гг.; Иоган Готтлиб Георги, «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (1776-1780); Йохан Меерман, «Известия о севере и северо-востоке Европы» (1805).

¹⁵⁶ Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. – 2005, №3. – С. 158-159.

¹⁵⁷ Groh D. Rußland im Blick Europa: 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt a.Main: Suhrkamp, 1988.

¹⁵⁸ Аветисян В.А. Концепция истории России в немецком Просвещении // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 4.

общественное мнение Германии формируется под воздействием таких книг, как отчет профессора Петера Симона Палласа о его экспедиции в Сибирь в 1768-1774 гг., где Россия представлена огромной, политически мощной, но социально отсталой, варварской страной¹⁵⁹. Высказывания о дикости русских встречаются, например, у немецкого историка Иогана Вильгельма фон Архенгольца (1743-1812) в «Истории Семилетней войны в Германии 1756-1763»¹⁶⁰ и к XIX в. становятся клише.

Подобные высказывания можно встретить и на страницах путевых записок о России известного в Европе автора комедий Августа фон Коцебу (1761-1819) «Достопамятный год моей жизни. Воспоминания»¹⁶¹ (1801).

Воспоминания о вынужденном четырёхмесячном путешествии в Сибирь, куда его сослал было, но вскоре вернул Павел I, ложатся в основу его путевых заметок. Россия в представлении Коцебу – Евразия, т.е. совмещает в себе два начала. «Всё, что связано с Европой, – это приметы цивилизации, даже если они проявляются в организации пространства: наличие садов, хороших, с твёрдым покрытием дорог, чёткой организацией планировки городов и др. Европа – это мягкий и благодатный климат, организация уютного быта, ориентированного на удобство и отличающегося устроенностью и чистотой и т.д. Азия – это неизвестность и изначально предполагающаяся агрессивность»¹⁶².

В противоположность вышеперечисленным авторам, Иоганн Готфрид Зейме (1763-1810) в книге «Моё лето 1805 года» (1806) выстраивает в своих

¹⁵⁹ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук: в 3 ч.: в 5 кн. – СПб.: Альфарет, 2007.

¹⁶⁰ Archenholz J.W. von. Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland von 1756-1763 (1788). Переведена на многие языки, на русский в 1841 г. Архенголец И.В. История семилетней войны. – Москва: АСТ, 2001.

¹⁶¹ Перевод на русский язык В. Кряжева вышел в 1906 г. Коцебу приезжает в Россию в 1781 г., в 1783-95 гг. служит в Высшем апелляционном суде эстонской провинции, возвращается в Берлин, а в 1800 г. едет в Россию, чтобы навестить сыновей, получающих образование в Петербургском кадетском корпусе. На границе его арестовывают по приказу Павла I и ссылают в Тобольскую губернию. Но прочитав драму «Старый придворный кучер Петра III», император помиловал Коцебу и сделал его придворным советником и главой немецкого театра в Петербурге. В 1802 г. Коцебу покидает Россию. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания. / Послесл. Г.И. Ратгауза. – М.: Аграф, 2001.

¹⁶² Дудова Л.В. Россия времени Павла I в записках Августа фон Коцебу // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 50-51.

путевых заметках в целом доброжелательный образ России¹⁶³: говорит о прекрасных душевных качествах русских людей, о заботе правительства о подданных. Наряду с изображением российских царей не как деспотов, а как европейских политиков, восторженным описанием народной жизни, Петербурга, университетов Москвы и Дерпта, он не обходит критикой крепостное право, указывает на отсутствие всеобщего образования и всеобщей законности. Россия у Зейме страна не варварская, а часть Европы.

В конце XVIII в. после провозглашения независимости США (1776) звучат голоса о новой расстановке политических сил на международной арене, где альтернативу Европе представляют США и Россия. Тем не менее, позиция в целом остаётся европоцентристской¹⁶⁴, большинство стран видит в Европе культурный и политический центр мира, а «Азия, напротив, определяется недифференцированно как “хаос и бесформенность”»¹⁶⁵. Поток иностранцев, испытывавших к России интерес и посетивших страну в последующие несколько десятилетий, довольно велик¹⁶⁶.

Победа России в войне с Наполеоном произвела огромное впечатление на европейские страны и способствовала корректировке образа России в положительную сторону. О России немецкая общественность в этот период говорит как о союзнице, освободительнице и восхваляет патриотизм русского народа. Победу России воспевали в своём творчестве немецкие поэты Т.

¹⁶³ Максикова Н.А. Россия на страницах книги И.Г. Зейме «Моё лето 1805 года» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия Филологические науки. – Махачкала: Изд-во Даг. гос. ун-та.. – 2010, №3. – С. 41-50.

¹⁶⁴ Европоцентризм – культурфилософская и мировоззренческая установка, согласно которой Европа является центром мировой культуры и цивилизации. Первыми в Европе противопоставили себя Востоку древние греки. Разграничение Запада и Востока стало формой обозначения противоположного эллинам варвара, «цивилизованности» и «дикости». Гуревич П. Старые и новые расовые мифы [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/gur_starnov.php

¹⁶⁵ Belko S. Das Russlandbild in der Reiseliteratur ausgewählter europäischer Länder. Diplomarbeit. – München: GRIN Verlag GmbH, 2006. – S. 21.

¹⁶⁶ Наиболее заметные публикации: дипломат и военный Шарль Массон, «Секретные записки о России времён царствования Екатерины II и Павла I» (1801); лето 1812 г. провела в России Жермена де Сталь, «Записки о России» (1812); в составе посольства на коронацию Николая II летом 1826 г. посетил Россию литератор Франсуа Ансело, «Шесть месяцев в России» (1827); в 1839 г. Россию посетил в свите голландского прица Александра Оранского полковник Фридрих Балдуин Гагерн, «Дневник путешествия в Россию в 1839 г.» (1857).

Кернер¹⁶⁷ и Ф. Рюккерт¹⁶⁸. «Кернер в сонете “Москва”, переведённом позднее А. Фетом, восхищается москвичами, приносящими в жертву родную столицу, чтобы сберечь страну от притязаний Наполеона. Рюккерт в цикле “Воинственные сонеты” ставит немцам в пример русских, мужественно сражающихся против французских завоевателей»¹⁶⁹.

Но после 1815 г. Россия из освободителя превратилась в глазах немцев в охранителя реакционного порядка в Германии. Кульминационного момента ненависть к России достигла в 1819 г., когда студент Карл Людвиг Занд зарезал по подозрению в шпионаже для русских Августа фон Коцебу. После того, как его казнили, Занд был воспет как герой. За этим последовали меры со стороны канцлера Меттерниха: контроль над университетами, цензура печати, запрет критики в адрес России. Последующее десятилетие о России в немецкой печати старались не говорить¹⁷⁰, однако немецкие литераторы не могли пройти мимо «золотого века» русской литературы. Так, Фарнгаген фон Энзе опубликовал в 1838 г. в основанном Гегелем «Ежегоднике научной критики» статью о всемирно-историческом значении творчества Пушкина, которая через год появилась в русском переводе в «Отечественных записках»¹⁷¹. О влиянии на подход к Пушкину у Фарнгагена фон Энзе, а позже у Бертольда Ауэрбаха, концепции мировой литературы Гете подробно пишет В.А. Аветисян¹⁷². В представлении этих немецких литераторов, гений Пушкина отмечен гетевским универсализмом, слиянием Востока и Запада. Но ни отдельные восторженные мнения, ни тонкий ручеек переводов с русского не смогли, по мнению В.С. Зубкова, пробудить в немцах подлинный

¹⁶⁷ Кернер Т. Москва // Пер. с нем. А.А. Фета [электронный ресурс] <http://www.chistylist.ru/stihotvorenie/moskva-iz-kenera/fet-a-a>

¹⁶⁸ Rückert F. Geharnischte Sonette. – Offenbach: Gerstung, 1913.

¹⁶⁹ Андreyushkina T.H. Образ России в немецкой сонетистике // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 9.

¹⁷⁰ Unsere Russen – Unsere Deutschen. Bilder vom Anderen. 1800 bis 2000. Berlin: Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst, 2008. – S. 18.

¹⁷¹ Фарнгаген фон Энзе К.А. Сочинения Александра Пушкина // Отечественные записки. – 1839, Т. 3, № 5, раздел VIII. – С. 11-12.

¹⁷² Аветисян В.А. К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // Пушкин. Исследования и материалы. Вып. XV. – СПб., 1995. – С. 155-160.

интерес к Пушкину¹⁷³. Скорее, они всегда звучали на фоне весьма «критического отношения к духовному наследию славянских стран, в том числе и России»¹⁷⁴.

Не русская литература, а русская политика определяла мнение немцев о России. В 1830-1831 гг. отрицательное отношение к России вновь стало проявляться в связи с польским восстанием: «Подавление польского восстания 1830/31 и выход русских к морским проливам мобилизовали – теперь уже в форме массовой агитации – все негативные стереотипы о России, которые были в ходу с 16-го столетия»¹⁷⁵. После подавления восстания польские эмигранты находили у немцев и австрийцев поддержку как герои, сражавшиеся за свою независимость против тирана, Россия все чаще называлась «Азией», ее суть выражалась словами «кнут» и «Сибирь». Классическим выражением этого представления о России стала книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 г.»¹⁷⁶ (1843), которая пережила в Германии многочисленные переиздания. Там также были популярны «Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия»¹⁷⁷ (1860) и другая путевая проза А. Дюма, вполне благожелательная по отношению к России.

По большей части в Европе преобладал непримиримый кюстиновский взгляд: «Наряду с враждебной человеку природой русский народ также был объектом немецкой критики. Лень, притворство и коварство, легкомыслие и

¹⁷³ Зубков В.С. Пушкин глазами немцев [электронный ресурс] <http://library.wksu.kz/dmdocuments/%D0%97%D1%83%D0%B1%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%D0%A1.pdf>

¹⁷⁴ Аветисян В.А. Там же. – С. 158.

¹⁷⁵ Beyrau D. Rußland und Europa // Reformen in Rußland des 19. und 20. Jahrhunderts: westliche Modelle und Russische Erfahrungen. Hrsg. von Dietrich Beyrau, Igor Ninurov u. Michael Stolleis. – Frankfurt a.Mein: Klostermann, 1996. – S. 16.

¹⁷⁶ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной и И. Стаф. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. О книге существует обширная критическая литература: Тютчев Ф.И. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» (Россия и Германия) / Перевод с франц. В. Мильчиной. Публ. В. Мильчиной и А. Осповата. Вступ. заметка А. Осповата / Ф. И. Тютчев // Тютчевский сборник II. – Тарту: Ээсти раамат, 1999. – С. 202-226; Sigrist Ch. Das Russlandbild des Marquis de Custine. Von der Zivilisationskritik zur Russlandfeindlichkeit, – Frankfurt a.Main, N.Y.: P. Lang, 1990; Мяло К.Г. Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина. [электронный ресурс] <http://www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm>; Кожинов В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. К 160-летию знаменитого путешествия // Москва. – 1999, № 3, то же [электронный ресурс] <http://kozhinov.voskres.ru/articles/kustin.htm>; Мильчина В. Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Кюстин А. де. Указ. соч. Т. 1. – С. 381-395.

¹⁷⁷ Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию // Перевод с фр. В.А. Ишечкина, вступ. ст. и примеч. В.А. Ишечкин. – М.: Спутник +, 2009.

недостаток терпения, кочевничество, расточительность, чувственность, пьянство и грязь составляли, таким образом, русский “национальный характер”. Детская непосредственность и мирное поведение в состоянии опьянения были самыми дружелюбными характеристиками в этом образе России»¹⁷⁸.

При этом немцы (в качестве примера Д. Гро указывает Я.Ф. Фальмерайера) подчёркивали в своём национальном характере противоположные качества: прилежание, честность, экономность, чистоплотность: «Так Россия со своею враждебной человеку природой, деспотической властью и описанным национальным характером представляла собою в глазах немецких граждан полную противоположность идеальному образу немцев. Так с помощью этих “немецких” качеств был очерчен желаемый образ, отнюдь не осуществлённый в реальном обществе. Как городские, так и сельские нижние слои населения в Германии обнаруживали многие из приписываемых русским качеств, которые свойственны догражданскому и докапиталистическому обществу»¹⁷⁹.

Говорилось о том, что Россия строит планы по завоеванию всей Европы, что обосновывалось кочевническим характером населения. В Петербурге видели не национальную столицу, а штаб русской армии. Объяснение русской политике завоеваний Европа нашла в опубликованном в начале XIX в. «Завещании Петра Великого». Этот документ, изданный по-французски, обращал на себя внимание европейцев со времён наполеоновских войн и вплоть до Второй мировой. Не снизило популярности этого текста даже признание его в середине XIX в. фальшивкой.

Но наличествовали не только русофобские взгляды. Больше всего созданию позитивного образа России в Германии способствовали учёные, с пытливым интересом стремящиеся познать страну: географы, минерологи, ботаники, физики, филологи. Примером может послужить восьмимесячная

¹⁷⁸ Unsere Russen – Unsere Deutschen. S. 19-20.

¹⁷⁹ Ibid. S. 20.

поездка в 1829 г. в Россию Александра фон Гумбольдта. После реформы высшего образования Александра I¹⁸⁰ по немецкой модели в Россию в качестве преподавателей едут немецкие профессора. Их письма о стране описывают практическую повседневность быта и проникнуты субъективными впечатлениями.

В годы революции 1848 г. и до Крымской войны преобладал взгляд на Россию, обусловленный страхом перед ней. Ему противопоставлялся позитивный взгляд, которому соответствовало восприятие России как страны со стабильными и развитыми социальными отношениями в рамках монархии, в которой народ в целом и крестьяне в частности уютно себя чувствуют и не хотят отмены крепостного права. Сторонники этого взгляда указывали на сытое положение крепостных в сравнении с голодной свободой ирландских крестьян (во время голода в Ирландии 1845/46), а критику российской системы наказания парировали сравнением с французской каторгой или с поркой в британском флоте и депортацией заключённых в Австралию. Дальше всех в восхвалении социального порядка в России пошёл вестфальский дворянин, придерживавшийся консервативных взглядов, противник феодальных порядков, Август фон Хакстхаузен (1792-1866). В 1843 г. после серьёзной предварительной подготовки он был послан к Петербургскому двору для исследования ситуации в сельском хозяйстве. Результатом его шестимесячного путешествия по России, где он побывал не только в Петербурге, но и во многих других городах (например, в Саратове, Эривани, Одессе и Киеве), стало опубликованное в 1847 г. «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»¹⁸¹. Эта работа предлагает глубокий краеведческий

¹⁸⁰ В 1802 г. было учреждено Министерство народного просвещения и образовано 6 учебных округов (московский, виленский, дерптский, харьковский, петербургский и казанский). В городах были организованы гимназии и уездные училища, в Казани и Харькове открыты университеты, в Петербурге – педагогический институт. В 1803 г. было издано положение о принципе бессословности при приёме в любые учебные заведения.

¹⁸¹ Haxthausen A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. – Hildesheim; N.Y.: G. Olms, 1973. Император Николай назначил Хакстхаузена пособием для публикации книги на немецком и французском языках. Поскольку книга не подверглась русской цензуре, государь воспретил переводить ее на русский язык, но обращение сочинения в России на

обзор, сравнительный анализ Петербурга и Москвы, различных других городов и Крыма, рассказывает о татарах и других этнических группах, описывает русское дворянство и православную церковь. Хакстхаузен восхищался «патриархально-демократическим» порядком деревенских общин, идеализировал общественное устройство. Тем не менее, он указывает на то, что в русском государстве у граждан больше обязанностей, чем прав, и заключает, что население, рабское по менталитету, не готово к отмене крепостного права.

Главное внимание Хакстхаузена приковано к «миру» – деревенской общине. Как указывает немецкий исследователь образов России в путевой прозе Симона Белко, Хакстхаузен считал, что эту форму общественной организации необходимо защищать от индустриализации. Русского крестьянина он возводит к типу «нового человека», который не затронут гипертрофированной рациональностью и идеологией рынка¹⁸². В положительной оценке русского крестьянства он в какой-то мере является предшественником Саломе, которая вполне могла знать его сочинение, потому что оно усиленно критиковалось в конце XIX в. оппозиционными Хакстхаузену по взглядам народниками.

К концу XIX в. в Германии в рамках русофобских настроений были в ходу высказывания о русских как о полуазиатах, лишенных автономного национального духа, чья слепая вера заменила им разум. Причиной этой новой волны русофобии было укрепление отношений России с врагом Германии, Францией. Распространению антирусских настроений способствовали также балтийские немцы, высланные в Германию из России в рамках политики русификации, проводимой Александром III. Примерами могут служить «История России в царствование Николая I» (1913) профессора берлинского университета Теодора Шимана¹⁸³ (1847-1921), или

языке оригинала было допущено, с исключением трёх мест 3-го тома, признанных предосудительными. Первый и единственный том вышел в России только в 1869 г. в переводе Л.И. Рагозина.

¹⁸² Belko S. Op.cit. S. 28.

¹⁸³ Schieman T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. – Charleston, SC: Nabu Press, 2010.

«Наша будущность: воззвание к германскому народу» (1914) прусского генерала Фридриха фон Бернгарди¹⁸⁴ (1849-1930). Оба автора исходят из того, что Россия – главный противник Германии и рейху необходимо захватить балтийские провинции.

Однако рядом с этой публицистикой появлялись переводы на немецкий произведений русской литературы. С середины XIX в. в Германии растет число переводов произведений Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского¹⁸⁵. Благодаря им представления о российской деспотии и террористах-народниках соседствовали с высокой оценкой русской культуры. Через рецепцию Достоевского в Германии стало расхожим понятие о «русских людях» и «русской душе»; особенно благоприятно было воспринято толстовство. Образ простого русского народа вдохновлял так называемое «движение за целостное обновление жизни» («Lebensreformbewegung», 1890-1930 гг.), которое объясняло причины культурного и нравственного упадка немцев материализмом, рационализмом, урбанизацией и искало альтернативу западной цивилизации. Многие нашли её в образе России.

Для нас особенно важны высказывания о России Ф. Ницше. Бурно протестуя против девальвации духовных ценностей в современной западной цивилизации, он неоднократно писал о России как об альтернативе Западу: «Мелочность духа, идущая из Англии, представляет нынче для мира великую опасность. Чувства русских нигилистов кажутся мне в большей степени склонными к величию, чем чувства английских утилитаристов... Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией и в новой общей программе, которая не допустит в России господства английских трафаретов. Никакого

¹⁸⁴ Бернгарди Ф. фон. Наша будущность: воззвание к германскому народу / Пер. с нем. М. Жебрака; под ред. Д.К. Лебедева. – СПб.: Изд. В.А. Березовского, 1914.

¹⁸⁵ В 1837 г. выходит книга «Картины русской литературы» Г. Кёнига; в 1830-40-х гг. статьи Ф.фон Энзе о Пушкине и современных русских писателях; в 1843 г. поэтический сборник «Поэтические творения русских» под редакцией В. Вольфзона, куда вошли стихи Державина, Пушкина, Жуковского, «Слово о полку Игореве»; в 1848-1851 гг. вышли три тома прозы «Русские новеллисты» с предисловием В. Вольфзона, куда вошли произведения А.С. Пушкина, А.И. Герцена, Е.А. Ган, Н.Ф. Павловой и др.

американского будущего! Сращение немецкой и славянской расы»¹⁸⁶ – эти слова философа К.А. Свасьян называет его «духовным credo и политической программой»¹⁸⁷. В науке существует давняя традиция сопоставления Ницше с творчеством классиков русского романа – Толстого, Достоевского, Тургенева¹⁸⁸, и здесь уместно напомнить, что именно Саломе в 1894 г. стала автором первой книги о Ницше, тогда же переведенной на русский язык¹⁸⁹. Ницше считал Саломе самой удивительной слушательницей и собеседницей, и эта книга, без каких бы то ни было личных подробностей, воссоздает природу философии Ницше через воспоминания о беседах с ним, рисуя портрет, подтверждающий слова Ницше: «Я обменял бы счастье всего Запада на русский лад быть печальным»¹⁹⁰.

Как считают авторы работы «Unsere Russen – Unsere Deutschen», в Россию на волне этого нового интереса, в поисках мира простых, неиспорченных людей, едут в 1899 и 1900 гг. Р. М. Рильке, в 1906 г. – немецкий скульптор, график и писатель Эрнст Барлах¹⁹¹. Но энтузиазм одиночек не мог сломать вековые традиции в отношении немцев к России. В 1915 г. Н. Бердяев писал: «Для западного культурного человечества Россия

¹⁸⁶ Цит. по: Свасьян К.А. «Ницше или Как становятся Богом (Две вариации на одну судьбу)»: История одного поражения. 3. Испытание пустотой. // Ницше Ф. [электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/svasian/?curPos=2>

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Davis H.E. Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics. – N.Y.: New Republic, 1929; Schubart W. Dostojewski und Nietzsche: Symbolik ihres Lebens. – Luzern: Vita Nova Verlag, 1939; Davis H. E. Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics. With a foreword by Dewey J. – N.Y.: Haskell House, 1971; Miller C. Nietzsche's "discovery" of Dostoevsky // Nietzsche-Studien. – Bd. 2. Berlin, N.Y., 1973. – S. 202-257; Weidemaier W. Herzen and Nietzsche: a link in the rise of modern pessimism // The Russian Review. – Columbus, OH, 1977, Vol. 32, No. 4. – S. 477-488; Kessler P. Tolstoj-Studien des späten Nietzsche // Zeitschrift für Slavistik. – Berlin, 1978, Bd. 23, H.1. – S. 17-66; Clowes E.W. The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature 1890-1914. – Dekalb, IL: Northern Illinois Univ. Press, 1988; Vladimir Soloviev und Friedrich Nietzsche: Eine deutsche-russische kulturelle Jahrhundertbilanz / Urs Heftrich und Gerhard Ressel (Hrsg.). – Frankfurt a.Main: Peter Lang, 2003; Deutschland-Italien und die slavische Kultur der Jahrhundertwende: Phaenomene europaeischer Identitaet und Alteritaet / Gerhard Ressel (Hrsg.). – Frankfurt a.Main: Peter Lang, 2005; Азадовский К. Проблема Достоевский-Ницше // Литературное наследство. Т. 86. – М., 1973. – С. 678-688; Ключ Э. Ницше в России: революция морального сознания. – М.: Академический прект, 1999; Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI в.). Дисс. докт. филос. наук. – М.: ИФ РАН, 2009.

¹⁸⁹ Andreas-Salomé L. Fridrich Nietzsche in Seinen Werken. – Wien: Verlag von Carl Konegen, 1894. Русский перевод З. Венгеровой: Андреас-Саломе Лу. Фридрих Ницше в своих произведениях // Северный вестник. – 1896, № 3. – С. 273□295; № 4. – С. 253□273; № 5. – С. 225□240.

¹⁹⁰ Цит. по: Свасьян К.А. Там же.

¹⁹¹ Unsere Russen – Unsere Deutschen. S. 28.

всё ещё остаётся совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством»¹⁹².

Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на особую историческую близость Германии к России на протяжении XVIII-XIX вв., немецкая культура склонна была разделять общеевропейские представления о России как об отсталой стране, занимающей промежуточное положение между Европой и Азией. Сформированное в публицистическом дискурсе представление не вселяло в немецких прозаиков и поэтов особого интереса к теме России; в художественной литературе ее появление на протяжении этого периода прямо зависело от политической конъюнктуры. Знакомство немцев с переводами великой русской литературы XIX в. привело к существенному повороту в восприятии России, к возникновению нового интереса к ней. Существенной частью этого поворота было творчество Лу Андреас-Саломе.

¹⁹² Бердяев Н. Судьба России. – М.: Сов. Писатель, 1990. – С. 9.

Глава 2. Россия в биографии Андреас-Саломе

Прожившая большую часть жизни в немецкоязычных странах, Лу Андреас-Саломе была неразрывно связана с Россией фактом своего рождения и современниками воспринималась как «русская»¹⁹³. Она писала исключительно по-немецки, но «русское» сквозной нитью проходит через её творчество, проявляясь в выборе материала для критических статей, мест действия и в образах героев художественных произведений. «Обретаясь в городах западной Европы, она была как бы посланником русской культуры. Россия присутствует – прямо или опосредованно – почти во всех её книгах...»¹⁹⁴.

Большинство художественных произведений писательницы строятся на автобиографическом материале, поэтому важно проследить её биографическую связь с Россией. Настоящая глава синтезирует доступные биографические сведения о ее связях с Россией с целью создания историко-литературного фона для анализа автобиографического элемента в художественных произведениях писательницы о России, для последующей оценки степени влияния на нее непосредственно русской культуры и стереотипов о ней, бытовавших в то время на Западе.

Луиза Саломе родилась 12 февраля 1861 г. в здании Генерального Штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, где тогда квартировал ее отец, генерал Густав Саломе. Считается, что его предки были французами из Авиньона, но как именно попали в Россию – неизвестно. Густав Саломе был женат на немке Луизе Вильм, значительно его моложе. После пятерых братьев Лёля, как её вслед за русской нянькой начали называть домашние, была единственной девочкой.

¹⁹³ Особенно в первые годы после отъезда из России, во время учёбы в Цюрихе и в Риме в кружке знакомых Мальвиды фон Мейзенбуг («junge Russin», Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. – S. 35). В переписке Ницше с друзьями и знакомыми он называл её с восхищением «гениальной русской» (Седельник В. Указ. соч. – С. 7), его сестра, Элизабет Фёрстер-Ницше, напротив, возненавидит Саломе и будет всю свою жизнь преследовать «ужасную русскую» своими нападками (Жиру Ф. Указ. соч. – С. 37).

¹⁹⁴ Седельник В. Указ. соч. – С. 10-11.

Семья Саломе принадлежала к высшему слою общества. Густав Саломе, хорошо показавший себя как солдат во время польского восстания 1830 г., получил звание полковника и, вдобавок к своему французскому дворянству, титул русского дворянина. Военную карьеру он закончил в звании генерала, позднее получил чин тайного советника и стал инспектировать армию. Семья Саломе жила в центре Санкт-Петербурга «между изящным Невским проспектом, набережной Мойки и Дворцовой площадью, где также находятся Зимний дворец и Эрмитаж»¹⁹⁵.

Интеллектуальной атмосферой и великолепными балами, дававшимися в служебной квартире Густава Саломе на Мойке в здании генералитета, семья была известна в высших кругах Петербурга. В воспоминаниях «Прожитое и пережитое» Саломе пишет: «В молодости он [*отец – Ю.Р.*] не чурался радостей жизни, в тогдашнем блестящем Петербурге императора Николая I и Александра II он принадлежал к поколению Пушкина и Лермонтова, с последним, как офицер, был даже близко знаком»¹⁹⁶. Именно с этой «хорошей, аристократической, интернациональной стороны»¹⁹⁷ знала Петербург семья Саломе; другая, обратная сторона столицы, была ей неведома.

Хотя родители Луизы Саломе считали себя «русскими»¹⁹⁸, дома говорили на немецком и французском языках, ходили в протестантскую церковь. Друзья дома были в основном из кругов немецких эмигрантов; атмосфера в доме царила «интернациональная»: «Татары и эстонцы были кучерами и лакеями, швабские колонисты управляли дачей, среди

¹⁹⁵ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 19.

¹⁹⁶ Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Пер. с нем. и предисл. В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.– С. 48. Далее цитируется по этому изданию, аббревиатура ПП, страницы указываются в тексте.

¹⁹⁷ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 19.

¹⁹⁸ «Не могу вспомнить, на каком языке мы начали говорить; русский, на котором изъяснялось преимущественно простонародье, должно быть, сразу же уступил место немецкому и французскому. <...> Предпочтение в нашем случае отдавалось немецкому языку; он был связующим звеном между нами и родиной моей матери, и не только потому, что в немецких землях у нас оставались друзья и родственники, но и как выражение нашей принадлежности к немецкоязычной культуре (но в отличие от знакомых петербургских немцев не к политической Германии); однако мы чувствовали себя не только на русской «службе», но и просто русскими» (ПП, 60-61).

многочисленной домашней прислуги были представлены также различные конфессии»¹⁹⁹. Родным языком Луизы фон Саломе был немецкий. Французский Лёля выучила с гувернанткой, скудные знания русского получила от своей русской няньки²⁰⁰, и, когда у неё возникли трудности с русским языком в частной английской школе, где она училась, отец вдруг проявил невероятную мягкость: «Когда в старших классах, где все дисциплины в обязательном порядке преподавались на русском языке, я стала жаловаться на недостаточное знание русского (дома мы, как правило, разговаривали между собой по-немецки или по-французски), папа неожиданно разрешил мне свободное посещение уроков, сказав со смехом: “В школьном принуждении она не нуждается”» (ПП, 50).

У маленькой Лёли не было возможности узнать Россию: «Собственно, о России как таковой я узнавала не так уж и много: только во время поездок к моему второму брату Роберту, который, став инженером, рано ушёл из семьи и перебрался далеко на восток (Пермь, Уфа), я познакомилась в Смоленской губернии с чисто русским обществом. Санкт-Петербург, эта привлекательная смесь Парижа и Стокгольма, производил впечатление интернационального города, несмотря на весь свой блеск императорской столицы, нарты в оленьих упряжках и иллюминированные ледяные дворцы на Неве, несмотря на поздний приход весны и жаркое лето» (ПП, 62).

Политическое движение в России также осталось вне круга её интересов, хотя революционные настроения витали в воздухе, «забродивший мятежный дух проникал уже и в школы, своё воплощение он нашёл в движении народников» (ПП, 62). Единственным знаком политического интереса стал спрятанный в ящик письменного стола портрет Веры

¹⁹⁹ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 20.

²⁰⁰ «Всё-таки благодаря общению со своей славянской нянькой она усвоила базовые знания русского языка...». Pfanner H.F. Op. cit. S. 459. И в «Прожитом и пережитом» писательница свидетельствует: «По-настоящему русские воспоминания о мире вокруг нас связаны с куда более специфичными впечатлениями, полученными от няньки и прислуги» (ПП, 61).

Засулич²⁰¹. Таким образом, живя в России, Луиза не знала ни русского языка, ни русского народа, ни русской культуры.

Родители Луизы были строги с детьми, но, как единственная и долгожданная дочь после пяти сыновей, Лёля была любимицей отца. По возрасту Густав Саломе годился дочери в дедушки, и образ такого дедушки, в котором писательница запечатлела черты своего отца, мы находим в повести «Родинка». А вот со строгой матерью, в честь которой девочке дали имя, доверительных отношений не сложилось. Старшие братья относились к сестре с заботой, но в товарищи для игр не годились в силу большой разницы в возрасте. Своё одиночество маленькая Лёля скрашивала беседами с Богом и выдумыванием историй: «разговаривала с цветами, растущими в саду в Петергофе, где она проводила каждое лето, сочиняла сказки о людях, которых видела на улице»²⁰². «Дистанция к родительскому дому видимо является одной из причин того, что уже ребёнком при всей чувствительности и восприимчивости она могла быть в такой высокой степени независимой и автономной. Только позже – будучи взрослой – Лу осознанно прочувствовала, узнала и полюбила свою семью и свою русскую родину»²⁰³. Одиночество среди близких людей, непонимание²⁰⁴ и осуждение её фантазий²⁰⁵ и выдуманных рассказов как вранья²⁰⁶, утрата в раннем возрасте веры в Бога и в то же время богоискательство толкнули её на особый для женщины того времени путь – путь научного познания мира и самопознания.

²⁰¹ «но её собственный восторг подрывными тенденциями ограничился мечтательным восхищением русской террористкой Верой Засулич, чью фотографию она хранила в ящике письменного стола». Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op.cit. S. 21-22.

²⁰² Эткинд А. Указ. соч. С. 14.

²⁰³ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 8.

²⁰⁴ «Хотя моё детство протекало в атмосфере фантастического одиночества, хотя все мои помыслы и желания складывались в противоборстве с семейными традициями и вызывали раздражение...» (ПП, 46).

²⁰⁵ Способность свою к фантазиям писательница опишет в рассказе «Час без Бога» (1919), и в двух других рассказах сборника с таким же названием (1922).

²⁰⁶ «Разумеется, моя страсть к выдумкам затрагивала и ближайшее окружение, нередко к реальным событиям я присочиняла фантастические истории, которые мне чаще всего прощали со снисходительной улыбкой. Но однажды летом, когда мы с родственницей, которая была чуть старше меня, вернулись с прогулки и нас спросили: “Ну-ка, путешественницы, рассказывайте, что видели?”, я, не долго думая, сочинила настоящую драму. Моя простодушная спутница, по-детски искренняя и правдивая, была поражена, смотрела на меня ничего не понимающими глазами и время от времени громко и испуганно вскрикивала: “Но ты же врешь!”» (ПП, 23).

Через религиоведение, философию и литературу этот путь приведет ее в итоге к психоанализу.

С утратой веры в Бога связано начало творческой деятельности Саломе, которую биографы реконструируют так: «Особенно прискорбно было, что её истории – вымышленные жизнеописания – отныне не одобрялись высшей инстанцией, что Бог больше не покровительствовал ее созданию человеческих судеб. Так вымыслы, которые все так же много для нее значили, всё больше становились “исполненным забот делом”, ведь теперь ей в одиночку приходилось нести ответственность за благополучие выдуманных ею персонажей. Поскольку образы становились всё многочисленней, а судьбы вымышленных персонажей усложнялись по мере развития сознания их создательницы, вскоре в качестве опоры для памяти появилась необходимость в записях. Сперва это были только штрихи и символы, позднее – когда она научилась писать – ключевые слова, даты, имена и цифры, наконец, наброски важных взаимосвязей»²⁰⁷.

В одной из дневниковых записей Лу Андреас-Саломе пишет: «Я сейчас часто думаю: если бы я с детства полюбила её [мать], всех моих и их страну как теперь, то это задержало бы моё собственное развитие. Но я догадывалась, что Петербург едва ли является Россией, а в своих предчувствовала людей, которых любила позднее: это освобождает»²⁰⁸. Во многом невнимание к России и русскому связано с личностью первого учителя, голландского пастора Хендрика Гиллота, который не знал русского языка: «Из-за своей первой большой любви я в ранней юности была отлучена от русского народа, так как мой друг-иностранец все свои интересы и помыслы связывал с заграницей: в условиях России его лучшие силы и дарования не нашли применения» (ПП, 68). Хендрик Гиллот не только дал ей имя, под которым она будет известна всю жизнь – Лу; он пробудил в Саломе

²⁰⁷ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op.cit. S. 11.

²⁰⁸ Цит. по: Ibid. S. 9.

тягу к знаниям²⁰⁹ и подтолкнул её к изучению философии, что делает её одной из образованнейших женщин рубежа XIX-XX вв.

В то же время, всю свою жизнь Лу занималась богоискательством. И если потеря Бога толкнула 17-летнюю Лу к философскому осмыслению бытия (Спиноза, Кьеркегор и т.д.) и отъезду из России ради саморазвития, то в возрасте 39 лет она возвращается в Россию, чтобы погрузиться в атмосферу религиозности русского народа. Таким образом, до отъезда из России и еще долгое время спустя Андреас-Саломе была подданной Российской империи де-юре; де-факто по всем основным параметрам национальной идентичности (язык, принадлежность к культуре, религии и истории народа) она была не русской, а космополиткой, «гражданкой мира» с преобладанием немецкого культурного элемента. Ее привилегированная социальная принадлежность надежно отгораживала ее от любых внешних обстоятельств, давая возможность сосредоточиться на себе, переступить границы общепринятого во всех сферах жизни – частной, общественной, в меньшей степени – в творческой. Во всех этих сферах мы видим в фигуре Саломе некую гибридность, промежуточность положения: совмещение женских и мужских норм поведения, интеллектуальности, профессионализма и женского шарма. Бесспорно, что она была, прежде всего, «свободной», то есть независимой женщиной, выстраивавшей свою судьбу вопреки нормам своего времени. И так же ею выстраивается на протяжении жизни ее национальная идентичность.

Первая фаза – это игнорирование своих русских корней в молодости. В сентябре 1880 г. Лу Саломе поступила в университет Цюриха, один из первых в Европе, который принимал женщин. Она не подружилась ни с кем из большой колонии русских студентов: ни с теми, кто разделял идеологию народничества, ни с западниками-антимонархистами: «Лу фон Саломе пошла

²⁰⁹ «Заполненные ею “синие блокноты” показывают, что она изучает вместе с ним историю религий, что он рассуждает о философии, метафизике, логике, Ветхом Завете, Декарте, Паскале, Пор-Рояле. Он даёт ей читать Канта, Лейбница, Руссо, Вольтера». Жиру Ф. Указ. соч. С. 17.

своими особыми тропами и с воодушевлением погрузилась в занятия»²¹⁰. Переусердствовав, она заболела и вместе с матерью отправилась в Италию поправить здоровье. Весной 1882 г. в Риме Лу попала в интеллектуальный кружок подруги и воспитательницы дочери А.И. Герцена Мальвиды фон Мейзенбург, пропагандировавшей освобождение женщины. Феминисткой Лу не стала²¹¹: бороться за права всех женщин не входило в её планы, приходилось отвоёвывать собственную свободу и интересы. Её главной целью в это время было избавиться от материнской опеки и начать самостоятельную жизнь среди друзей-интеллектуалов.

В кружке фон Мейзенбург она познакомилась с философами Паулем Ре и Фридрихом Ницше, возник замысел «тройственного союза», в качестве места его осуществления был выбран Париж. Но план рухнул – Ф. Ницше, потрясенный отказом Лу выйти за него замуж, выпал из «интеллектуальной коммуны». Лу Саломе и Пауль Ре вместе поселились в Берлине, где занимались изучением философии. Берлинский круг общения состоял из старых знакомых Пауля Ре и их друзей, среди которых были психолог Герман Эббингхаус, историк литературы Георг Брандес, социолог Фердинанд Тённис, историк Ханс Дельбрюк и т.д.

Госпожа фон Саломе требовала возвращения Лу в Петербург. Тогда берлинские друзья посоветовали Лу заняться литературной деятельностью, что должно было оправдать в глазах родных пребывание Лу в Европе. Так был создан её первый роман «В борьбе за Бога» («Im Kampf um Gott», 1885),

²¹⁰ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 32.

²¹¹ Лу Андреас-Саломе часто причисляют к писательницам-феминисткам, но, на наш взгляд, это не так. В её произведениях много женских образов, среди героинь есть независимые, эмансипированные (Цита из романа «Ма» или Рената из романа «Дом»), образованные (Феничка из рассказа «Феничка»), работающие (Марфа из рассказа «Ein Wiedersehen», Марианна из романа «Ма»), но есть и другие, нежные, женственные, смиренные, в рассказе «Назад в мир» из сборника «Дети человеческие», в повести «Родинка», в романе «Ма». Сама себя Лу Андреас-Саломе феминисткой не считала, а о своём способе создания женских образов писала: «Здесь я хочу признаться в одной странности: сочиняя статьи, работая с понятиями, я чувствовала, что занимаюсь сугубо женским делом, но когда дело касалось художественного творчества, я ощущала себя мужчиной; поэтому мои женские образы чаще всего увидены глазами мужчины. Причина того и другого связана с моими детскими и девическими переживаниями: в сферу понятий, которую прививал мне мой друг, оказалась втянутой моя любовь к нему как женщины; напротив, всё, что возбуждало фантазию, наталкивалось на его запрет и могло избежать повиновения и утвердить себя только в форме мужской ориентации на неподчинение» (ПП, 156).

в основу которого легли её собственные детские переживания потери Бога в атмосфере религиозного родительского дома.

Интеллектуальный союз с Паулем Ре распался через несколько лет, когда в жизни Лу Саломе появился иранист Фридрих Карл Андреас. В 1886 г. состоялась их помолвка, регистрация брака прошла в Петербурге, венчание – в Голландии, но, по условию Лу, брак так и не был консуммирован. После свадьбы молодожёны поселились в Фридрихсхагене, предместье Берлина, где жили многие интеллектуалы того времени. Этот период в жизни Лу Саломе можно назвать «литературным». Как вспоминает сама Саломе, она была несведуща в литературе, «плохо в ней разбиралась» (ПП, 91), хоть и читала русских писателей. Её захватило творчество Ибсена, которого Ф.К. Андреас переводил ей с листа на немецкий. Результатом этого увлечения стала книга «Женские образы Генрика Ибсена» («Henrik Ibsens Frauengestalten», 1892), которую Лу посвятила мужу. В этот период она знакомится с натуралистами, такими как Максимилиан Харден, Отто Брам, Фритц Маутнер, Бруно Вилле, Вильгельм Бёльше, Рихард Демель и Макс Хальбе, Арно Хольц и Йоханнес Шлаф, Герхард Гауптманн и его брат Карл. «Кружок натуралистов чаще всего встречался у семьи Бёльше в Фридрихсхагене, но и супружеская чета Андреасов часто принимала визиты. Порой шли в «Шварце Феркель», литературное кафе, в котором бывал также Август Стриндберг. Они стали членом «Свободной сцены (за эволюционную борьбу времени)», основанного <...> в 1889 г. товарищества, которое устраивало закрытые постановки натуралистических драм. Так обходили цензуру, которая препятствовала публичным постановкам. Рупором товарищества был одноименный журнал, в котором Лу публиковала многочисленные статьи»²¹². Хоть и вошла Лу Андреас-Саломе в литературу через «двери» натурализма, трудно причислить её к этому направлению, впрочем, как и к любому другому.

²¹² Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 92.

В 1890-1895 гг. Лу пишет большей частью рецензии на художественные произведения и театральные постановки, но не забывает религиозно-философские темы²¹³: «она всё больше приходит к заключению, что способность человека к вере тождественна самой подсознательной жажде творчества. Она считает религиозность – по характеру её возникновения – основным состоянием человека, в котором все порывы (художественные, духовные, нравственные и т.д.) ещё нераздельно направлены на единую цель»²¹⁴. Например, она проницательно называет самой характерной чертой натуры Ницше его религиозный гений, в силу обстоятельств эпохи обратившийся на познание: «Тем, что он принес в жертву самому себе часть себя, он приблизился к религиозному экстазу»²¹⁵. Этот акцент на религиозность служит предвестником ее духовного «возвращения» в Россию.

В эти годы она пишет и художественные произведения: в 1895 г. выходят стихотворения²¹⁶, повесть «Руфь» («Ruth»), в которой Лу перерабатывает свой первый опыт духовной любви к Хендрику Гиллоту и место действия которой – Россия. Следующее десятилетие станет особенно продуктивным: она напишет свыше 20 художественных произведений, стихи, повести, новеллы, роман. Но опубликованы они были не все и не сразу. Отношение к литературному труду у писательницы особое: она считала свои художественные произведения исключительно «личным делом» и публиковала их в основном по финансовым причинам. В воспоминаниях она скажет об этом так: «Свою библиотеку рукописей я хранила в банковском сейфе и доставала оттуда – часто очень неохотно! – то или иное сочинение только по очень “неблагородной” причине: чтобы продать, когда возникала

²¹³ Работы о Ницше: «Фридрих Ницше» («Friedrich Nietzsche», 1891), «К образу Фридриха Ницше» («Zum Bilde Friedrich Nietzsches», 1891), «Идеал и аскеза» («Ideal und Askese. Ein Beitrag zur Philosophie Friedrich Nietzsche», 1893), «Фридрих Ницше в своих произведениях» («Friedrich Nietzsche in seinen Werken», 1894); о религии: «Реализм в религии» («Der Realismus in der Religion», 1891), «Божие создание» («Gottesschöpfung», 1892), «От бестии к Богу» («Von der Bestie zum Gott», 1894), «Проблема ислама» («Das Problem des Islam», 1894), «Происхождение христианства» («Vom Ursprung des Christentums», 1895).

²¹⁴ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 93-94.

²¹⁵ Андреас-Саломе Л. Фридрих Ницше в зеркале его творчества [электронный ресурс] http://royallib.com/book/andreassalome_lu/fridrih_nitsche_v_zerkale_ego_tvorchestva.html

²¹⁶ «Зимняя листва» («Winterlaub»), «Красные розы» («Rote Rosen»), «Благодаря тебе» («Durch Dich»).

постыдная нужда в деньгах. Правда, свои статьи на самые разные темы я не собирала, а публиковала где только можно; я писала их частично потому, что меня близко затрагивала тематика, частично по причине материальных затруднений» (ПП, 155).

Художественное творчество для Лу – это и переработанные впечатления, и интеллектуальные размышления, и возможность разобраться в себе и других, психоанализ до возникновения психоанализа, до начала самой его процедуры. Биографы Саломе Михаэла Визнер-Бангард и Урсула Вельш говорят по этому поводу о необходимости «вспомнить о её детских снах наяву, её рассказах для “Любимого Бога”»: выдумывание означало для неё добавление реальному миру выдуманной надстройки, которая создаёт единство человека, мира и Бога»²¹⁷. Поиск целостности, гармонии – такой женский, по сути, – биографы полагают смыслом жизни и творчества писательницы: «Когда она позже получила в учении Фрейда пригодный и действенный для этих целей инструментарий, она практически полностью прекратила свою литературную деятельность»²¹⁸.

И напротив, о возможностях, которые открывал психоанализ для писательницы, говорил один из кёнигсбергских врачей, которому Лу проводила психоанализ: «В целом у меня было впечатление, что Лу больше интересовали психологические, чем медицинские аспекты психоанализа. В конце концов, каждая жизнь – это новелла. Для писателя, каким была Лу, нет ничего интереснее, чем окунуться в жизнь других... Я думаю, что Лу занялась психоанализом, чтобы проникнуть в глубочайшие секреты жизни других людей...»²¹⁹. В работе «Моя благодарность Фрейду» она скажет о схожести психоанализа с творческим актом: «...мне стало тогда совершенно ясно то, что я раньше предугадывала: в контрпереносе аналитика на анализируемого, в самом характере интереса психоаналитика, открывается нечто поразительно близкое отношению поэта к своим художественным

²¹⁷ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 157.

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Цит. по: Эткин А. Указ. соч. С. 43.

построениям. Это та степень объективности, нейтральности, при всецелой жертвенности, которая тайно, неосознанно, целиком основана на конечной человеческой тождественности»²²⁰.

Итак, процесс самоутверждения в европейском культурном пространстве проходит вдали от России, но русские корни играют важную роль в этом процессе, сообщая публичному образу Саломе некоторую «славянскую загадочность». Вторая фаза в национальной самоидентификации Андреас-Саломе – начало рефлексии над своими русскими корнями в зрелые годы, бурный рост интереса к России.

В 1894-1905 гг. Лу Андреас-Саломе много путешествует по Европе – Париж²²¹, Цюрих, Вена²²², Мюнхен²²³. «Где бы ни появлялась Лу – в Риме, Берлине, Париже, Вене, Мюнхене, Гёттингене – вокруг неё тут же возникал кружок из интеллектуалов и людей искусства, из тайных воздыхателей и восторженных почитателей её ума, красоты и неповторимого шарма»²²⁴. Но, живя вне России, Лу поддерживала отношения с русскими писателями и художниками²²⁵, охотно заводила новые знакомства. Лу посмотрела в Берлине весь гастрольный репертуар²²⁶ Московского художественного театра (февраль-март 1906 г.).

Где бы Саломе ни жила, с кем бы ни общалась – раз в год или полтора она обязательно ездила к семье в Россию, которая с возрастом всё больше и больше ощущалась ею как родина: «Но когда я приезжала на родину из Швейцарии или Германии, когда пересаживалась на русской границе в более широкий и тяжёлый вагон и проводник, укладывая меня спать, называл

²²⁰ Andreas-Salome L. Mein Dank an Freud. – Wien: Internationaler psychoanalytischer Verlag, 1931. – S. 14.

²²¹ В Париже в круг ее знакомства входят переводчица Тереза Крюгер, датский писатель Герман Банг, Кнут Гамсун, Франк Ведекинд, Ланген, Леопольд фон Захер-Мазох, Пауль Гольдман. В Париже она читает произведения Артура Шницлера, которыми так впечатлена, что пишет Шницлеру в мае 1894 г. письмо.

²²² В Вене Шницлер познакомил её с представителями «Молодой Вены» – Рихардом Беер-Хофманом, Феликсом Зальтенем, Гуго фон Гофмансталем.

²²³ В Мюнхене Андреас-Саломе общалась с писателями Эдуардом Кайзерлингом, Эрнстом фон Вольцогеном, Михаэлем Георгом Конрадом, Якобом Вассерманом, архитектором Августом Энделем.

²²⁴ Седельник В. Указ. соч. – С. 9.

²²⁵ Например, с И.С. Тургеневым, с которым познакомилась в 1880 г. в Петербурге; с художником Павлом Жукоским, знакомство с которым состоялось в 1882 г. в Байрейте.

²²⁶ «Царь Фёдор» А. Толстого, «На дне» М. Горького, «Дядя Ваня» А. Чехова, «Враг народа» Г. Ибсена.

“матушкой” или “голубкой”, когда я вдыхала запах мохнатой овчины или аромат русских сигарет, тогда троекратный звонок – старомодный сигнал отъезда – пробуждал во мне незабываемое чувство встречи с родиной» (ПП, 68).

В мемуарах Саломе, возможно, чуть подправляет факты, которые свидетельствуют, что Россию она в полной мере ощутила родиной, только оказавшись там с гениальным спутником. С Рене Рильке (Райнер – имя, которое именно Лу предпочла женственному «Рене») они познакомились 12 мая 1897 г. на вечере у Якоба Вассермана. Летом того же года в Вольфратсхаузене, где Саломе проводила отпуск с Фридой фон Бюлов, начался их роман, проходивший под знаком интереса Рильке к России, родившегося из его чтения русской литературы. «Русская» Лу Саломе стала самой значительной из возлюбленных Рильке, наложив на его личность свой глубокий отпечаток. В Вольфратсхаузене к ним на месяц присоединился Аким Волынский (1861-1926)²²⁷. «По всей вероятности, Лу познакомилась с ним зимой 1895/96, когда во время одного из приездов в Петербург она хлопотала о сотрудничестве в журнале «Северный вестник», в котором Волынский работал критиком. Здесь, в Вольфратсхаузене, они работали вместе. Лу написала два эссе о русской литературе, к созданию которых её побудили разговоры с Волынским, и перевела пять его статей о Лескове на немецкий»²²⁸. Волынский давал им уроки русского языка.

Завязавшийся в Вольфратсхаузене трёхлетний роман, позже перешедший в крепкую дружбу, духовно обогатил обоих. Рильке помог Лу заново открыть своё детство и обрести в России Родину. «Эмоциональное отношение, которое Лу теперь смогла развить к своей родине, следует

²²⁷ Аким Львович Волынский – литературный критик, теоретик искусства, в 1897-98 гг. возглавлял «Северный вестник», в котором вышли некоторые статьи Лу и их совместно написанная повесть «Амор». В воспоминаниях (1923) Аким Волынский описал лето в Вольфратсхаузене так: «Я целое лето гостил в домике в Баварских Альпах. Я предоставил ей материал для нескольких работ о русской литературе и сделал первые наброски для моей книги о Леонардо да Винчи». Цит. по: Asadowski K. Rilke und Rußland: neue Aspekte // Peter Demetz, Joachim W. Storck, Hans Dieter Zimmermann. Rilke: ein europäischer Dichter aus Prag. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 1998. – S. 106.

²²⁸ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. – S. 134.

рассматривать в контексте отношений с Рильке. Так как хотя Лу и ездила ежегодно к своей семье в Россию, до сих пор у неё не было потребности узнать свою родину. Только через Рильке, только через всеохватывающую любовь к нему она оказалась способна пробить свою броню и поддаться ощущению, которое затронуло её душу»²²⁹.

Рильке обратился к русской культуре в поисках ответа на бытийные вопросы, и Лу стала его живым проводником в мир, который он воспринимал как благую противоположность культуре Запада. Вернувшись в Берлин, они начали подготовку к поездке в Россию втроем с Андреасом. Из воспоминаний писательницы: «В маленькой квартирке, где кухня была единственным – если не считать библиотеки моего мужа – помещением, приспособленным для жилья, Райнер нередко помогал готовить, особенно когда варилось его любимое блюдо, русская каша в горшке или борщ; <...> в синей русской рубахе с красным орнаментом он помогал колоть дрова и вытирать посуду, при этом мы без помех занимались нашими делами. А занимались мы многим; усерднее всего он, давно уже погружившийся в мир русской литературы, изучал русский язык и русскую культуру, особенно после того, как мы всерьёз задумали большое путешествие в Россию» (ПП, 107). Два русских путешествия Андреас-Саломе в Россию с Рильке стали центральными событиями, питавшими впоследствии русскую часть ее национальной идентичности.

Как всегда прагматичная, Андреас-Саломе планировала финансировать поездку гонорарами за статьи, написанные в результате их «русских занятий»²³⁰. «Приобщение к мифу»²³¹ началось 25 апреля 1899 г., когда они

²²⁹ Ibid. S. 144.

²³⁰ Эти статьи: «Русская поэзия и культура» («Russische Dichtung und Kultur», 1897), «Русская икона и её поэты» («Das russische Heiligenbild und sein Dichter», 1898), «Русская философия и семитский дух» («Russische Philosophie und semitischer Geist», 1898), «Лев Толстой, наш современник» («Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse», 1898), «Образы из истории и литературы России» («Bilder aus der Geschichte und Literatur Russlands», 1898), «Русские истории» («Russische Geschichten», 1899). Тематика этих статей во многом предопределяет ее книги о России.

²³¹ В «Прожитом и пережитом» Саломе очень точно назовёт свои поездки по России «приобщением к мифу», который был создан ими самими в ходе «русских занятий»: «мы как бы переживали приобщение к мифу, часто сталкиваясь с самыми заурядными происшествиями» (ПП, 129).

тронулись в путь из Берлина через Варшаву. Спустя два дня троица уже была в Москве; их недельное пребывание там включало визиты к скульптору князю Павлу Трубецкому, художнику Леониду Пастернаку, ко Льву Толстому. Отчет Андреас-Саломе в «Прожитом и пережитом» превозносит, прежде всего, Толстого как воплощение русского человека, а также религиозность русского народа, от преувеличения которой Толстой их предостерегал. Но тщетно: путешественники видели только то, что хотели увидеть. И много лет спустя писательница будет вспоминать, как 30-го апреля они были на праздновании русской Пасхи в Кремле: «Несмотря на то, что Толстой нас настоятельно предостерегал от участия в суеверном народном гулянии, пасхальная ночь застала нас, только что вернувшихся от него, под властью кремлёвских колоколов»²³².

2-го мая Лу вместе с обоими спутниками отправилась в Петербург. Большую часть времени путешественники провели с семьёй Саломе, но у них было время и на осмотр достопримечательностей, и на новые знакомства. 11 мая они посетили Фридриха Фидлера, известного переводчика русской литературы на немецкий²³³.

22 июня первая поездка в Россию завершилась, только усилив интерес Рильке к русской культуре, прежде всего народной, и пара сразу стала строить планы нового путешествия.

Сразу после возвращения из России они с головой окунулись в подготовку нового путешествия. По свидетельству Фриды фон Бюлов, «они душой и телом погрузились в изучение русского и занимались с феноменальным усердием целыми днями: языком, литературой, историей искусства, всемирной историей, историей культуры России, как будто им было необходимо подготовиться к страшному экзамену»²³⁴.

²³² Andreas-Salome L. Rainer Maria Rilke. – Leipzig: Insel Verlag, 1928. – S. 19.

²³³ Любопытна запись из дневника Фидлера: «Только что от нас ушли Лу Андреас-Саломе и Рильке (оба обращаются друг к другу на «ты»). Она выглядела малоэстетично: без воротничка, в болтающемся платье, которое подчеркивало бёдра, – но всё же не декадентско-символистски экстравагантно. Около сорока; увядающая. Чуть-чуть дерзкая». Цит. по: Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. – S. 139.

²³⁴ Ibid. S. 140.

Состоявшаяся через год после первой вторая поездка вдвоем с Рильке (7 мая – 22 августа 1900) была значительно насыщенной: вместо считанных суток в Москве они провели там в общей сложности месяц, посетили Толстого в Ясной Поляне, Киев, Кременчуг, поднялись по Волге от Саратова до Ярославля, шесть дней гостили в деревне Низовка Тверской губернии, где жил крестьянский поэт Спиридон Дрожжин, которого переводил Рильке. В организации поездки им много помогла русская писательница Софья Шиль, знакомство с которой состоялось зимой 1899/1900 в Берлине. Биографы свидетельствуют: «"Шильхен", как Лу и Рильке её называли, вела для рабочих и крестьян вечерние курсы по литературе, на которые оба её по возможности часто сопровождали, так как всё время были в поиске исконной, неподдельной русскости. Они интересовались не первыми попытками русских рабочих действительно выступить в политике, а их бытием, их деревенской сущностью, здоровыми корнями <...>. И они не замечали ничего грубого, грязи и жалких лачуг. Везде они говорили с народом <...>. Повсюду они искали "настоящее лицо России". Чем дальше оно было удалено от литературы и европейского, тем лучше. <...> они охотно ходили в трактиры ямщиков, слушали их беседы и разговаривали с ними. В головах у них был заранее намеченный образ безыскусно здоровой, несломленной и естественной народной жизни, образ, которого они придерживались ценой ограничения угла зрения»²³⁵. Для всего путешествия и для почерпнутого из книг, идеализированного образа России Саломе и Рильке характерно, что они не замечали реальных социальных и политических проблем; их Россия была идеальной конструкцией по принципу «от противоположного», которая должна была противостоять деградации Западной Европы и предлагать рецепт духовного спасения.

Эта идеализация сказывается в том, что Рильке и Саломе посещают традиционные святыне места русского народа, восхищаются красотой русских

²³⁵ Ibid. S. 140-141.

просторов²³⁶, природной мудростью народа. Саломе была очень впечатлена русской религиозностью. Её особенно поразило крестьянское восприятие Бога как близкого, своего, обитающего «под левой подмышкой»²³⁷. У русского человека «всё сводится к Богу и ставится в полную зависимость от него» (ПП, 67). «Бог», как считает Саломе, был уделом русского народа.

Она в восторге от простоты быта в русской избе («Скамейка вдоль стен, самовар, широкий тюфяк, набитый специально для нас свежим сеном, – вот и вся обстановка; в пустом сарае рядом – ещё охапка соломы вместо постели, хотя крестьянка из соседней избы чистосердечно заверила, что и первый тюфяк достаточно широк для двоих...»), ПП, 109). В ее описании считанные дни в Низовке превращаются в абсолютное время вечности: «Нам казалось, мы провели здесь годы, хотя на самом деле это были дни, недели, едва ли месяц. Но всё слилось в *один* час и в образе *одной* избы – и виделось нам каждый раз одно и то же: как мы ранним утром сидим на пороге, кипящий самовар стоит на полу, а мы весело наблюдаем за курами, которые с таким любопытством подходили к нам от соседних сараев, точно хотели лично предложить яйца к завтраку» (ПП, 109). Изба для обоих станет символом России.

В надежде, что в деревне очарованные странники увидят настоящую Россию, С. Шиль выхлопотала для Рильке и Саломе приглашение к крестьянскому поэту С. Дрожжину. Как она писала Рильке: «Там Вы узнаете настоящую русскую жизнь, простую, нецивилизованную деревню, её повсеместную грязь, её бедность и нечистоплотность. Если Вы там побываете, Вы наверняка во многом измените своё мнение о России, Вы ужаснётесь своим восторгам и, возможно, посмотрите с совершенно другим чувством на свою родину, где люди вопреки всем обстоятельствам живут, по

²³⁶ «Она ощущала глубокую связь с пейзажем, здесь она чувствовала себя в безопасности и одновременно экзистенциально близкой этому пространству». Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. – S. 143.

²³⁷ Эту цитату из Лескова она неоднократно использует в своих высказываниях о России, в частности, в статье «Религиозный русский». Andreas-Salome L. Der geistliche Russe // Reprinted by permission of Dr. Bella Schlesinger. – Nendeln. Liechtenstein: Kraus-Thomson organization Ltd., 1970. – S. 381.

крайней мере, как люди, а не как животные»²³⁸. Но нет, установка Рильке и Саломе оставалась неизменной. Под влиянием толстовства Лу продолжает видеть народ в радужном свете: «... однажды при осмотре Третьяковской картинной галереи с нами рядом оказалось несколько крестьян. Перед большой картиной “Стадо на пастбище” один из них недовольно произнёс: “Подумаешь, коровы! Мало мы их видели?” Другой лукаво возразил: “Они потому и нарисованы, чтобы ты их увидел... Ты любить их должен, вот почему они нарисованы, вишь ты. Любить должен, а тебе, вишь ты, нет до них дела”» (ПП, 109). Подобный эпизод мы находим в романе «Ма» («Ма»). «В глазах Лу Россия – страна будущего, человек здесь велик и прям, он прикасается и к небесам, и к земле»²³⁹, и в этом отношении Саломе отталкивается от современного ей немецкого доминантного пренебрежительно-опасливого отношения к России и – осознанно или нет – возрождает традицию оценки России у немецких просветителей.

Подводя итоги русским путешествиям в «Прожитом и пережитом», она напишет: «Для каждого из нас эти поездки стали переживанием особого рода: <...> для меня – просто упоением встречи с русской действительностью в её полном объёме: вокруг меня раскинулась эта бескрайняя страна с её народом, живущим в нищете, исполненным преданности и ожидания; она окружала меня – такая поразительно реальная, что я никогда больше – за исключением самых сокровенных личных переживаний – не испытывала впечатлений такой силы. Но необычность этих совместных поездок заключалась в том, что в одно и то же время, в одних и тех же обстоятельствах нам открывалось то, в чём ощущал потребность каждый из нас: Райнер черпал творческое вдохновение, я утоляла давнюю жажду воспоминаний о прошлом» (ПП, 69).

И чуть ниже, опять-таки вопреки фактам путешествия, рамки которого она раздвигает до Белого и Черного морей, от европейской границы до

²³⁸ Цит. по: Wiesner-Bangard M., Welsch Op. cit. S. 145.

²³⁹ Жиру Ф. Указ. соч. С. 60.

Урала, Андреас-Саломе формулирует свое главное представление о русскости, сконструированное как антитеза европейскому индивидуализму и отчужденности: в стране, которую она избегает называть «родиной», повсюду «встречался один и тот же тип человека, независимо от того, какой у него был нос – великорусский или татарский. Словно этот человек был родом из близлежащей деревни. Это единообразие при всех различиях объясняется не безликостью малознакомых и потому плохо различимых людей, а открытостью русской души, которая будто обращается к чему-то глубоко человеческому, одинаково присущему всем людям. Такое ощущение, словно узнаёшь во встречном нечто новое и трогательное о себе самом – и потому любишь этого встречного» (ПП, 69). Таков предел эмоциональной открытости самой Саломе, таков наиболее ценный для нее компонент русской национальной идентичности – возможность увидеть в «зеркале русского» «новое и трогательное» в себе самой.

После возвращения в Берлин воспоминания и «переживание» России настолько захватят писательницу, что «выписывать» «тоску по России из души»²⁴⁰ она будет в течение нескольких лет, и выльется эта тоска в следующих произведениях: «Россия с Райнером: дневник путешествия по России в 1900 году» (1999), роман «Ма» (1901), сборник новелл «В Междустранье» (1902) и повесть «Родинка» (1923). Последняя, на наш взгляд, является самым значительным произведением Саломе о России, уже хотя бы потому, что писательница работала над ней с 1901 г.²⁴¹, внося поправки, переосмысливая русскую культуру в связи с революционными событиями в России и открытиями психоанализа. России также посвящены стихотворение «Старая Россия» («Altrussland», написано в 1900 г., самостоятельно не публиковалось; вошло в «Прожитое и пережитое»), стихотворение «Волга» («Wolga», 1901), новелла «Волга» («Wolga»,

²⁴⁰ «schrieb ich mir das Heimweh nach Rußland aus der Seele». Andreas-Salome L. Lebensrückblick: Grundriß einiger Lebenserinnerungen. // Aus dem Nachlaß herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Neu durchgesehene Ausgabe mit einem Nachwort des Herausgebers. – Frankfurt a.Main, Leipzig: Insel Verlag, 2000. – S. 172.

²⁴¹ Работа над повестью «Родинка» началась 9 января 1901 г. Основная часть текста была написана за несколько месяцев, о чём свидетельствуют дневник писательницы и письма к Р.М. Рильке.

самостоятельно опубликована в 1901 г., затем вошла в сборник «В Междустранье»).

Тема России часто возникает в сохранившейся переписке Саломе и Рильке, где упоминаются полотна художников (например, А. Иванова, И. Крамского), произведения писателей (например, Гоголя²⁴²), болезнь Толстого²⁴³. Рильке присылает Саломе свой перевод стихотворения Лермонтова²⁴⁴. Они обсуждают русско-японскую войну (1904) и участие в ней племянников Лу, революционные события 1917-го, политическую ситуацию²⁴⁵, поздравляют друг друга на русском языке с праздниками²⁴⁶ или вставляют русские словечки («слава Богу», «прощай», «лошадка», «старушка», «Большевики», «Питеръ», «Ленинград», «всего хорошаго» и т.п.), делятся мыслями, впечатлениями, которые так или иначе связаны с Россией²⁴⁷, с живущими там родными Лу²⁴⁸.

«В период между 1902, когда она опубликовала сборник рассказов “В Междустранье”, и 1911 в её сейфе лежало несколько готовых романов и рассказов, которые она потом всё же извлекла под давлением финансовых трудностей. Так появились в 1922 г. “Дом. История одного семейства конца прошлого столетия” и “Час без Бога и другие детские истории”, а в 1923 г. “Родинка. Русские воспоминания”»²⁴⁹.

²⁴² Записка Рильке от 19 сентября 1913 г. Rainer Maria Rilke, Lou Andreas-Salome: Briefwechsel (1897-1926) // Herausgegeben von Ernst Pfeiffer. – Frankfurt a.Main: Insel Verlag, 1989. – S. 299.

²⁴³ Письмо Саломе к Рильке от 15 сентября 1900 года, запись в ворпсведском дневнике Рильке от 15 сентября. Ibid. S. 45.

²⁴⁴ К письму Рильке от 21 января 1919 приложен его перевод стихотворения «Выхожу один я на дорогу». Ibid. S. 389.

²⁴⁵ Письмо Рильке к Саломе от 17 марта 1904, ответ Саломе от 20 марта 1904 года, письмо Лу от 9 июля 1917, письмо Саломе от 18 января 1923. Ibid. S. 138; 140; 378; 460-462.

²⁴⁶ Открытка Саломе от 25 марта 1904 «Христось воскресь!» и ответное письмо Рильке от 31 марта 1904 Ibid. S. 142; открытка Саломе от 31 декабря 1904 года «Съ новымъ годомъ, старой дружбой!» Ibid. S. 138; 196.

²⁴⁷ См., например, письмо Саломе от 16 сентября 1904 г., описывающее её впечатления от поездок в Швецию, а оттуда в Россию. Ibid. S. 138, 183.

²⁴⁸ В письме от 28 декабря 1909 г. Андреас-Саломе упоминает о болезни матери и связанной с этим скорой поездкой в Россию, в письме от 13 января 1913 пишет о смерти матери, в письме от 22 сентября 1921 о брате Роберте, похоронившем в Крыму раненого на войне сына и живущего вместе женой, дочерью и внуками в крайней нужде, в письме от 4 января 1922 г. рассказывает Райнеру о посылках и деньгах, которые она пытается послать родным. Ibid. S. 234; S. 282; S. 436; S. 442.

²⁴⁹ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit.. S. 224.

С лета 1903 г. Андреас возглавлял кафедру иранистики и западноазиатских языков университета в Гёттингене. В новом домике на горе Хайнберг с живописными окрестностями, которые напоминали ей волжский ландшафт, она проведет всю оставшуюся жизнь. Комнаты были украшены «русскими» вещами: шкурами медведей, привезёнными в подарок из России, крестьянскими вышивками; среди книг стояли произведения Л. Толстого и М. Лермонтова. Лу очень любила природу, животных, своим собакам она давала русские клички. Так, в переписке с Рильке неоднократно упоминается Дружок, а после смерти Дружка его место заняла собака Бабка. Позднее, в переписке с Анной Фрейд Лу описывает ей своего шнауцера по кличке Наш²⁵⁰. Свой геттингенский дом и сад Лу опишет в романе «Дом» («Das Haus», 1922).

Смерть матери в 1913 г., начало Первой мировой войны, события революции навсегда отрезали Саломе от страны ее детства. Россия теперь превращается для нее из реального идеального пространства в физически недостижимое пространство ностальгии и страдания. Революция лишила её материальной помощи из России. Испытывая нужду и горя желанием помочь родным, Лу ради гонорара отдаёт в печать своё самое сокровенное, самое русское произведение – «Родинку». Саломе будет по мере своих скудных возможностей²⁵¹ помогать семье последнего уцелевшего брата, Роберта, плакать над его письмами. В этой третьей фазе национальной самоидентификации Саломе, как и раньше, выступает посредником между немецкой и русской культурой в серии статей о русских писателях²⁵².

²⁵⁰ Письмо Лу Андреас-Саломе к Анне Фрейд от 5.07.1926. Als käm ich zu Vater und Schwester. Lou Andreas-Salome – Anna Freud: Briefwechsel 1919-1937. Bd. 2. / Herausgegeben von Daria A. Rothe und Inge Weber. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. – S. 517.

²⁵¹ Выходец из России Макс Эйтингон, президент международной психоаналитической ассоциации, составивший состояние на торговле русскими мехами и финансировавший психоаналитическое издательство, Берлинский психоаналитический институт, в 1920-30-е гг. передавал Саломе от имени Фрейда небольшие суммы, которые та тратила на помощь родным в России.

²⁵² «Из переписки Льва Толстого» («Aus dem Briefwechsel Leo Tolstois», 1913), «Толстой Карла Нютцеля» («Karl Nützels Tolstoi», 1917), «"Юность" Толстого» («Tolstois Jugendtagebuch», 1919), «Религиозный русский» («Der geistliche Russe», 1919), «Николай Лесков: Соборяне» («Nikolaus Leskow: Die Klerisereij», 1920), «Наш интерес к Достоевскому и Толстому» («Unser Anteil an Dostojewski und Tolstoi», 1920), «Михаил Салтыков-Щедрин: Сатиры» («Michael Saltykow-Schtschedrin: Satiren», 1920), «Русский

Знакомство с Фрейдом в 1911 г. и развитие их отношений превращают ее в «мать психоанализа», ее потребность в художественном творчестве практически исчезает. Но и как психоаналитик, она продолжает подчеркивать русский элемент в себе, пишет, что к восприятию психоанализа её подготовило детство среди русского народа²⁵³. С Фрейдом они часто обсуждали Россию и в связи с родными, которые у обоих там оставались, и в связи с войной, в которой племянники Саломе сражались за русских, а двое сыновей Фрейда – за Австро-Венгрию; и в связи с психоаналитической практикой, так как у обоих были русские пациенты; и в связи с русской литературой, так как обоих интересовало творчество Л. Толстого, Ф.М. Достоевского, Д. Мережковского. Фрейд считал русских очень амбивалентными, о чём писал в своей работе о Достоевском («Достоевский и отцеубийство»²⁵⁴, 1926). Как для Саломе Л. Толстой, для Фрейда Достоевский был воплощением России. Фрейд и Андреас-Саломе сходились в своих взглядах относительно России на точке зрения, что «русские ближе к своей бессознательной сущности, чем народы Запада. Поэтому психоанализ встречает у русских меньшее сопротивление; поэтому русские такие благодарные пациенты и ученики; поэтому русские предвосхитили открытие самых глубоких тайн бессознательного, и более всего влечение его к смерти»²⁵⁵.

Дочери Фрейда Анне Саломе посвятила «Родинку», «чтобы рассказать ей о том, что я любила больше всего»²⁵⁶. «Посвятив свой “самый русский” роман молодому психоаналитику и подруге, она выразила своё убеждение, что в простом русском народе можно найти ту неподдельно искреннюю

романтизм» («Russische Romantik», 1921), «Направленность и форма русской поэзии» («Tendenz und Form russischer Dichtung», 1922), «Рильке и Россия» («Rilke und Rußland», 1928).

²⁵³ «Два резко противоположных жизненных впечатления способствовали моей восприимчивости к глубинной психологии Фрейда: глубоко пережитое ощущение своеобычности и неповторимости внутренней жизни каждого человека – и то, что я выросла среди народа широкой душевной щедрости. О первом впечатлении я здесь говорить не буду. Второе связано с Россией» (ПП, 137).

²⁵⁴ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство / Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова, пер. Р.Ф. Додельцева // Фрейд З. Художник и фантазирование: сборник работ. – М.: Республика, 1995. – С. 285-294.

²⁵⁵ Эткинд А. Указ. соч. С. 134.

²⁵⁶ « ihr zu erzählen von dem, was ich am tiefsten geliebt habe». Andreas-Salome L. Rodinka: Russische Erinnerung // Mit einem Nachwort von Jutta Prasse. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1985. – S. 5.

сплочённость и близость, которая впоследствии объединит всех людей и найдёт своё выражение в другой форме, в знаниях и достижениях психоанализа»²⁵⁷.

Итак, на поле немецкой культуры Андреас-Саломе самореализовалась в качестве «русской», не будучи таковой по существу. Она предложила альтернативный, очень притягательный вариант России, имевший мало общего с реальностью, сконструированный как идеальная противоположность европейским культурным доминантам; она – одна из тех, кто способствовал распространению мифа о «загадочной русской душе». Далее мы рассмотрим, как гибридная национальная идентичность Саломе находит отражение в ее главных художественных произведениях на русском материале.

²⁵⁷ Wiesner-Bangard M., Welsch U. Op. cit. S. 224.

Глава 3. Россия в художественных произведениях

Андреас-Саломе

Творческий результат «открытия» России в 1899-1900 гг.

Поскольку все три избранных для анализа произведения имеют единое происхождение – впечатления Саломе от России во время поездок с Рильке; все построены на осмыслении комплекса этих впечатлений, пропитаны общей идеей – мы, несмотря на промежуток в их выходе в свет, рассматриваем их как некое внутреннее единство. В беллетристике Саломе проявляется общий склад ее ума, более философского, чем художественного; созданные ею художественные образы, очевидно, призваны иллюстрировать ее идеи, само сюжетное развитие произведений подчинено задаче воплощения комплекса идей. Складу таланта Саломе более соответствуют документально-художественные жанры, а не литература художественного вымысла, вот почему «Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» оказывается для нас не менее важным, чем роман «Ма» и повесть «Родинка». Языковое единство рассматриваемых произведений обеспечивается тем фактом, что все они написаны по-немецки с вкраплениями непереуведенных русских слов, смысл которых понятен из контекста. Это создает «национальный колорит» в глазах немецкого читателя, а в глазах носителя русской культуры свидетельствует, скорее, о слабом владении автора русским языком. Конечно, все это самостоятельные произведения, но с точки зрения нашей темы – с точки зрения смыслов, приемов создания и аксиологических оценок образа России – они представляют собой единый текст. Поэтому мы начинаем эту главу с характеристики каждого произведения по отдельности, а потом переходим к рассмотрению образа России в них с помощью дифференцирующих критериев национальной идентичности.

«Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году»

«Дневник...»²⁵⁸ был обнаружен в наследии Лу Андреас-Саломе и впервые опубликован в 1992 г. во французском переводе²⁵⁹, а на языке оригинала вышел в 1999 г. Написан он был, как явствует из заглавия, в 1900 г. во время второго совместного путешествия Л. Саломе с Р. Рильке по России.

Многое в тексте, по мнению исследователя Бригитты Кронауэр, – имена собственные, данные в сокращении или написанные кириллицей, сокращённые слова, не названные конкретно места остановок²⁶⁰ – наталкивает на мысль, что это был путевой дневник, не предназначавшийся для читателя. Б. Кронауэр считает, что дневник являлся для Лу Андреас-Саломе «видом внутренней дискуссии, основой для последующих книг»²⁶¹. Иначе думают Стефани Мишо и Доротея Пфайфер: уничтожение автором первых четырёх страниц, заметки и корректуры на полях дневника, сравнение его с другими дневниками (Лу вела дневники всю жизнь), наличие параллельных записей о том же путешествии²⁶² свидетельствуют, на их взгляд, о том, что Лу Андреас-Саломе предполагала его позднейшую публикацию. Предназначен ли «Дневник путешествия...» для публикации? Нам кажется – да. Безусловно, Кронауэр права в том, что текст «Дневника путешествия...» станет опорным материалом для дальнейшего художественного творчества. Но что касается имён собственных, на наш взгляд, это может быть художественным приёмом, придающим тексту загадочную интимность. По нашему мнению, «Дневник путешествия с

²⁵⁸ Andreas-Salome L. *Russland mit Rainer. Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900.* // Hrsg. von Stephane Michaud in Verbindung mit Dorothee Pfeiffer. Mit einem Vorwort von Brigitte Kronauer. – Marbach: Deutsche Schillergesellschaft, 1999. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию, сокращение RmR, с указанием страниц в тексте.

²⁵⁹ По данным издателей немецкоязычного текста Стефани Мишо и Доротеи Пфайфер, в 1992 г. был осуществлён перевод на русский язык. Однако наши поиски данного или более позднего перевода в библиотеках России не привели к результатам.

²⁶⁰ Например, «Всё ещё напротив Иверской Богоматери» – так начинается повествование. Немец может не знать, что имеется в виду икона в часовне на Красной площади.

²⁶¹ Kronauer B. *Die Ikone als Heimat und umgekehrt* // Andreas-Salome L. *Russland mit Rainer. Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900.* – S. 12.

²⁶² Ibid.

Райнером Марией Рильке в 1900 году» рассчитан на современного писательнице немецкоязычного читателя и написан как антитеза всей предшествующей литературе путешествий по России, как попытка подтверждения / опровержения старых немецких стереотипов и мифов о русских, с целью показать «свою» Россию, страну своего детства.

В путевом дневнике, как свойственно этому жанру²⁶³, соседствует самый разнородный материал²⁶⁴. Родившаяся и выросшая в Петербурге, Андреас-Саломе возвращается в страну своего детства после долгих, насыщенных лет в Германии, Австрии и Швейцарии и открывает ее для себя заново. Маршрут путешествия, несущий сюжетобразующую функцию, схематично можно изобразить так: Москва – Тула – Киев – Полтава – Воронеж – Козлов (ныне Мичуринск) – Кременчуг – Саратов – Баронск (ныне Маркс) – Вольск – Хвалынский – Сызрань – Самара – Ставрополь – Чуринов – Симбирск – Казань – Н. Новгород – Ярославль (Креста-Богородское) – Москва²⁶⁵ – Тверь (Низовка, Новинки) – Чудово – Великий Новгород – Санкт-Петербург – Финляндия²⁶⁶. Остановки в русских городах, посещение музеев, знакомства с интеллигентами и крестьянами служат отправной точкой для размышлений о русской культуре в целом, о

²⁶³ Вслед за Ю. Лотманом, мы рассматриваем путешествия не только и не столько как жанр публицистики, но как художественной литературы, который «судить надо по законам художественного текста». Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – С. 567.

²⁶⁴ Как более соответствующую времени Саломе, приведем характеристику жанра путешествия Н.Г. Чернышевского: «соединяя в себе элементы истории, статистики, государственных наук, естествознания и приближаясь к так называемой лёгкой литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека в столкновениях его с другими людьми, – людьми, жизнь которых тем любопытнее для нас, что они живут в условиях иной обстановки, нежели публика, для которой предназначается книга, – путешествие совмещает в самой лёгкой форме самое богатое и заманчивое содержание. Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание». Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. IV. – М.: ГИХЛ, 1948. – С. 978.

О соединении в жанре путешествия разнородных элементов, его синтетичности, диалектичности, включении в структуру текста элементов других жанров (например, автобиографии, анекдота и т.д.) пишут многие современные исследователи жанра: Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). – М.: ИМЛИ РАН, 1999; Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: Дисс. на соискание уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 2003; Скибина О.М. Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика. – Оренбург: Наука, 2003; Михайлов В.А. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.

²⁶⁵ По плану, поездка должна была начаться и завершиться в Москве, но путешественники оказались «неспособны покинуть Россию» («unfähig von Rußland fortzugehn» RmR, 105) и, за отсутствием денег на предложенную Шаховским поездку в Челябинск, пожилы ещё некоторое время в тверской деревне.

²⁶⁶ Мелким шрифтом обозначены города, в которых путешественники не останавливались, но проезжали, «видели из окна».

контрасте между Россией и Западом, о судьбах русского крестьянства, о роли народников для русского общества.

«Дневник путешествия...» написан от первого лица и проникнут неподдельным лиризмом. Путешествие предстает как долгожданное воссоединение с собой и своим детством²⁶⁷, возвращение после двадцатилетней разлуки на родину²⁶⁸. Остроту восприятию придавало, вероятно, общество молодого спутника-возлюбленного, который был очарован Россией еще больше Лу. Примечательно, что «Дневник...» совершенно обходит нараставшее в авторе раздражение по отношению к Рильке; хотя из России они уехали вместе, последний месяц в Петербурге Рильке провел в одиночестве, а вскоре после поездки Лу прекратила их роман. Этих любовных переживаний на страницах «Дневника...» нет; Саломе выдерживает жанровую норму путевой прозы, полностью сосредоточиваясь на впечатлениях от поездки, от страны и ее народа, на чувстве своей сопричастности к родине. Описанные на ста с небольшим страницах «Дневника путешествия...» впечатления и эмоции Саломе перерабатывает в стихотворение, помещённое в конце «русской» части дневника:

Mein Land, das ich so lang versäumt,
Mein Land, das ich als Kind geträumt,
Dem ich im Traume einst begegnet,
Das mich entließ, sehensuchtsgesegnet.

Mein Land, wo Brod und Blume steht,
Wo Jeder Gott entgegengeht
Ob er ein Kreuz am Wege findet,
Ob e rim Korn die Garben bindet.

Dich hab ich lieb, vom Hüttchen an,

Надолго упустила из виду страну,
Что некогда меня в мир внешний отпустила,
Теперь же снова подарила мне весну
И в радость детства погрузила.

В моей стране растут хлеба, цветут цветы
И каждый здесь идёт навстречу Богу,
Ведёт ли путь его через кресты,
Или снопы во ржи он вяжет всю дорогу.

Мила ты мне от хижины простой

²⁶⁷ «Не пришла ли я лишь только с помощью этого путешествия к полному пониманию его [отца – Ю.П.] личности, в которой было так много от русского простодушия и русского величия? <...> – Сейчас, сейчас бы я стала по настоящему его ребёнком». («Bin ich nicht gerade erst durch diese Reise zum vollen Verständniß seines [Vaters – Ю.П.] Wesens gekommen, das so viel von der russischen Einfalt und der russischen Größe besaß? <...> – Jetzt, – jetzt wäre ich ganz sein Kind geworden». RmR, 142).

²⁶⁸ «Как Гиллот выдернул меня из моей исконной родины в мир возможностей и развития, так сейчас я возвращаюсь из этого мира домой, увлечённой тем, что, невзирая на меня, хватается за жизнь, и невыразимо прекрасно то, что это произошло здесь, на моей Родине, – находит здесь почву, чтобы расцвести, обрело здесь само себя, выйдя наружу». («Wie Gillot mich aus meiner angestammten Heimath in die Welt einer Möglichkeiten und Entwicklungen hinein riß, so kehre ich aus ihnen jetzt heim in die Hingebung an das, was ungeachtet meiner, am Leben greift ist, und unsäglich schön ist es, daß das hier, in meiner Heimath, geschah, – hier den Boden findet, um sich auszublühen, hier sich also selbst wiederfand, indem es aus sich heraus ging». RmR, 92).

Zu deiner Kuppeln Gold hinan,
Dich preis' ich, wo ich dich betrete,
Doch aller Preis wird zum Gebet. (S. 115).

И до золотых церковных куполов.
Хвалю тебя везде, где на тебя ступлю ногой.
Но превращаются слова в молитвослов.

[пер. Ю.П.]

Но русской, как мы уже показали в первой главе, она не является, по-русски не говорит²⁶⁹, с Россией, по сути, знакомится впервые во время путешествия 1899 г. и смотрит на всё глазами любопытной иностранки, говорит о русских «они», не причисляя к «ним» себя. То есть, в саморепрезентации автора-рассказчика присутствуют сразу двое «своих»: «своё»-имеемое – немецкое, западное, цивилизованное; и «своё»-желаемое – русское, которое автор хочет обрести, присвоить, пристроить к своей западной идентичности. Таким образом, можно говорить о двойной, гибридной идентичности автора-рассказчика.

Противопоставление «Своего» и «Чужого» есть жанровая черта путевой прозы. Русское в «Дневнике...» противопоставляется, прежде всего, западному. Автор сравнивает, например, волжский ландшафт с рейнским²⁷⁰, русского «маленького человека» с немецким²⁷¹, русский коммунизм с

²⁶⁹ «Не лишённый галантности литературный хронист Фридрих Фидлер неоднократно сообщает в своём дневнике, да притом ещё в мае 1900 г., что Л.А.-С. не сказала после долгого отсутствия ни слова по-русски и далее цитирует очевидца: В немецкоговорящем верхнем слое проблем не было, но при контакте с “народом” она в большинстве случаев должна была заранее знать, какой ролью она его наделит». («Der auch sonst nicht eben galante Literatenchronist Friedrich Fiedler berichtet in seinem Tagebuch mehrfach, und zwar noch im Mai 1900, L.A.-S. spreche nach der langen Abwesenheit kein Wort Russisch und zitiert weitere Augenzeugen: In der deutschkundigen Oberschicht kein Problem, aber beim Kontakt mit dem “Volk” muß sie im Groben vorher gewußt haben, welche Rolle sie ihm zuteilen wollte». Kronauer B. Op. cit. – S. 13). Ср. в воспоминаниях Б. Пастернака о встрече с Саломе и Рильке на Курском вокзале, откуда они направляются в Ясную Поляну: «Перед самой отправкой к окну снаружи подходит кто-то в черной тирольской разлетаке. С ним высокая женщина. Она, вероятно, приходится ему матерью или старшей сестрой. Втроем с отцом они говорят о чем-то одном, во что все вместе посвящены с одинаковой теплотой, но женщина перекидывается с мамой отрывочными словами по-русски, незнакомец же говорит только по-немецки». Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. – Т.4: Повести. Статьи. Очерки. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 149.

²⁷⁰ «Вечер незабываемой красоты, золото и пурпур над волнами и лесами как над таинственными мирами. С самого начала крайне симпатичный пейзаж, тихо и непринуждённо манящий, с крупными, простыми линиями, но без меланхолии. Прямая противоположность живописности Рейна; на её берегах сложно себе представить замки, но влюбляешься в её избушки, а для церквей она как родина». («Der Abend von unsagbarer Schönheit, ein Gold und Roth über den Wellen und Wäldern wie über mystischen Welten. Von allem Anfang an die Landschaft höchst sympathisch, leise und breit anziehend, in großen, einfachen Zügen, doch ohne Melancholie. Sie ist das Gegentheil des Pittoresken am Rhein; an ihren Ufern denkt man sich keine Schlösser, aber man liebt ihre Hütten, und ihre Kirchen stehen in ihr wie in einer Heimath». RmR, 74).

²⁷¹ «Совсем иначе выглядит всё то же на фоне глубокой тишины, которая так редко окутывает русскую деревню. И здесь отсутствие лая, скрипа, шума, отсутствие женской болтовни и детских криков; и здесь люди много молчат и молятся, а будни не будят в них беспристанный шум и резкость. Это чудесно и наполнено благородством. Это – одна из причин, почему эти люди обладают глубиной и производят впечатление, что не нуждаются в каком-либо образовании. Кто с ними говорит, тот всегда в равной степени на глубине, близок возвышенным вещам и проблемам, мыслям о Боге, смерти, весне; суровая жизнь имеет отзвук гимноподобного смирения, и такое смирение, а не ирония или горечь, звучало в словах Макаровой: “для чего отдыхать? после смерти отдохнём.” В Германии так поражает, что в среднем простые люди, пожалуй,

западным социализмом²⁷². Причём, «своё»-русское всегда имеет положительный знак, а «своё»-западное выступает со знаком минус.

Но Россия Андреас-Саломе выступает как единство только в сопоставлении с Западом, на метафизическом уровне. Путешественница же, даже столь идеологически предвзятая в пользу всего русского, как Саломе, в реальности сталкивается с пространственным, этническим, культурным разнообразием разных частей Российской империи. В рамках проделанного маршрута автор непосредственно, по первому впечатлению, контрастирует великорусское с украинским и татарским, причем русское опять же оценивается положительно, а нерусское отрицательно. Так, в Киеве «люди маленькие, чаще всего мрачные, плохо сложены, часто с тонкими или мелкими чертами лица; такого склада, который уже физически не может угнаться за великороссами. Там мы удивлялись, что настоящие великаны не выделяются из толпы, здесь нас уже не удивляли повсюду попадавшие кривые карлики. Там можно было ходить, как вздумается, здесь любопытные взгляды, бестактности – обычное явление. Нигде ничего своеобразного, сплошь банальное, посредственное подражание. Рядом с этой средней публикой народ выделяется намного сильнее, чем в Москве: национальный

много образованнее, но их интересы никогда не приближаются непосредственно к глубокому и вечному, а подобного ожидают только от высшего образования или исключительных личностей. В российских людях воистину редкое обыденно и обыденное редко». («Ganz besonders sticht natürlich all dergleichen ab von der tiefen Stille die das russische Dorf so seltsam umgiebt. Auch hier kein Gebell, Geknarr, Gerassel, kein Geschwätz der Weiber und Gekreisch der Kinder; auch hier schweigen und beten die Menschen viel, und der Alltag wird in ihnen nicht fortwährend laut und vehement. Wunderschön ist das und von einer ganz unsagbaren Vornehmheit. Es ist einer der Gründe, warum diese Menschen Tiefe haben & keiner Bildung zu bedürfen scheinen. Wer mit ihnen redet, ist immer gleich am Tiefsten, nah den großen Dingen und Problemen, dem Gedanken an Gott, Tod, Frühling; das schwere Leben klingt sich aus in einer hymnenhaften Ergebung, und diese ist es, nicht etwa Ironie oder Bitterkeit, die in den Worten der Makarowa klang: “wozu ruhen? wir werden ruhen, wenn wir sterben.” In Deutschland frappirt es so sehr, daß die kleinen Leute durchschnittlich wohl viel gebildeter sind, daß aber ihr Interesse nie das Tiefe und Ewige in unmittelbarer Weise streifen, und daß man nur von der höchsten Bildung oder sonderbaren Ausnahmenaturen dergleichen erwarthet. In Rußland’s Menschen ist wahrlich das Seltene alltäglich und das Alltägliche selten». RmR, 109).

²⁷² Из особенностей строения русского жилища Саломе выводит коммунизм как заложенную бытом черту русского национального характера: «Во всём этом русские глубоко индивидуалистичнее и как раз потому более коммунистически настроены, чувствуют себя подобно братьям, потому что каждый для себя одинаков, в то время как немцам, чтобы вылезти за пределы собственного индивидуализма, который они постепенно обрели и с помощью которого распознаётся высокое и низкое, в качестве доктрины необходим социализм, или патриотизм или гражданское честолюбие». («In alledem sind die Russen von Grund aus individualistischer und eben daher kommunistischer gesinnt, fühlen sich brüderlich gleich, weil jeder für sich dasselbe ist, während die Deutschen den Socialismus als Theorie nötig haben, oder den Patriotismus oder den Ehrgeiz des Staatsbürgers um sie über denjenigen Individualismus hinwegzuheben, den sie erst langsam erwerben und durch den sich Höhere und Niedere bei ihnen unterscheiden». RmR, 77).

костюм предполагает здесь “некультурное”. Этот костюм пёстрый и великолепный – расфуфыреннее и неопрятнее, чем в Москве. На женщинах с их маленькими худощавыми фигурами ленты и бусы часто висят, как на куклах: на “образованных” дамах западное платье доведено до крайности, как на женщинах лёгкого поведения. Даже места большого скопления “народа” сильно отличаются от тех, где собирается “хорошая” публика: здесь она не украшает свой Кремль молитвами и простотой, как в Москве, здесь она изгнана на грязный Подол» (RmR, 60)²⁷³. И чем дальше от Киева и ближе к России, тем симпатичнее ей всё вокруг: «Так, Полтава отчасти напоминает Киев: стоя на лесистых холмах, она так же смотрит на реку, местами виднеется церковь; но она бесконечно более русская, очень симпатичная, любя и приятна людям» (RmR, 70-71)²⁷⁴. И Казань, как татарский город, не вызывает у повествовательницы положительных эмоций: «Высшая красота Волги исчезла в Казани. Татарский город сильно нас разочаровал, он оказался почти таким же безобразным, как татарский трактир, который я выбрала вечером для отдыха» (RmR, 79-80)²⁷⁵.

Напротив, описания впечатлений от русских городов содержат восклицательные знаки, полны хвалебных эпитетов: «Нижний Н. – прелестный, красивый, подлинно русский город! Совершенно неожиданным было изобилие великолепных церквей, особенно понравился прелестный

²⁷³ «Die Menschen sind klein, meistens dunkel, schlecht gebaut, oft mit feinen, vielfach mit kleinlichen Gesichtszügen; ein Schlag, der schon physisch dem Großrussen nicht nachkommen kann. Dort wunderten wir uns, daß wahre Riesen nicht auffielen, – hier fielen uns verkrüppelte Zwerge allerorten kaum mehr auf. Dort konnte man einhergehen wie man wollte, – hier sieht neugierige Blicke, Taktlosigkeiten, an der Tagesordnung. Nirgends etwas Eigenthümliches, alles banale, mittelmäßige Nachahmung. Neben diesem mittlern Publikum hebt sich das Volk viel stärker ab als in Moskau: die Tracht bedeutet hier das “Ungebildete”. Diese Tracht ist bunt und herrlich, – geputzter und unsauberer als in Moskau. An den Frauen mit ihren kleinen magern Figuren hängen die Bänder und Perlen oft wie an Puppen: an den “gebildeten” Damen ist die westländische Kleidung als demi-mondaine übertrieben. Auch die Stätten, an denen das “Volk” sich tummelt sind von denen des “guten” Publikums sehr unterschieden: nicht wie in Moskau schmückt es mit seinen Gebeten und seiner Einfachheit seinen Kreml: es ist auf den schmutzigen Подоль verwiesen».

²⁷⁴ «So gleicht im Kleinen Poltawa sogar ein wenig Kiew, indes es auf bewaldete Hügel vertheilt, auf den Fluß niederblickt, wobei von Zeit zu Zeit eine Kirche dominirt; aber er ist unendlich viel russischer, höchst sympatisch, den Menschen lieb und angenehm».

²⁷⁵ «Die höchste schönheit der Wolga verlor sich bei Kasan. Die Tatarenstadt bereitete uns eine große Enttäuschung, sie erwies sich als fast so häßlich wie die kleine Tatarenschenke, die ich mir abens zum Ausruhen wählte».

маленький храм Архангела Михаила» (RmR, 81)²⁷⁶. Или: «Ярославль, которого достигли на второй день, удивительно красив. Полон старинных церквей и наряду с этим удивительно аристократический; почти изящный в своих широких аллеях и зелёных площадях. Симпатичен каждый отдельный человек!» (RmR, 82)²⁷⁷.

Антитеза «Своего» и «Чужого» реализуется в тексте также в противопоставлении Европы и Азии. С Азией Саломе столкнулась в Казани. Как мы видели, первой реакцией путешественницы было неприятие татарского как нерусского, то есть чужого. Затем она пересматривает свою позицию, включая татарское в русское. Русское при этом становится азиатским, но не перестает быть желаемым. В концепции Азии у Саломе имеются черты первозданности, неиспорченности современной цивилизацией, возвращения к правильной первооснове жизни (сама по себе эта концепция – результат неприятия современного рационалистического Запада), поэтому Азия осмысливается как пространство, вбирающее в себя Россию, как подоснова российской души: «Чем глубже в Азию, тем больше, в целом, так или иначе, усиливается молчание и глубокая тишина. Там внутреннюю жизнь человека, вероятно, не распознали бы так индивидуально-отчётливо, но как общий тип она, в чём я всё больше уверена, пододвинула бы нас, современных культурных людей, ближе к нашему человеческому происхождению. Большие, оставшиеся в нас силуэты вышли бы наружу в отсутствие суетливого многообразия, в каком мы живем; оно делает нас слепыми и глухими для немногих, отчасти простых, отчасти вечных жизненных источников, из которых мы черпаем жизнь и к которым мы, суетливые людишки, сознательно обращаемся почти только перед лицом смерти. И на этой Азии, хоть с какой-нибудь чертой которой я жажду

²⁷⁶ «Нижній Н. ist eine liebe, schöne, echtrussische Stadt! Ganz unerwartet war ihr Reichtum an herrlichen Kirchen, besonders der kleinen reizenden alten храмъ Архангела Михаила».

²⁷⁷ «Ярославль, am zweiten Tag erreicht, ist wunderschön. Voll von alterthümlichen Kirchen und daneben so merkwürdig vornehm; in seinen breiten Alleen und grünen Plätzen fast elegant. Jeder einzelne Mensch sympatisch!»

познакомиться, покоится для меня Россия как живое соединение прошлого с нами, как живая Родина, да, как моя дорогая Родина навсегда!» (RmR, 80)²⁷⁸.

Отметим, что автор поет дифирамбы Азии, не побывав в ней географически, имея о ней чисто умозрительное представление. Интерес Саломе к Азии пробуждается впечатлениями от «востока» Казани, а традиция европейской культуры в отношении к загадкам Азии, где «внутренняя жизнь человека не распознается отчетливо», развивается в воображении автора до образа Азии-примера, духовного образца для Европы; тот же идеологически-творческий механизм действует и при ее конструировании образа России.

Хотя до возникновения собственно евразийства в русской культуре в момент путешествия еще далеко, его идеи начали оформляться в позднем славянофильстве, у К. Леонтьева и Н. Данилевского, и вполне могли быть знакомы Саломе через ее русских друзей; отмечая это созвучие, мы, однако, не можем сказать с определенностью, появляется ли евразийская тема у Саломе через посредничество русской культуры, или она приходит к ней самостоятельно.

В отличие от только вызревавшего у нас евразийства, противопоставление Москва / Петербург к началу XX в. было глубоко разработано в русской культуре²⁷⁹. С ним Саломе могла быть знакома с большей долей вероятности, однако в «Дневнике путешествия...» антитеза Москвы и Петербурга четко не прописана (в отличие от последующих текстов Саломе о России): «Ни Петербург, ни финский ландшафт не могли

²⁷⁸ «Nach Asien hin nimmt überhaupt jedenfalls das Stumme und die tiefe Stille zu; man würde dort das Innenleben des Menschen vielleicht nicht mehr so individuell deutlich erkennen, aber als Gesamttypus würde es, wie ich immer mehr glaubte, uns heutigen Kulturmenschen unsern menschlichen Ursprung von gestern näher rücken. Die großen, auch in uns bleibenden Umrisse würden hervortreten unter dem Wegfall des hastigen Vielerlei das uns beständig erfüllt, und uns blind und taub macht für die wenigen, theils simplen theils ewigen Wesensquellen aus denen wir leben und vor denen wir hastige Menschlein fast nur im Tode bewußt stehn. Und an dieses Asien das wenigstens an irgendeinem Grenzstrich ich mich sehne kennen zu lernen, liegt für mich Rußland als lebendige Synthese desselben mit uns, als lebendige Heimath, ja als meine liebe, liebe Heimath durch und durch!».

²⁷⁹ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – С. 259-367; Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. статей / Ред. Г.С. Кнабе. – М.: РГГУ, 1998; Москва в русской и мировой литературе. Сб. статей. – М.: Наследие, 2000; Москва – Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания / Отв. ред. Д. К. Бурлака. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000.

вызвать во мне то всеохватывающее чувство родины, какое, благодаря русским впечатлениям от путешествия по Волге и Москве, стало для меня жизненной силой» (RmR, 141)²⁸⁰. Итак, Петербург воспринимается как финский-нерусский-заграничный, в то время как Москва и Волга олицетворяют для родившейся в Петербурге Саломе русское.

Как видно, текст реализует привычную для жанра путешествий категорию «Своё» / «Чужое» многоуровнево: «Своим» для автора в равной мере выступают западное и русское, условно названные нами соответственно «своим»-имеемым и «своим»-желаемым; великорусское русское включает в себя азиатское; кроме того, «своё»-русское противопоставляется «Чужим» украинскому и татарскому. Названные антитезы реализуют сразу два компонента национальной идентичности – когнитивный и оценочный.

Оценочный компонент национальной идентичности заключается в изображении русского как хорошего, доброго, ценного, самобытного, верного. Посмотрим по тексту: почти всё русское писательницу восхищает. Прежде всего, это природа и пейзаж: эйфорию вызывает московский закат, купающиеся в разноцветии, золотом куполов сверкающие города, широта и даль русских просторов. Восторгается Андреас-Саломе живописью передвижников, которые эту природу изображают: «На выставке передвижников работы Левитана и С.Я. Жуковского самые замечательные. У Левитана свет замер, зелень почти серого цвета, и если месяц на небе, то изображён он в тот час, когда он ещё не светит, а солнце уже закатилось. Только на одном пейзаже – будто снят занавес, который он обычно накидывает, – блестит на заднем плане производящий почти сияющий эффект освещённый солнцем лес с широкой полоской луга перед ним. У Жуковского самая впечатляющая работа – дачный домик зимой, очень красива также ранняя весна; чудесен настенный пейзаж Волкова,

²⁸⁰ «Weder Petersburg noch die finnländische Landschaft könnten in mir jenes allumfassende Heimathgefühl auslösen, wie es durch die russischen Eindrücke auf der Reise, durch die Wolga und Moskau für mich zu einer lebendigen Macht geworden ist».

изображающий зелёный лес с водоёмом перед ним. Некоторые работы Репина» (RmR, 33-34)²⁸¹.

С восхищённым удивлением, будто ставя их в пример Западу, описывает она народников или, как она их называет, просветителей, идущих на жертвы ради просвещения крестьянина и рабочего (например, основателя вечерней школы для рабочих С.А. Левицкого, который продал своё имущество и отказался от графского титула; или одну из учительниц на женских курсах, отказывающуюся от стипендии в пользу тех, кто еще беднее).

Огромное впечатление произвели на Андреас-Саломе рабочие, выходцы из крестьян: их стремление к грамоте, чтение по вечерам «Евгения Онегина», интерес к законодательству, житейское философствование, одновременно мудрое и наивное. Например, об одном из них, рабочем по фамилии Сысуев, она пишет: «Он принёс Шильхен повесть, которую вычитал в журнале “Семья” и переписал на свой вкус. Как, по-видимому, все остальные, он равно интересуется на курсах всеми предметами, боясь специализироваться, так как, говорит он, как только решишься отказаться от некоторых из этих истинных знаний, сразу “лишишься радости”. У товарищей, с которыми живёт канализационщик, он старается добиться тишины для чтения; чтобы это удалось, он читает им “Евгения Онегина” вслух. Как все они, он работает с 6 утра до 8 вечера, затем идёт на курсы до 10 или 11, потом ещё занимается до часу ночи» (RmR, 36)²⁸². Нравится ей и внешний вид русских людей, сильных, крепких, выносливых, и их

²⁸¹ «In der Ausstellung der Передвижники sind die Levitan's und С.Я. Жуковский's weitaus am schönsten. Bei Levitan schweigt alles Licht, das Grün vergraut fast, und wenn der Mond am Himmel steht, so ist es um die Stunde, wo er noch nicht leuchtet und doch schon die Tagessonne hinweggegangen ist. Nur auf einer Landschaft – als sei ein Vorhang hinweggezogen worden, den er sonst darüber breitet, – leuchtet die Ferne eines fast verklärt wirkenden besonnten Waldes mit breitem Wiesenstreifen davor. Von Жуковский ist das Landhaus im Winter am stimmungsvollsten, sehr schön auch ein Vorfrühling, Волковъ's Waldgrün mit Wasser davor, großes Wandbild ist herrlich. Einige Rjåpins».

²⁸² «Er brachte dem Schillchen eine Novelle mit, die er in der “Семья” gelesen und nach seinem Geschmack umgeschrieben hatte. Wie anscheinend alle interessirt er sich gleichmäßig für alle Fächer in den Kursen, bange sich zu spezialisieren, denn, sagt er, entschließt man sich erst, auf einige dieser Wahrheitserkenntnisse Verzicht zu leisten, so “verliert man seine Fröhlichkeit.” Unter den Genossen unter denen er als Kanalisationsarbeiter wohnt, hat er Mühe sich Stille zur Lektüre zu verschaffen; um es zu erreichen, las er ihnen Евгений Онѣгинъ vor. Wie sie Alle arbeitet er von 6 früh bis 8, geht dann in die Kurse bis 10 u. 11, arbeitet dann noch bis gegen 1 Uhr Nachts».

внутренние качества: «Четверо рабочих, увиденных вчера нами, – лучшее, что предложила нам Москва. Трех из них я помню по “Курсам”. Сысуев, настоящий великан, с руками, которыми он может разогнуть подкову, с лицом, какое я часто видела в России у крестьян и кучеров, с искренними голубыми глазами, в которых проглядывает ум и радость песни и танца. Он хорошо поёт, склонен к лиризму, пишет стихи» (RmR, 37)²⁸³. Внешний вид увиденных на курсах рабочих нашёл воплощение в образах крестьян поместья Родинка в одноименной повести.

Как видим, оценочный компонент национальной идентичности реализуется как в сравнении русского с «Другим», так и в чисто фактической презентации русского как чистого, гармоничного, положительного.

Волевой компонент национальной идентичности раскрывается в тексте в нескольких направлениях. Первое из них мы условно назовём «оправдательным»: к началу путешествия Лу Андреас-Саломе знала из прочитанных книг о русской нации достаточно много и имела возможность составить себе определённую картину. Во время путешествия автор ищет подтверждения уже сложившимся идеализированным представлениям, опровергает или пытается обосновать, оправдать (в глазах Запада) традиционные, берущие начало ещё от А. Кюстина, мифы о русских.

Например, опровергает Саломе миф о русском пьянстве, поддерживаемый как западными путешественниками, так и русской интеллигенцией: «Вообще здесь обнаруживаешь, как сильно непонимание Петербургом и даже Москвой русской деревни; сказки о всеобщем пьянстве, об упавшем лицом в грязь нетрезвом попе, о нечистоплотности, отвратительности людей. Дрожжин подтвердил, что всё это имеет место больше в фантазии, чем в действительности» (RmR, 106-107)²⁸⁴.

²⁸³ «Die vier Arbeiter beim Schillchen waren gestern das Schönste, was Moskau noch geboten hat. Dreier von ihnen erinnerte ich mich aus den “Kursen”. Сысуевъ, ein wahrer Riese, mit Händen die ein Hufeisen zerbrechen können, das Gesicht wie ich es oft in Rußland unter Bauern und Kutschern gesehen habe, mit blauen freimüthigen Augen, denen man Verstand und eine Freude am Gesang und Tanz ansieht. Er singt gut, ist lyrisch veranlagt, dichtet».

²⁸⁴ «Ueberhaupt findet man auch hier wieder, wie stark die Petersburger, – und sogar auch noch Moskauer! – Verkennung des rus.[sischen] Dorfs ist; das Märchen von der Trunkenheit Aller, von dem mit dem Gesicht in den

Размышляет автор о беспричинной агрессивности русских, о которой иностранцы часто говорят как о «варварской». Она видит обоснование такой агрессивности в созерцательности русского характера: «Короткий путь от чувства к поступку сохраняется для всех случаев, когда возбуждены несозерцательные чувства: доказательства – фанатическая жилка в народе, нигилизм как характерная черта образа мыслей всей интеллигенции; личность самой Шильхен, чистого добросердечного человека, которая на днях говорила такие кровавые слова, будто сама способна бросить бомбу. Время от времени русский смутно ощущает, что его душевные потребности уводят его далеко прочь от политического и гражданского и действующего, могут навредить его общественной жизни, и тогда он себя называет слабаком или без видимой причины становится страшно агрессивным» (RmR, 46).²⁸⁵

Опровергает автор «Дневника путешествия...» представление о несамостоятельности русского церковного зодчества, копировании византийского стиля, в чем русских обвиняли А. де Кюстин, А. Дюма и многие другие путешественники. Она резюмирует работу «Русское искусство» российского археолога и историка И.Е. Забелина: специфически русский стиль церковного зодчества заключается в том, что храм напоминает русский двор, который, в свою очередь, множеством своих построек представляет собой город в миниатюре. Постройки внутри двора, как и сам дом, сооружаются не сразу, а постепенно достраиваются и пристраиваются «как в сотах, ячейка к ячейке» (RmR, 77)²⁸⁶, а потому специфичность и красота русской архитектуры в асимметрии. Русскую храмовую архитектуру она рассматривает как прямое выражение народного духа, «мира», соборности: «Идея многокупольности, собрания куполов, будто града

Schmutz gefallenen betrunkenen Popen, von dem Unsaubern, Widerlichen der Leute. Auch Дрож. sagt aus, daß alles dieses mehr in der Phantasie als in der Wirklichkeit existire».

²⁸⁵ Der kurze Weg vom Gefühl zur That bleibt intakt für alle Fälle, wo nichtbeschauliche Gefühle ausgelöst werden, – Beweis die fanatische Ader im Volk, der Nihilismus als eine gewisse Gesinnungsgredienz aller Intelligenten, – Beweis die Gestalt des Schillchens selbst, dieses feinen gütigen Menschleins, das neulich so blutige Worte aussprach, als sei selbst sie im Stande, eine Bombe zu werfen. Hin und wieder empfindet der Russe dunkel, daß seine seelischen Bedürfnisse ihn vom Politischen und Bürgerlichen und Handelnden zu weit fortziehen, sein sociales Leben schädigen können, und dann schilt er sich einen Schwächling, oder wird spontan schrecklich aggressiv».

²⁸⁶ «wie Zelle an Zelle».

Божьего, понятие “собор” (от слова собирать) – чисто русская, как и идея о нескольких постройках внутри одного двора, – всюду равноправное, различающееся только количеством» (RmR, 78)²⁸⁷.

Второе направление волевого компонента национальной идентичности назовём «представительским». В том, что и как пишет Лу Андреас-Саломе о России, несомненно желание познакомить Запад с русским искусством, дать установку на его «правильное» понимание. Потому она, например, дает не просто репортаж с художественных выставок, а утверждает свою интерпретацию полотен: «Его [*Васнецова – Ю.П.*] религиозная живопись почти не понята. С полным правом он во многом придерживается старой традиции, но нарядность и оживленность его полотен не совпадает по духу с народной верой и избыточна с точки зрения искусства. В этот раз его светские картины показались мне более сильными, но я понимаю, почему народ предпочитает ему Крамского. Христос Крамского как раз не претендует быть иконоподобным, он вышел из обрамлений и золотых одежд, он просто Иисус, и Крамской, по его чудесному письменному признанию, сам даже никогда не знал, Иисус ли это вообще. То есть, это просто задумавшийся человек, брат народа, который так абсолютно недогматически, будто себе подобного, любит своего Иисуса, инстинктивно чувствуя, что сам обладает многими Его чертами, которые помогают ему так тесно слить воедино христианство с рускостью» (RmR, 43-44)²⁸⁸.

²⁸⁷ «Anstatt der langschiffigen ursprünglichen Basilika des Frühromanischen mit seinen antiken Details des ehemaligen Tempels, anstatt des byzantinischen Rundbaus mit Centralkuppel mit seinen orientalischen Anklängen, wird es zum Würfel, der sich eine oder mehrere Kuppeln aus der бочка-Form aufsetzt. Die Idee des Mehrkuppeligen, der Kuppelsammlung, gleichsam einer Gottesstadt, der Begriff des «соборъ» (von собирать) ist so echt russisch wie derjenige mehrerer Häuschen im selben Gehöft, – überall das Gleichwerthige nur durch die Vielzahl unterschieden».

²⁸⁸ «Er [*Васнецов – Ю.П.*] ist in seiner religiösen Malerei beinahe ein Mißverständnis. Mit Recht hält er sich noch sehr an die alte Tradition, aber der Zuschuß zu ihr, den seine gemalten statt angekleideten Bilder und ihre Beseelung hinzubringen, hat im Grunde im Glauben des Volkes nirgends Raum, und ist innerhalb der Kunst überflüssig. Ich finde ihn diesmal viel größer in seinen profanen Bildern, und ich begreife es, daß das Volk Kramskoi ihm vorzieht. Der Christus Kramskoi's pretendirt eben garnicht, etwas den иконы Gleiches zu sein, er ist aus den Rahmen und Goldkleidern gestiegen, er ist nur noch Jesus, und Kramskoi wußte nach seinem wundervollen brieflichen Geständniß selbst nicht einmal, ob er auch nur Jesus sei. So ist er einfach der Nachdenkliche, der братъ des Volkes, das seinen Jesus so ganz undogmatisch, als einen Seinesgleichen, liebt, instinktiv fühlend, daß es selbst viele Jesus-Eigenschaften besitzt, die ihm das Christenthum mit dem Russenthum so innig verschmelzen helfen».

Третье направление реализации волевого компонента национальной идентичности в тексте – «мессианские» размышления автора как отголосок приобретших в XIX в. особое значение славянофильских идей о святом русском народе – «богоносце», спасителе человечества. Сюда можно отнести рассуждения Саломе о русском интеллигенте и простом народе. Российская интеллигенция благодаря западному образованию утратила связь с народом. Из любви к простому народу интеллигенция пытается его просветить: «Притом Шильхен любит, и образованный русский правда очень глубоко любит этот народ, но не как равного, потому что как нечто отрицательное расценивает он то, что является в нем самым положительным и высоким: внутреннюю творческую силу в искусстве, религии и жизни. Оттого здешнее народное просвещение поступает несколько неверно и, не понимая религии, не распознаёт до конца внутренние духовные предпосылки народа» (RmR, 49)²⁸⁹. По мнению Саломе, просветители должны не учить народ, а учиться у него: «народ, как он есть, произрастает из своих неповреждённых корней и хранит сокровище, которое ему предстоит подарить человечеству, в своих грязных, но необычайно нежных руках» (RmR, 51)²⁹⁰. Таким образом, не образованный интеллигент, а простой русский человек, крестьянин обладает мессианскими чертами. Его безвольность и пассивность европейцы часто воспринимают как проявление упадка старой культуры. Но, по Саломе, напротив, «речь здесь идёт как раз не об ослабшем для действий декадентстве, а о здоровой юной душе, <...> которая только мнимо похожа на истощённые западные души, чьи порывы сохранили художественные религиозные черты только в силу усталости» (RmR, 46)²⁹¹.

²⁸⁹ «Daher liebt Schillchen, liebt der gebildete Russe diese Volk zwar sehr tief, aber doch nicht wie einen Ebenbürtigen, denn er sieht in ihm als etwas zu Negierendes, was doch sein Positivstes, Höchstes ist: die innere schöpferische Kraft in Kunst, Religion und Leben. Daher verhält die hiesige Volksaufklärung sich etwas falsch und ohne Verständniß für die Religion, erkennt nicht deren innere seelische Bedingungen ganz».

²⁹⁰ «Das Volk aber, wie es ist, lebt aus viel unberührten Wurzeln und hält wartend den Schatz, den es der Menschheitsentwicklung noch zu schenken hat, fest in seinen so schmutzigen und doch ungemein seltsam feinen Händen».

²⁹¹ «Es handelt sich hier eben nicht um eine zum Handeln schwach gewordene Dekadenz, sondern um eine intakte Jugendseele, <...> die daher den müden westländischen Seelen scheinbar ähnelt, deren Regungen umgekehrt aus Müdigkeit den künstlerisch religiösen Zug erst erhalten haben».

И далее, в подтверждение данного тезиса, Саломе создаёт коллективный образ простого народа, прежде всего крестьянства, наделяя его детскими чертами: невинностью, нежностью, непосредственностью, добротой. Образ русского народа строится, большей частью, на описании обитателей ярославского села Креста-Богородское и тверской деревни Низовка. Русского «простого человека» писательница наделяет аккуратностью, чистоплотностью (как увиденная во время плавания по Волге купеческая семья²⁹²); врождённой интеллигентностью (как ярославский ямщик²⁹³). Русские физически развиты и выносливы, добросердечны, полны любви к окружающей их природе и людям – вспомним портрет рабочего Сысуева, крестьянки Макаровой («Макаровна делает всё и вездесуща. Каждый раз в другом платке, в зависимости от условий работы, всегда веселье и доброта» RmR, 83²⁹⁴) или кучера из Креста («Наш кучер – крестьянин, нежность которого мы вчера наблюдали, когда он поднял своего малыша на повозку и приласкал его. Второй, босоногий, бежал вслед; мы узнали сегодня, что это был не его сын (его второй ещё совсем мал); мальчик просто бежал вслед, чтобы и его приласкали» RmR, 88²⁹⁵). Крестьяне обладают душевной стойкостью (как дочь Макаровой Гринка, пережившая смерть мужа и ребёнка), с уважением относятся к старшим, что проявляется даже в мелочах (как, например, Гринка при чужих «общительна, но дома, особенно в присутствии старика, молчалива» RmR, 84²⁹⁶). Отмечен русский народ чертами богоносности и богообразности: «в высоком стиле старой

²⁹² «На палубе нас заинтересовал маленький купец крестьянского вида со своей семьёй, женой и сынишкой; все необычайно мило одеты и опрятны за столом и в поклаже, он сам большую часть времени читал вполголоса книжечку с золотым обрезом». («An Bord interessirte uns ein kleiner купец bäuerlicher Art mit seiner Familie, Frau und Buben; Alle so ungemein nett gekleidet und sauber in Essen und Gepäck, er selbst las die meiste Zeit halblaut aus einem Büchlein mit Goldschnitt». RmR, 70)

²⁹³ «за 3 поездки в понедельник мы с ним очень подружились, благодаря его доброму, верному, интеллигентному характеру». («in den 3 Fahrten am Montag befreundeten wir uns sehr mit ihm, seines feinen, sicheren, intelligenten Wesens willen». RmR, 87)

²⁹⁴ «Макаровна thut alles und ist überall. In einem stets andern Kopftuch, je nach den Anforderungen ihrer Beschäftigungen, immer Heiterkeit und Güte».

²⁹⁵ «Unser Kutscher ist ein Bauer, dessen Zärtlichkeit wir gestern beobachteten, als er sein kleines Kind auf den Wagen hob und herzte. Ein zweites, nacktbeiniges lief herzu; wir erfahen heute, daß es nicht seines ist, sein zweites ist doch ganz klein, – es lief herzu um seiner Zärtlichkeit willen».

²⁹⁶ «zuthulich, wenn sie bei uns ist, zu Hause, besonders in der Gegenwart des Alten, wortkarg».

хроники» (RmR, 86)²⁹⁷ разговаривают крестьянка Макарова и мать С. Дрожжина, будто вписывая свою жизнь в вечность, и в каждом слове проступает Бог, вера в него и в возможность чуда. «Старец» с внешностью Христа, отец Гринки, «выглядит как картина, почти как Толстой» (RmR, 84)²⁹⁸, деревенские дети с «умными привлекательными личиками» (RmR, 85)²⁹⁹, а у кучера «в лице, в улыбке, сокрытой в светлой, курчавой бороде, необычайное благообразие. Здесь везде встречается такое удивительное благообразие великороссов при всей их силе» (RmR, 88)³⁰⁰.

Роман «Ма»

Ту же стратегию на идеализацию России обнаруживает роман «Ма», начатый после возвращения из первой поездки по России в 1899 г.³⁰¹, опубликованный в 1901 г. Жанр романа предопределяет обращение автора к более контролируемому, отрефлексированному кругу тем и проблем, чем в путевой прозе. Повествование ведется от третьего лица; сюжет рассказывает о немке по национальности, вдове Марианне, радость которой по поводу предстоящих рождественских каникул с двумя любимыми дочерьми оборачивается переживаниями, связанными с отъездом обеих на учёбу в Берлин и предстоящим одиночеством. То есть сюжетом задаются темы материнства и выбора женской судьбы, причем первая сливается в романе с образом России. Поскольку воплощением России для Саломе была Москва, действие романа разворачивается на заснеженных улицах Москвы рубежа XIX-XX вв. Роман имеет подзаголовок «Портрет»: на первый взгляд, можно и правомерно подумать, что имеется в виду портрет заглавной героини, но, на наш взгляд, авторский замысел включает в подзаголовок ещё один смысл – роман предлагает портрет России.

²⁹⁷ «im großen Stil einer alten Chronik».

²⁹⁸ «er sieht wie ein Bild aus, fast wie Tolstoi».

²⁹⁹ «mit klugen reizenden Gesichtchen».

³⁰⁰ «seltsame Anmuth im Gesicht, im Lächeln hinter dem blonden, gelockten Bart. Hier trifft man wieder überall diese frappierte Anmuth der Großrussen bei all ihrer Kraft».

³⁰¹ Langer R. Op.cit. – S. 442.

Материнство – сквозной лейтмотив произведения. Роман, как и «Дневник путешествия...», начинается с иконы Иверской Богородицы: «Иверская божья мать собиралась на прогулку. Из мерцающей глубины храма, золотисто-голубой в свете свечей, <...> её с благоговением перенесли в карету»³⁰². Персонифицированная икона, будто живая, едет в карете в сопровождении двух священнослужителей по заснеженной Москве, принимая поцелуи своих детей, обступившего со всех сторон карету люда, выслушивая молитвы, исцеляя их раны. Богородица олицетворяет всематеринство с его преданностью, верностью, добросердечием, жертвенностью, защитничеством, заступничеством, охранением. Марианна, появляющаяся в романе как второй материнский образ непосредственно вслед за Иверской Богородицей, автоматически вбирает в себя все её качества, становится в тексте произведения всематерью. В финале романа о Богородице уже не говорится, на её место заступает Марианна. Выйдя из Благовещенского собора, она идёт по тому же маршруту, по которому в начале романа ехала карета с иконой. И смотрящему ей вслед Хуго Ланцу она кажется спускающимся от стен Кремля на город добрым духом: «Так смотрел он безмолвно вслед спокойно спускающейся вниз под затихающий звон колоколов Ма, – посланному свыше в жилища людей доброму духу» (М, 174)³⁰³.

Добрый дух всематеринства, собственным дочерям Ма прощает все прегрешения: не порицает Циту за грубость по отношению к тётке («Поругать? Тотчас? При тебе? Оскорбить перед вами из-за пустяка достоинство моей двадцатиоднолетней дочери? Нет, как можешь ты только такое говорить, Оттилия?!») М, 27³⁰⁴), прощает Софи желание покинуть её

³⁰² «Die Iberische Mutter Gottes fuhr spaziehren. Aus der Tiefe ihres kerzenerhellten blaugoldschimmernden Tempelchens <...> war sie von eherfurchtigen Händen in den Wagen gehoben worden». Andreas-Salome L. Ma: Roman // Mit einem Nachw. Von Heidi Gidion. – Frankfurt a.M; Berlin: Ullstein, 1996. – S. 7. Далее цитируется это издание, сокращение М, с указанием страниц в тексте.

³⁰³ «So sah er schweigend Ma still niedersteigen unter dem verhallenden Geläute der Glocken, – einen von oben in die Wohnungen der Menschen entsendenden Guten Geist».

³⁰⁴ «Rügen – sofort? Vor dir? Meine einundzwanzigjährige Tochter um einer Bagatelle willen vor euch demütigen? Nein, wie magst du das nur sagen, Ottilie!»

ради учёбы в Германии, жертвует своим женским счастьем, обрекая себя на одиночество ради верности дочерям. Прощать всё, отдавать себя, своё тепло детям и близким без остатка для Ма и есть материнское предназначение. Ма хочет быть не просто матерью, но и другом своим детям. Она ещё в их детстве позволила им почувствовать себя равными. Даже слог «Ма», которым называют её дети, кажущийся уменьшительным от «мама», на самом деле возник из её имени: «Он [Томасов – Ю.Р.] с величайшим удовольствием называл её этим оставшемся от имени обрывком, который возник оттого, что дети в детстве порою брались называть мать как хорошего друга “Марианной”, что Томасов уже тогда находил весьма показательным» (М, 33)³⁰⁵.

Все действующие лица произведения находят место в её сердце, для всех у неё хватает материнской заботливости, любви и ласки. Дети сестры Оттилии доверяют Марианне больше, чем своим родителям. Племянницу Инночку не раз на протяжении романа охватывает желание обнять тётю: «Между тем Инночка ответила не сразу, она перегнулась грудью через перила пониже и, только когда она не могла больше быть уверена, слышны ли её слова внизу, она нерешительно, приглушённым голосом и очень торопливо выкрикнула: «Спокойной ночи! Спокойной ночи! Я должна тебе ещё сказать, что я тебя ужасно люблю и что ты меня должна забрать к себе и что я всегда хочу быть у тебя и нигде больше» (М, 87)³⁰⁶. В Ма она видит воплощение «матушки» русских народных сказок.

Материнство Ма распространяется и на юного художника из Германии Хуго Ланца: «С уверенностью он чувствовал, что с сегодняшнего дня ещё сюда вернётся, как возвращаются к матери, и только ради неё одной» (М,

³⁰⁵ Er [Tomasow – Ю.Р.] nannte sie gar zu gern mit diesem Namensstummel, der daraus entstanden war, daß sich die Kinder in der Kindheit bisweilen herausgenommen hatten, die Mutter wie einen guten Kameraden “Marianne” zu titulieren, was Tomasow schon damals äußerst bezeichnend fand».

³⁰⁶ «Indessen Inotschka antwortete noch nicht gleich, sie bückte sich nur tiefer über die Brüstung, und erst als sie nicht mehr wissen konnte, ob ihre Worte von unten her noch vernehmbar wären, rief sie zaghaft, mit gedämpfter Stimme und ganz hastig hinunter: “Gute Nacht! Gute Nacht! Ich muss dir doch noch schnell sagen, dass ich dich ganz schrecklich lieb habe und dass du mich fortnehmen sollst zu dir und dass ich immer bei dir sein will und nirgends sonst».

69)³⁰⁷. Таким образом, все действующие лица романа ощущают материнское расположение, душевность, теплоту Марианны. Марианна как сверхмать, как всемать становится олицетворением России. Так лейтмотивы Родины, дома и материнства в контексте романа сливаются в один смысл, в один образ: Россия приобретает женские, материнские черты, она в тексте не просто Родина, но Родина-матушка, мать своего народа.

Как и в «России с Райнером», когнитивный и оценочный компоненты национальной идентичности реализуются в «Ма» с помощью антитезы «Своё» / «Чужое». В романе «Своё», «родное», «русское» и «Чужое», «немецкое», «европейское» тесно переплетены. Так, выразительницей самой русскости выступает немка по происхождению, заглавная героиня Ма, некогда, после ранней смерти мужа, приехавшая в Россию (исследовательница творчества Саломе Рената Лангер, говорит по этому поводу, что, по Саломе, «в каждую женщину вложено немного русскости»³⁰⁸). А её дочери, воспитанные среди русских, как и русский врач Томасов – на стороне обвинения, порицают русскую отсталость и прославляют западный прогресс. Поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к противопоставлению «Своего» и «Чужого», посмотрим, что для действующих лиц произведения является «Своим», выявим когнитивный компонент национальной идентичности. Поскольку центром и средоточием романа является Ма, симпатия автора к которой легко считывается, при анализе мы будем принимать мнение главной героини за наиболее соответствующее авторскому.

Обычно под «Своим» понимают близкое, хорошо знакомое, родное, ценимое, обжитое пространство, то есть Родину. Мотив Родины – сквозной

³⁰⁷ «Mit Bestimmtheit fühlte er, daß er von heute an hier noch einkehren würde, wie man bei einer Mutter einkehrt, und nur allein ihretwegen».

³⁰⁸ «Ещё в 1924 она [Лу Андреас-Саломе – Ю.Р.] писала Анне Фрейд о бедственном положении людей Запада, которые живут поверхностно и упрощённо и не способны к глубине восточных людей; они похожи на гимнастов на трапеции, которые потеряли почву под ногами – противоположность русской укоренённости. Никким образом “трапеция в воздухе не является достаточной почвой, чтобы сеять и пожинать урожай”. Всё же в “западном случае” женщины достают хотя бы носочком одной ноги до земли, и потому им надлежит заботиться о переходе к более интенсивному способу переживания. Другими словами, в каждую женщину вложено немного русскости». Langer R. Op. cit. S. 454.

мотив в «Ма». О Родине, тоске по ней говорят многие персонажи романа, но каждый в это понятие вкладывает свой смысл, воспринимает и оценивает по-разному.

Для русского врача Томасова Родина – предмет переживаний, тревоживших его всю жизнь. Имея крестьянские корни, но получив образование за границей, приобщившись к западным ценностям, прогрессу, доктор чувствует «невозможность самому нераздвоенно и нормально, со всей энергией укорениться на родной земле»³⁰⁹. Но в то же время, «раздираемый тоской по родине» (М, 46)³¹⁰, он не может остаться в Берлине или Париже, куда его влекут интересы. Он никогда и никому, даже Марианне, не рассказывает о своих переживаниях, своей боли за Родину. В России он Россию только критикует, «вдали он говорил о Родине лишь тихо и нежно, как о больном ребёнке, касаться которого чужим запрещено» (М, 46)³¹¹. Россия – это его боль, его тюрьма, его маленький больной пациент.

Для бывшей ученицы Ма Тамары Родина – север России, вологодская природа. Она признаётся: «я, конечно, счастлива, но всё же тоскую по родным лесам и северу» (М, 53)³¹². Только там может она отдохнуть от Москвы, работы в статистическом бюро и домашних забот, только там всё исконно русское: «Оттуда сверху, где сохранилось всё чисто русское. Куда даже позднее не проник татарин...» (М, 58)³¹³.

Для Оттилии, сестры Ма, Родина – это Германия. Россию, Москву она воспринимает враждебно, как то, к чему невозможно привыкнуть, как чужое. Будучи замужем за русским, который ни разу в жизни не покидал пределов своей страны, имея в браке с ним детей, вскормленных русской нянькой, она так и не обрусела и не полюбила Россию.

³⁰⁹ «nicht selber zwiespaltlos und einheitlich, mit voller Tatkraft, im Boden seiner Heimat zu wurzeln».

³¹⁰ «vom Heimweh zurückgezerrt».

³¹¹ «in der Ferne sprach er von der Heimat nur leise, und dann zärtlich, wie man von einem leidenden Kinde, das auch nur anzurühren man Fremden schon verwehrt».

³¹² «ich bin doch gewiß glücklich, aber Heimweh nach den Wäldern und dem Norden hab ich doch».

³¹³ «Von da oben, wo alles rein russisch blieb. Wo auch später nicht einmal der Tatar hindrang – ».

Для дочерей Марианны Родина, дом – это и Россия, в которой они выросли, но которую хотят покинуть («Если мы не русские по рождению, мы всё же здесь дома» М, 11³¹⁴), и их мать, которую вне России, например, в Берлине, куда обе так стремятся, они себе не представляют («Ты наша милая Ма! Здесь прекрасно единственно потому, что ты здесь. Вероятно, в каком-то другом обрамлении ты не смогла бы себя больше комфортно чувствовать.» М, 149³¹⁵). Таким образом, для дочерей Ма мать и Родина сливаются в единое целое, в одно понятие.

Для самой Марианны Россия тоже стала Родиной и даже больше – спасением. Приехав после смерти любимого мужа в эту страну, где у неё жили отец, школьный директор, и сестра, она испытывала сильную душевную боль, которая притупила и ее материнский инстинкт, и волю к жизни. По совету Томасова, Марианна едет в деревню. Русская природа, живительная красота весенних красок помогают ей выздороветь, оправиться от потрясения, вернуться душой к детям и заботе о них. Постепенно Россия приобретает для Ма значение Родины: «Марианна любила бродить по этим улицам, которые благодаря хождению изо дня в день, из года в год, стали ей близки как родные» (М, 58)³¹⁶. Хотя она и сохраняет верность старым немецким вещам – фотографии мужа и созданным его рукой гравюрам, семейным портретам, старым книгам, отцовскому лютеранскому креслу, – она уважает всё русское. Любит Ма, как и сама Саломе, особенную московскую архитектуру, в которой большое и маленькое, великолепие и простота соединяются воедино: «И она улыбалась, когда видела, как узкие, неровные улочки внезапно выходили на огромные площади, большие, как раскинувшиеся равнины, а по их краю стояли по-детски маленькие домишки,

³¹⁴ «Sind wir auch nicht geradezu Russen, so sind wir doch hier zu Hause».

³¹⁵ «Du unsre süße Ma! Hier ist es einzig und allein schön, weil du hier bist. Vielleicht würdest du dich in einem andern Rahmen nicht mehr wohl fühlen».

³¹⁶ «Marianne liebte es, durch diese Straßen zu wandern, die ihr bei ihren Gängen tagein, tagaus, jahrein, jahraus vertraut geworden waren wie ein Heimort».

будто игрушечные по сравнению с огромными соседними строениями» (М, 58)³¹⁷.

Понимает Ма народное искусство, гармонизирующее и придающее уют и теплоту быту. Так, она обставляет в крестьянском стиле свою столовую: «Мать принесла несколько крестьянских сундуков и расставила вокруг стола простые скамеечки того же деревенского происхождения. Потом она прикупала время от времени на большом “блошином” рынке <...> изделия народных художественных промыслов и убогая “щель” получила некоторый блеск, – например, там появилась полка из тёмного, отделанного резьбой дерева с яркой росписью на золотом фоне; оригинальный стул, спинка которого была сделана из красной лакированной упряжной дуги, подобной тем, что носят лошади в русской упряжке» (М, 18)³¹⁸. В дополнение к мебели – скатерть и занавески с пёстрым крестьянским узором. И каждый, кто бывает у Ма в гостях, ощущает на себе этот русский уют и тепло домашнего очага.

С теплотой относится Маринка, как Ма зовут на русский манер, к народу. По-русски душевная, она понимает простой народ лучше, чем Томасов: «Лучше я Вам расскажу об этом народе: например, я Вам могла бы рассказать о том, почему я здесь, в этом русском городе, так люблю как раз по воскресеньям ходить в картинную галерею, куда народ тоже ходит. Он тихо ступает своими тяжёлыми сапогами и полон благоговения. Вы часто наблюдали где-нибудь ещё подобное благоговение? Необходимо только вникнуть в духовный характер народа, чтобы постичь его душу» (М, 62)³¹⁹.

³¹⁷ «Und sie mußte lächeln, wenn sie schmale, hügelige Gassen sich plötzlich auf einen jener Riesenplätze öffnen sah, die wie weite Ebenen sein konnten, und an deren Rande mitunter kleine Häuser kindlich dastanden wie Spielzeug neben den ungeheueren Raumverhältnissen mancher Nachbarbauten».

³¹⁸ «Die Mutter hatte ein paar Bauerntruhen hineingestellt und rund um den Tisch einfache Sitzschemel von gleich ländlicher Abstammung. Dann erhandelte sie jedoch auf dem großen Trödelmarkt <...> noch hie und da ein Stück volkstümlichen Kunstgewerbes, wodurch der arme Spalt einen gewissen Glanz erhielt, – so durch ein Wandbord aus dunkelm, in Spitzenmuster geschnitztem Holz mit grellen Malereien auf Goldgrund und durch einen originellen Stuhl, dessen ganzes Hintergestell aus einem rotlackierten Krummholz hergestellt war, wie es die Pferde im russischen Gespann tragen».

³¹⁹ «Lieber will ich es sein, die Ihnen von diesem Volk erzählt: zum Beispiel könnte ich Ihnen davon erzählen, warum ich hier, in dieser russischen Stadt, so gern gerade an Sonntagen eine Gemäldegalerie besuche, wo auch das Volk vor den Bildern steht –. Es tritt leise auf mit seinen schweren Stiefeln und ist voll von Andacht. Haben Sie eine

Марианна привыкла к русским обычаям и традициям, которые стали для неё обыденными и естественными. Например, приветственный троекратный поцелуй: «Молодая женщина сама открыла дверь и приветствовала гостью тремя звонкими поцелуями – один в губы и по одному в каждую влажную от снега щёку Марианны» (М, 50)³²⁰. И она сама следует русским обычаям осознанно, справляя русское Рождество, или неосознанно, провожая немецкого гостя Хуго Ланца: «Когда при прощании он склонился к её руке, Марианна невольно поцеловала его в лоб, на что по русскому обычаю гость имеет право. А когда он поднял голову, в его чертах отразилась такая признательная детская наивность, которая тронула Марианну» (М, 69)³²¹.

Но Родина для Ма – не только и не столько страна, сколько близкие и любимые люди, пользующиеся доверием. В разговоре с Хуго Ланцем, по мнению которого художнику больше всего нужна свобода, она отвечает ему: «Больше, чем свобода: Родина» (М, 67)³²² и, видя его недоумевающий взгляд, объясняет: «Его свобода должна простираться ещё шире, но на внешних границах его свободы он должен ощущать вокруг себя Родину, – мир, которому он доверяет» (М, 67)³²³. В этом значении Родина для Марианны – это, конечно, её дочери: «Только дети, они были Родиной» (М, 144)³²⁴. И когда племянник Николай рассказывает о пропавшем из его гимназии ученике, оставившем записку о самоубийстве, главной причиной случившегося в размышлениях Ма становится тоска по его родине, по югу России, и родителям: «Можно ли вообще достаточно глубоко заглянуть в детскую душу, что пришла к такому решению? Возможно, охваченная тоской

solche Andacht schon anderswo häufig beobachtet? Man muß nur in des Volkes seelische Art eingehen, um seine Seele zu fassen».

³²⁰ «Die junge Frau öffnete selbst die Tür und bewillkommnete ihren Besuch mit drei schallenden Küssen, einen auf den Mund und je einen auf Mariannes schneenasse Wangen».

³²¹ «Als er sich beim Abschied über ihre Hand beugte, gab ihm Marianne unwillkürlich jenen Stirnkuß, auf den nach russischer Haussitte der Gast Anspruch hat. Und als er sein Gesicht erhob, lag eine so dankbare Kindlichkeit auf seinen jungen Zügen, daß sie Marianne rührte».

³²² «Mehr als Freiheit: Heimat».

³²³ «Seine Freiheit mag sich noch so breit strecken wollen, aber an den äußersten Grenzen seiner Freiheit, da muß er Heimat um sich fühlen, – eine Welt, der er vertraut».

³²⁴ «Die Kinder allein, das war ja Heimat».

по дому, – каким-нибудь непонятым страхом, – возможно, страхом перед самой жизнью...» (М, 84)³²⁵. И её переполняет любовь к детям, всем детям страны, Земли, которых ей хотелось бы защитить, для которых ей хотелось бы стать Родиной: «И сердце у неё стало совсем просторным и большим, будто оно должно было простереться надо всем миром и охватить собой всех детей, охватить с такой теплотой и страстью, чтобы ни один из них не остался вонне» (М, 84)³²⁶. Таким образом, Родина, дом и материнство становятся у Саломе равнозначными понятиями.

Женской душевности, иррациональности России в романе противопоставляются присущие Западу рациональность и деловитость. Антитеза Россия / Запад развивается на двух уровнях.

На уровне системы персонажей, ближайшее окружение Ма – ярые западники. Сестра Оттилия, вышедшая замуж за русского и много лет прожившая в России, дома говорит с мужем, детьми и русской нянькой на русском, а не немецком языке, и во всем остается немкой. Муж Оттилии высмеивает любовь жены ко всему европейскому: «Она очень падка на это, а тут ещё и Вена! – Здесь только посюсторонность, там прекрасная потусторонность: примерно так она думает. И поездки в Пратер, и элегантные офицеры, – не так ли, Тили?» (М, 82)³²⁷. Всё русское её несколько раздражает; сестру она укоряет за русский максимализм: «Ты во всём заходишь слишком далеко, – и так всегда. Ты за всё берёшься с таким искренним увлечением, во всё вкладываешь душу» (М, 28)³²⁸, – говорит она Ма, считая такое поведение ошибочным, неправильным, – «Не следует вкушать вещи до дна. Необходимо сдерживать себя, иначе проиграешь.

³²⁵ «Konnte man sich wohl je genügend tief in eine Kinderseele hineindenken, die zu solchen Entschlüssen gelangt war? Vielleicht bezwungen vom Heimweh, – von irgendeiner unverständenen Angst, – Angst vor dem ganzen Leben selbst vielleicht...»

³²⁶ «Und ihr wurde das Herz ganz weit und groß, als müßte sich's über eine Welt ausdehnen und alle Kinder darin umfassen, mit solcher Wärme und Inbrunst umfassen, daß keins davon ausgeschlossen bliebe».

³²⁷ «Die ist ganz vergessen drauf, und nun gar Wien! – Hier ist nur Diesseits, dort das schönere Jenseits: so etwa denkt sie sich's. Und die Praterfahrten, und die feschen Offiziere, – nicht wahr, Tilie?»

³²⁸ «du gehst immer zu weit in allem, – das tatest du immer. Alles packst du mit solch innerer Leidenschaft an, gibst dich so ganz dran!»

Иначе лишишься духовного равновесия» (М, 28)³²⁹. Сдержанность Оттилии, ее рациональная строгость в противопоставлении с сердечной теплотой Ма ведут к тому, что дети Оттилии поверяют свои секреты тётё, а не матери. Марианна же думает, что Оттилия живёт не в полную силу: «Она не выкладывается, живёт обыкновенно в три четверти своей личности» (М, 30)³³⁰. Для Ма человек живёт, пока любит. Если соотнести с образами Оттилии и Марианны слова И. Ильина, исследователя мифа о России в европейских странах: «западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением и лишь потом волею и умом»³³¹, – то выходит, что первая – немка, а вторая – русская.

Обращены на Запад, в сторону берлинского женского движения дочери Ма, Цита и Софи. Цита – сложившаяся эмансипированная европейская женщина рубежа веков. Она знает, чего хочет от жизни и считает себя равной мужчинам. Отношение Циты к России отрицательное. Россия для неё – страна без возможностей развития. В разговоре с Софи Цита упрекает мать за упущенные возможности и вину за это возлагает на Россию: «Для Ма было бы в тысячу раз лучше не оставаться здесь <...>. С её способностями, с её талантами она должна была кем-то стать. Но, конечно, здесь, в России, где она должна учить детей богатых купцов...» (М, 14)³³². Софи – промежуточный персонаж. Она, с одной стороны, хочет быть похожей на сестру, мечтает учиться на врача, как она участвовать в женском движении; с другой, она сочувствует матери, чувствует вину перед ней из-за своего желания уехать учиться в Берлин, не разделяет взгляд сестры на родину и пытается понять Россию. «И вообще иногда мне хочется, чтобы мы были ими

³²⁹ «Man muß die Dinge nicht so bis auf den Grund auskosten. Man muß sich zurückhalten, sonst ist man verloren. Sonst verliert man jeden Halt».

³³⁰ «Sie gab sich nicht aus, lebte einfach mit drei Vierteln ihrer selbst».

³³¹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-54 гг. – М., Париж: издательство Парог, 1992. – С. 58.

³³² «Für Ma wär es auch tausendmal besser gewesen, nicht hier steckenzubleiben <...>. Mit ihrer Begabung, ihren Talenten hätte sie etwas werden müssen. Aber freilich, hier in Rußland, wo sie einfach den reichen Kaufleuten die Rangen unterrichten muß –».

[*русскими – Ю.Р.*] в большей степени! Например, учились бы в чисто русской гимназии, по крайней мере, я, сестричка» (М, 11)³³³. Автор показывает эту разницу в степени эмансипации через портреты сестер: у Циты «коротко обрезанные волнистые тёмно-русые волосы» (М, 11)³³⁴, у Софи «голова с двумя блестящими косами, обёрнутыми вокруг неё венцом» (М, 11)³³⁵.

Образы дочерей содержат автобиографический элемент. В них есть черты самой Лу Андреас-Саломе, которая приложила немало усилий, чтобы избавиться от материнской опеки и остаться в Германии, заниматься там саморазвитием. Вспоминая попытку обрести в позднем возрасте утраченную русскость, голос Софи звучит как совесть и раскаяние автора.

В противопоставлении России и Западной Европы на уровне персонажей отдельное место занимает доктор Томасов. В его характере, привычках и портрете русское и европейское тесно переплетены, синтезированы. С одной стороны, дают себя знать крестьянские корни: его дед был крестьянином, отец «собственным трудом выбился в купцы и судовладельцы» (М, 111)³³⁶ и сделал всё, чтобы его дети получили образование. С другой стороны, сказывается европейское образование и лоск: «Его безбородое лицо, которое так часто выставляло напоказ каждую морщинку и складку в чертах человека, которому далеко за сорок, плохо отражало его мысли. Сухопарый, с коротким славянским носом и энергичной линией подбородка, – по очертанию – лицо русского варвара, оно было обработано жизнью, одухотворено, и всё же закрыто в проявлении чувств» (М, 31)³³⁷. Томасов по-западному практичен и деловит, по-русски душевен, добр и музыкален. Ему присуща жертвенность: как Ма тратит всю себя на

³³³ «Und eigentlich möchte ich manchmal, wir wären's noch mehr! Wären zum Beispiel im einem stockrussischen Gymnasium erzogen worden, wenigstens ich, Schwesterchen».

³³⁴ «kurzverschnittenes welliges, ganz dunkelblondes Haar».

³³⁵ «Kopf, mit seinen zwei schimmernden Flechten, die ihn kranzförmig umwandten».

³³⁶ «der hatte sich zum Kaufmann und Reeder heraufgearbeitet».

³³⁷ «Sein bartloses Gesicht, das so offen jede Falte und Furche in den Zügen des hohen Vierzigers zur Schau trug, war in bezug auf seine stummen Gedanken nicht plauderhaft. Hager, mit slawisch kurzer Nase und energischen Kinnlinien, – dem Grundriß nach ein russischer Barbarengesicht, war es vom Leben verarbeitet, vergeistigt, und doch im Ausdruck wie verschlossen worden».

воспитание детей, так и он, безнадежно любя ее, оказывает ей постоянную поддержку и помощь.

Поскольку когнитивный компонент национальной идентичности обуславливается оценочным компонентом, в зависимости от того, как они воспринимают Россию, – как «Своеё», как данную от рождения или благоприобретённую, любимую Родину или как чужую страну, – действующие лица по-разному её оценивают. Если в «Дневнике путешествия...» Россия как желанное, как некогда утраченная автором страна детства всегда оценивается положительно, то в романе «Ма» она часто подвергается критике и воспринимается как азиатская, варварская страна в противоположность развитой, прогрессивной Европе.

Глядя из окна на народ, столпившийся вокруг кареты, везущей икону Богородицы, Цита восклицает: «Ах, Россия-Россия! У меня снова ощущение, будто я вернулась в Азию, <...> это печально! Я удивляюсь, что ты над этим только смеёшься, Софи» (М, 10)³³⁸. На что Софи отвечает: «Не так уж это и ужасно. Пожалуй, всё это немного отдаёт Средневековьем, но иногда приобретает нечто очень торжественное» (М, 10)³³⁹.

Противопоставление азиатского и европейского в романе принимает форму подключения автора к спорам о Москве и Петербурге. Вновь Москва характеризуется неподдельной русскостью, но в ней появляются новые, по сравнению с «Дневником...», смыслы азиатской отсталости, ограниченных возможностей самореализации, в противоположность Санкт-Петербургу, который выступает как город современный, европейский, соответствующий духовным запросам нового поколения. Как пишет в своей работе «Матушка Русь» Олег Рябов, оппозиция провинция / столица является для отечественной культуры одной из наиболее значимых. «Мифологизированная “провинция” – это варварство, угроза цивилизации,

³³⁸ «Ach, Rußland-Rußland! Mir ist doch wieder, als ob ich nach Asien zurückgekehrt wäre <...> traurig ist es! Ich wundere mich, daß du nur dazu lachst, Sophie».

³³⁹ «Es ist nicht so schlimm. Vielleicht noch ein bißchen Mittelalter, aber es kann auch etwas ganz Feierliches bekommen, mitunter».

порядку, это место, которое должно быть окультурено, просвещено, оформлено. В то же время именно с ней нередко связывают надежду на преобразование несправедливой реальности, объявляют её хранительницей подлинной русскости, национального духа, утраченного столицей»³⁴⁰. Обе позиции представлены в диалогах, где Оттилия и Цита высказывают восхищение Санкт-Петербургом как западным городом, а Софи вступает за «отсталую» Москву. Автор тонко отграничивает цивилизационную отсталость от неразвитости (как неразвитым бывает ребёнок, которым мало занимаются взрослые), и в романе детские черты образа России расцениваются амбивалентно, в зависимости от позиции персонажа: либо как знак незрелости, отставания в развитии, либо как знак огромного потенциала для будущего. Мы находим здесь отголоски споров между славянофилами и западниками, отдельные черты обеих позиций воспроизводят дискуссии в романе. Славянофильство намного ближе Саломе, чем западничество; как и славянофилы, она настаивает на своеобразии русской культуры и воспринимает крестьянство как неиспорченный источник подлинной русскости. От западничества у Саломе концепция России как ребёнка, за которым при правильном, сориентированном западными ценностями, воспитании, мировое будущее.

Мотив ребёнка – ещё один сквозной мотив романа и, как предыдущие два, служит созданию образа России. Он имеет отношение как к образу Ма, так и к образу народа. То есть Россия предстаёт в тексте одновременно как мать, защищающая свой народ, и как ребёнок, нуждающийся в поддержке и заботе. Она имеет детскую душу и все её достоинства, но также и недостатки организма, не достигшего полного развития, расцвета.

Волевой компонент национальной идентичности реализуется в романе через заглавную героиню, в её диалогах с доктором Томасовым, который относится к родине пассивно-созерцательно, не веря ни в социальный, ни в духовный прогресс России: «Не пришлось ли ему, ещё будучи юношей, – в

³⁴⁰ Рябов О.В. «Матушка-Русь». – С. 23.

юношеском воодушевлении ко всему готовым, – постоянно наталкиваться на крепкую, высокую стену существующих условий; не за границей ли только смог он получить развитие; не должен ли был он, раздираемый тоской по Родине, воздержаться от того, чтобы привести в действие дома как раз те взгляды и достижения, в которых она явно безотлагательно нуждалась, – как совершенно иначе для него как мужчины, как человека была бы подытожена его жизнь!» (М, 45-46)³⁴¹. Ма, в соответствии с воззрениями Саломе о том, что женщина черпает силы в укорененности в насущных задачах бытия, иллюстрирует в романе идею действенной жертвенности. Через главную героиню автор побуждает русского человека к активной деятельности, вероятно к такой, пример которой мы видели в «Дневнике путешествия...» в образах Левицкого и Шиль, или пример которой дан в повести «Родинка».

Повесть «Родинка»

«Родинка» считается «самым русским» произведением Лу Андреас-Саломе. Это мнение не только критиков, его высказывала сама автор повести, причём неоднократно: в письмах к Рильке³⁴² и «Прожитом и пережитом»³⁴³. «Родинка» не только самое русское, но и самое любимое произведение Саломе. Об этом говорит уже цитированное выше посвящение: «Анне Фрейд, рассказать ей о том, что я любила больше всего»³⁴⁴, и тот факт, что работала над повестью она больше двадцати лет, дольше, чем над каким-либо другим произведением. «Родинка» очень близка «Дневнику путешествия...», некоторые дневниковые записи вошли в повесть почти

³⁴¹ «Hätte er nicht schon als Jüngling, – in jugendlicher Begeisterung zu allem bereit, – immer nur an die harte, hohe Mauer der bestehenden Zustände stoßen müssen; hatte er nicht erst im Auslande draußen seine volle Entwicklung finden müssen; hatte er, vom Heimweh zurückgezerrt, nicht davon absehen müssen, in seiner Heimat gerade diejenigen Einsichten und Fortschritte zur Wirksamkeit zu bringen, deren sie ganz augenscheinlich am dringendsten bedurfte, – wie ganz anders würde sich dann für ihn als Mann, als Mensch, sein Leben zusammengefaßt haben!»

³⁴² См.: Rainer Maria Rilke, Lou Andreas-Salome: Briefwechsel (1897-1926).

³⁴³ «Но ещё раньше, в Шмаргендорфе, я выплеснула свою тоску по России и почти довела до завершения «Родинку»; мне очень хотелось, чтобы эту повесть прочитали, так как в ней рассказывалось о русских впечатлениях; всё остальное создавалось мной исключительно или почти исключительно ради самого процесса творчества, который был для меня важен и почему-то жизненно необходим» (III, 155).

³⁴⁴ «An Anna Freud, ihr zu erzählen von dem, was ich am tiefsten geliebt habe». Andreas-Salome L. Rodinka: Russische Erinnerung. S. 5.

дословно, другие – обработаны, чтобы гармонично влиться в ткань текста. Замысел пришёл к ней почти сразу после возвращения из второй поездки по России. В письме к Рильке от 8 января 1901 г. она пишет: «После ужина внизу у меня в душе во время разговора всплыл непреодолимо сюжет о Николае Толстом – впервые как убедительное целое: он таился там со дней пребывания в Новинках. Теперь он встал, будто после прошедшего Рождества... как если бы Николай Толстой пришёл с новогодним визитом, со шляпой в руке, – чтобы через осознание этого сюжета породить громкое новогоднее счастье»³⁴⁵. Таким образом, прототипом Виталия Волуева, главного героя повести, и поместья Родинка был Николай Толстой и Новинки. 9-го января были написаны первые страницы: «написала роскошное название и начало, длиной в несколько страниц»³⁴⁶. Работа двигалась быстро: за январь написано две главы (письма к Рильке от 17, 20, 21, 26 января)³⁴⁷. Письма за февраль и март, как указывает издатель, отсутствуют, но последующие (начиная с письма от 21 марта 1901 г.³⁴⁸) свидетельствуют о продолжении творческого процесса. К 1904 г. повесть была закончена, но коррективы вносились автором вплоть до года издания. Вероятно, на процесс внесения правок повлияла сама история России, но о характере правки мы не имеем возможности судить. Очевидно лишь, что

³⁴⁵ «Nach dem Abendbrot unten tauchte mir im Gespräch unwiderstehlich der Nikolai Tolstoi-Stoff in der Seele auf, – zum ersten Mal als zwingendes Ganzes: er hatte dort geschlummert seit den Tagen von Novinki. Nun war es, als ob, nach verklungener Weihnacht..., Nikolai Tolstoi zu einer Neujahrsvisite eingetreten sei, den Hut in der Hand, – um lauter Neujahrsglück heraufzubeschwören durch die Ahnung dieses Stoffes». Rainer Maria Rilke, Lou Andreas-Salome: Briefwechsel. – S. 49.

³⁴⁶ «schrieb protzig Titel und Beginn, seitenlang». Ibid. S. 50.

³⁴⁷ Запись от 17 января: «Вчера <...> с большим успехом описана первая сцена “Дети с Виталием”, сегодня её продолжу». («Gestern <...> voller Glück die erste Scene beschrieben <die Kinder mit Witalii>, fahre heute daran fort». Ibid.)

Запись от 20 января: «Сегодня вечером запечатлела всё в общем и целом неразборчивыми мазками. Как парой мазков кисти бегло набрасывают цвета, пришедшие кому-то в голову. Позднее это всё должно снова перетечь друг в друга в оригинальных нюансах и тысячах оттенков». («Heute gegen Abend alles mit wahllosen Strichen im Großen Ganzen festgehalten. So wie man mite in paar Tupfen die Farben markiert, die Einem gekommen sind. Später muß all das wieder ineinanderrinnen in den ursprünglichen Nuancen und tausend Schattierungen». Ibid. S. 51.)

Запись от 21 января: «вечером начала писать вторую главу» («abends das zweite Kapitel zu schreiben begonnen». Ibid.)

Запись от 26 января: «Вчера закончила вторую главу». («Gestern das zweite Kapitel beendet». Ibid.)

³⁴⁸ «Несколько чёрных дней, потому что и “пятницы” не приносят упоение работой. Сейчас имеет значение набросать, по меньшей мере, последние пару сотен страниц, чтобы позже к ним вернуться». («Ein paar schwarze Tage, weil auch die “Freitage” nicht den Arbeitsrausch zurückgebracht. Jetzt gilt es, die letzten paar hundert Seiten wenigstens hinzulegen, um später auf sie zurückkommen zu können». Ibid. S. 52.)

«Родинка» – не только самый автобиографичный из текстов Саломе о России, но произведение с наиболее проработанным, конкретным и даже политически злободневным историко-социальным планом, это ее итоговое художественное размышление о России, чем и было особо дорого для автора. Публиковать его она решилась, только когда у нее не осталось средств, чтобы помочь брату и племянникам, бедствовавшим в России: «Моё русское произведение, “Родинку”, я бы с удовольствием издала в каком-нибудь журнале, из-за денег; нет шансов, и к швейцарским журналам напрасно обращаться, потому что как раз они переполнены» (письмо к Рильке от 4 января 1922 г.³⁴⁹). Несмотря на эти трудности, в 1923 г. «Родинка» вышла в свет.

Повесть состоит из двух частей: «Воспоминания о Виталии» и «Лето в Родинке». В первой части рассказчица Муся, явно автобиографический персонаж, повествует о своём детстве в Санкт-Петербурге. Столичные детские воспоминания немки Муси вписаны в исторический контекст: русско-турецкая война, традиционная православная религиозность и новые революционные настроения молодого поколения, тайные собрания, «просветительское» движение, убийство Александра II. Дедушка Муси, как отец самой Луизы фон Саломе, отставной генерал на службе в русской армии, семья её вращается по большей части в эмигрантских кругах и не принимает окружающую русскую действительность близко к сердцу, чувствует себя чужой. Это отношение к фактической, но непризнанной русской родине меняется благодаря знакомству с Виталием Волуевым, который для Муси становится связующим звеном между ней и Россией и одновременно олицетворением русского человека. Г. Пфаннер замечает: «Как в жизни самой Лу, зима 1879-80 – последняя, которую рассказчица “Родинки” проводит среди своей большой семьи в Санкт-Петербурге, прежде чем уехать на Запад. В этот последний год в русской столице она, главная

³⁴⁹ «Mein Russisches, das “Родинка”, hätte ich gern in irgend einem Blatt vor Buchausgabe, wegen des Honorars; sind keine Aussichten, und an Schweizer Blätter sich wenden wohl vergeblich, weil sie besonders überlaufen sein werden». Ibid. S. 443.

героиня романа и его рассказчица, впервые осознаёт свою тесную связь с родным городом»³⁵⁰. Таким образом, для Муси русское детство в Санкт-Петербурге остаётся маленьким кусочком родины или, следуя за названием книги, Родинкой. В большей степени соответствует название повести второй части произведения, в которой взрослая, пережившая, как и сама Саломе, потерю ребёнка, Муся приезжает к Виталию в поместье Родинка, где, окунувшись в быт дворянского имения и заглянув в крестьянские избы, знакомится с Россией, которой до этого не знала. Здесь поместье Волуевых предстаёт как Россия в миниатюре, маленькая Родина. Задача дневника взрослой Марго – а именно дневником рассказчицы оказывается текст – сообщить как можно больше о жизни Виталия Волуева, личность которого произвела на неё столь сильное впечатление в детстве и юности, о его семье, каждый из членов которой обладает характером, несущим определённую грань русскости.

Россию читатель видит глазами Марго. Описание ее детства в русской столице в чем-то совпадает с мемуарами «Прожитое и пережитое», только еще четче обрисовано ее нерусское воспитание, формирующее немецкую идентичность. Марго растет среди эмигрантской части населения, в протестантской вере, в школе при протестантской церкви, в любви ко всему немецкому: «<...> мы никогда не забывали, что наша родина находится далеко отсюда, в Южной Германии – пусть даже мы и отдалены от неё многими поколениями. Не позволял нам забывать об этом отец – правда, скорее, произвольно, ненамеренно, тем, что просто поставил на свой письменный стол выцветшие фотографии с видами родных мест, словно это были снимки дорогих сердцу родственников, или же тем особым почтением, с которым он относился ко всем предметам, даже самым бесполезным и повреждённым, только потому, что они перешли к нам по наследству с

³⁵⁰ «Wie in Lous eigenem Leben ist der Winter 1879-80 der letzte, den die Erzählerin von Rodinka bei ihrer größeren Familie in St. Petersburg verbringt, bevor sie in den Westen abreist. In diesem letzten Jahr in der russischen Hauptstadt wird sie, also die Protagonistin des Romans und dessen Erzählerin aus dem Rückblick, sich zum erstenmal ihrer engen Beziehung zu dieser Vaterstadt bewußt». Pfanner H.F. Op.cit. S. 460-461.

давних времён, когда родители наших родителей ещё не переселились в Россию.

Мы, таким образом, в первую очередь ощущали свою связь с остальными иностранцами, которых было немало, – даже непредвиденные браки с “настоящими русскими” случались реже, чем браки между своими. Немцев, французов, англичан, голландцев, шведов отделяли от русских и тесно сплачивали между собой их церкви; евангелические церкви, куда ходило большинство, и школы при них – несмотря на невероятную разбросанность общин по огромному городу – были своего рода центрами, куда, как на родине, словно стекались улицы, на которых жили иностранцы»³⁵¹. «Своим» для Муси является немецкое, западное, рациональное, а Россия и русское в первой части – чужим и непонятным, во второй – влекущим и манящим, как непризнанная когда-то и потому непознанная родина, иррациональным и загадочным.

Уже на первых страницах повести при знакомстве с мальчиком Виталием дети ощущают и подчёркивают свою разность: «Моя сестра! – поспешно, ещё в дверях, объявил Борис. – Её зовут Муся, но настоящее имя – Марго. У меня тоже русское имя – в честь крёстного отца. Мы немцы» (Р, 198). Семья Муси, которая держалась «всегда чуть-чуть в стороне» (Р, 214) от внутренней культурно-политической ситуации, с момента знакомства с Виталием начинает с интересом относиться к русскому, внимательно, не понимая, критикуя, но всё же сочувственно, как, например, во время русско-турецкой войны: «В нашем немецком отцовском доме я сидела вместе с другими, шила и щипала корпию или помогала маме, ставшей членом женского союза, посылать на фронт благотворительные пакеты. Борис, который уже в раннем детстве мечтал стать “русским поэтом”, сочинял пламенные оды в честь “павших героев” – сочинял по-немецки» (Р, 210). Благодаря знакомству с Виталием, который добровольцем отправляется на

³⁵¹ Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Пер. с нем. и предисл. В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 214. Здесь и далее повесть цитируется в этом переводе, сокращение Р, с указанием страниц в тексте.

фронт, война приобретает для Марго и её семьи личный характер, позволяет впустить в своё сердце Россию. Если поначалу, в детстве, противопоставление идёт на уровне констатации факта «мы – немцы, они – русские», то по мере развития событий русское обрывает различными характеристиками в процессе попытки оценить своё восприятие русской действительности и выработать свое отношение к России. Отношение это в первой части повести снисходительное. В период ученичества Виталия, когда он становится частым гостем в семье Муси, его славянофильские с революционным оттенком взгляды сталкиваются с прозападными взглядами братьев Марго: «Да, проклятая отсталость! – зевая, заметил Борис. – Милая святая Русь всё ещё остаётся Азией, она умеет только молиться, а не думать. Этой мелочи можем научить её только мы – мы, то есть Европа» (Р, 219). Позиция Бориса несколько кичливая, покровительственная, тождественна позиции Циты из романа «Ма»; поэтому он одобряет деятельность народников-просветителей (образ Нади) как «нужное народу дело».

Виталий, наоборот, против принудительного просвещения. Он, также как И.В. Киреевский³⁵², считает, что культура Запада не привьётся к российской почве, так как является не универсальным явлением, а лишь «частной формой просвещения». Он, атеист, считает, что православие – способ миропонимания русского человека, в котором заключено много мудрости. Виталий согласен с Борисом в той части, что русскому человеку не хватает знаний, но, по его мнению, знания не должны подаваться народу в готовом виде, не должны «вдалбливаться» со стороны, а должны «вызревать» на собственной почве. «Сюда наука приходит вдруг, с уже давно готовыми результатами, а не вызревает здесь постепенно – нет, её бросают на нашу почву, как бомбу, готовую взорваться! Внезапное откровение, болезненное как рана!» (Р, 219). Виталий, увлекшийся народничеством, не только и не столько пытается дать необразованным пролетариям столицы какие бы то ни

³⁵² Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // И.В. Киреевский. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.

было знания, сколько интересуется самобытным, обусловленным православием, мышлением рабочих; понимая необходимость перемен, он в то же время глубоко переживает, что они могут разрушить те жизненные ценности, в которых Виталий видит силу русского человека. Если братья Марго смотрят на рабочего с высоты своей образованности и социального статуса, то для Виталия простой, неграмотный мужик скорее брат, у которого стоит учиться, например, душевной широте, любви, всепрощению и т.д.

Младший из братьев Волуевых помог Мусе заочно полюбить народ. Старший брат Димитрий знакомит Мусю с красотой русской природы и поэзии: «...он был переполнен красотой, которую когда-либо производила на свет русская земля, он воскрешал в нашей памяти великие творения русской поэзии, которые мы читали только в школе; другие, нам неизвестные, но ему давно знакомые, мы также впервые слышали от него. Он первый ввел меня в эту страну, до этого я лишь проживала в России, но не жила в ней, и если прошедшие месяцы наполнили меня смутным сочувствием к её неслышанным бедам, то совсем рядом с этим чувством теперь пробудилась необузданная тоска по её небывалой красоте» (Р, 226).

Только-только проникшиеся симпатией к стране, в которой родились и живут, дети не успевают полюбить Россию – семья переезжает во Фрайбург. Первое чувство – радость: «Долой все мелкие заботы, прочь от этого жуткого климата!», «В Германии ведь всё лучше, чем здесь!» (Р, 231). Но постепенно восторженность сменяется другими чувствами. Старший Михаэль, у которого близится окончание Горного института, и который решит остаться в России, заявляет: «Пусть это не наша родина – но наш родной город всё же здесь... А что касается страны, то где, скажите мне, я, горный инженер, найду применение своим знаниям? Здесь простор, здесь будущее...» (Р, 231). Да и Муся, решившая уехать с отцом и Борисом в Германию, покидает Россию с тоской на душе – «радость так трудно даётся» (Р, 234) – и смутным ощущением непознанной родины, с которым и вернётся сюда спустя годы.

Как Саломе, Муся обретает свою русскость, возвращаясь в Россию взрослой женщиной во второй части повести. По мере ее приближения к поместью Родинка сквозь болезненный жизненный опыт пробиваются детские воспоминания, она жадно впитывает всё русское еще по дороге: «Звонкой трелью залились колокольчики под дугой, минуту-другую мы ехали по ровному тракту, затем толчок, скрип – и тарантас, трясаясь и подпрыгивая на камнях и ухабах, полетел по бездорожью. <...> Ещё утром я вышла из поезда безупречно одетой путешественницей, но постепенно из меня вытрясло все привычное, я в буквальном смысле слова сбрасывала с себя один культурный слой за другим, и один Бог знает, что теперь от меня осталось!»

Впрочем, нет: я и сама это хорошо знала! Осталась одна только маленькая прежняя Муся – та, что целиком принадлежала этому мгновению, что давно – ах, как давно – ждала встречи с русской родиной.

И я смеялась, и я плакала» (Р, 260-261).

Психологически тонко автор показывает страх героини перед собственным упоением русскостью как страх рационального человека перед утратой себя. Муся не утрачивает основу западной культуры – способность к рациональному анализу и самоанализу; свой испуг перед обширностью русского пространства она анализирует так: «Ещё бесконечно долго тянулись незаселённые земли, отделявшие людей от людей и немногочисленные города от великого одиночества. Это тем более поражало, когда я вспоминала о наших местах, в которых так хорошо уживались величие природы и высокий уровень культуры, альпеншток в руках и рюкзак за спиной с умственной работой, повседневность с высотами духа, и вот я уже с тоской думала о нашей жизни» (Р, 263). Хоть и говорит Муся о своей «русской первооснове» (Р, 271), да только взгляд рассказчицы на русскую действительность, хоть и жадный до впечатлений, но отстранённый, наблюдающий. Будто из зрительного зала смотрит она на разворачивающиеся на сцене Родинки события, на поступки обитателей

поместья, не сразу понимает и верно может их оценить, додумывает недосказанное, конструирует свою русскую реальность. Конечно, она представитель другого мира, в чём она сама себе признаётся: «И мне вдруг показалось, что я стою здесь не одна, что я представляю другой мир, ничего общего не имеющий с этой комнатой и её тяжёлым, пропахшим ладаном воздухом» (Р, 267). Но от других западных путешественников Марго отличает страстное желание узнать Россию поближе, поглубже, беспокойство, как бы её впечатления от Родинки не стали лишь «картинками из путевой папки»: «Можно ли было хотя бы пожелать, можно ли было осмелиться заглянуть глубже? В нищету этого народа, в его беды, в его темноту, во все то, что мы не в силах были устранить, мимо чего проходили?» (Р, 271). Думается, что рефлексия повествовательницы становится залогом создания в «Родинке» более многогранной картины русского мира, чем в путевой прозе и в романе «Ма». В целом же образ Марго-Муси, чьи два имени так наглядно воплощают двойственность ее национальной идентичности, близок к образу повествовательницы из «Дневника путешествия...».

Образу Виталия Волуева нет предшественников в творчестве писательницы, поскольку в нем она впервые изображает русского дворянского революционера, приведенного в революцию искренней болью за народ, человека, который пытается совместить несовместимое – ценности православного мира и политический террор. Виталий в своей внутренней противоречивости раскрывается как уникальное порождение русского духа и специфических исторических обстоятельств. Высшим авторитетом в русской литературе для Саломе всегда был Л. Толстой, но Виталий типологически ближе к поискам идеала у Ф.М. Достоевского, иногда кажется, будто он создан под впечатлением от «Пушкинской речи» (1880)³⁵³, которая вызвала такой резонанс в русском обществе, что Саломе не могла ее не знать.

³⁵³ Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Полное собрание сочинений в 30 тт. // Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – С. 129-149.

Образ Виталия, проводника Муси в русский мир, эволюционирует в повести. Уже при первом знакомстве, когда дети обсуждают «игру в лошадки», Марго бросается в глаза своенравный, свободолюбивый характер мальчика: «Мы будем две настоящие степные лошадки – такие, которые опрокидывают санки» (Р, 200). Юный Виталий первых страниц повести в борьбе со своей матерью отстаивает личную независимость: «Нет, он должен повиноваться непреложным Божьим заповедям. Только так я сломаю его непоколебимое своеволие. Я уже ставила его на колени, прижимала лбом к полу, но он вырвался из рук домашнего учителя... Говорите, надо поменять духовного учителя? Нет, зачем же? Когда я нашла такого, который следует всем моим указаниям... я хотела сказать, указаниям Божьим» (Р, 204). Пытаясь насильно подчинить сына своей, замаскированной под указания свыше, воле, мадам Волуева тем самым отталкивает Виталия от православия, от религии вообще. Младший Волуев устремляется к знаниям. Но прежде чем ему удаётся, наконец, заняться саморазвитием, он сбегает из дома на фронт (русско-турецкая война 1877-78 гг.), где получает не только ранение в руку, но и право на самостоятельную жизнь: «Если он отстаивал на войне свою свободу, то он её отстаивал и теперь использовал её исключительно ради учёбы» (Р, 216). Но вскоре учёба отходит на второй план: расширился круг знакомых Виталия, в который попали студенты-народники (в повести «просветители»). Постепенно проникаясь идеями славянофильства, сочувствием к судьбе простого человека, Виталий вовлекается в борьбу за свободу теперь уже не личную, а народную. По мнению Виталия, любое принуждение, даже во имя высоких целей, приносит вред: «Если учить силой – молиться или думать, не имеет значения, – это в любом случае будет принуждением!» (Р, 219). Парадоксальным образом ненависть к принципу принуждения сочетается в нем с признанием права на насилие, с террористическим народничеством, когда он живёт под чужим именем, деля с единомышленниками голод и все трудности нелегальной жизни.

В конце первой части повести Виталий приходит к самоотречению. Он отказывается от своих научных интересов, от своей любви к Марго ради служения народу: «Я понял: кто стремится к тому, к чему стремлюсь я, тот не имеет права поступаться собой; он должен сберечь себя, чтобы потом, при необходимости пожертвовать собой. Я понял: жажда личного счастья, когда хватаешься за него, не спрашивая, какому делу оно способно помешать, ведёт к преступлению против этого самого счастья, не может не вести, ибо встаёт на пути служения чему-то другому, неизбежному и безусловному...» (Р, 407). Свою последующую жизнь он строит в соответствии с этим решением «перечеркнуть себя». Даже когда брат Димитрий оставляет свою жену с двумя сыновьями ради другой женщины и Виталию приходится вернуться в Родинку, чтобы взять на себя хозяйство, это не идёт вразрез с его жизненной концепцией. В Родинке он пытается «без принуждения избавить крестьян от заблуждений» (Р, 310), оказывает им медицинскую помощь, обучает деревенских правилам гигиены и другим полезным вещам, помогает Татьяне открыть школу кружевниц, строит чайные, настраивает окрестных дворян на деятельность на благо народа. При этом Виталий постоянно совершает поездки, порой многодневные, о целях которых окружающим остаётся только догадываться, но у Марго не возникает сомнений, что они связаны с политически оппозиционной, подпольной деятельностью.

Виталий второй части идеологически стоит ближе к почвенникам (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов), чем к славянофилам. Он, как и почвенники, желает соединения просвещения и народной культуры, не разделяет людей по социальному статусу, гендерной принадлежности или уровню образования. Достоевский в своей знаменитой речи говорит: «...не в нынешней нашей цивилизации, не в “европейском” так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашёл её, и только в нём. Таким образом, повторяю, обозначив болезнь, дал и великую надежду: “Уверуйте в

дух народный и от него ждите спасения и будете спасены”»³⁵⁴. Так и Виталий видит подлинную красоту России и будущее страны в самобытности русского крестьянства, а крестьяне у Саломе, в свою очередь, видят в каждом человеке брата. Идею братства всего русского мира также находим у Достоевского: «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»³⁵⁵, – и далее: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите»³⁵⁶. Привлекательность идеи «всецеловечности» для богоискательницы Саломе не подлежит сомнению, и русские в ее художественной прозе, какими бы отдельными недостатками ни страдали, являются воплощением этой идеи.

Таинственность, окружающую революционную деятельность Виталия, автор использует для увеличения читательского интереса к герою. К концу второй части повести из обронённых им слов становится ясно, что деяния его выходят за рамки допустимых законом, что он готов и может «творить адское». В этом повороте образа можно также усмотреть влияние образов нигилистов-террористов Достоевского, но лишь дуновение этого влияния: Саломе не может выйти за рамки своего восхищения русскими, в целом она видит русский характер как позитивный и гармоничный. Поэтому она не исследует его мрачные глубины, а переводит разговор в привычную религиозно-философскую плоскость. Атеист, бережно относящийся к православной вере крестьян, Виталий в то же время человек действия, а потому пассивность православного мировоззрения его угнетает: «...возможно ли активно действовать при абсолютном доверии к вершителю судеб? Можно ли делать что-то большее, чем просто молиться и утверждать

³⁵⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – С. 130.

³⁵⁵ Там же. С. 131.

³⁵⁶ Там же. С. 147.

свою веру?.. Мне кажется, нас побуждает только сомнение или боль» (Р, 389). В то же время возможность активного действия крестьян его пугает: «Стоит однажды поколебать устои веры – и всё обернётся адом! Не думай, что тогда можно будет помочь половинчатыми решениями – малыми делами, мягкими уговорами! Нет, камня на камне не останется, все могилы будут осквернены...» (Р, 389). Он предвидит и боится, что православная пассивность при эрозии веры превратится не просто в деяние, но злодеяние.

В заключительной части повести важен образ брата Виталия Димитрия, поэта, обладающего способностью видеть красоту окружающей действительности и открывать её другим людям в словах. Но его любовь к родине, сверкающая бриллиантами красивых поэтических слов, не воплощается в поступки. В отличие от Виталия, Димитрий представляет не жертвенное народничество, не политическую борьбу, а скорее ту восходящую к славянофильству позу, о которой Бердяев писал: «По быту своему славянофилы оставались типичными русскими барами. Но, видя правду в простом народе, в крестьянстве, они пытались подражать народному быту. Это наивно выражалось в якобы народной русской одежде, которую они пробовали носить»³⁵⁷. Так и Димитрий строит в соседней деревне, в Красавице, «настоящий сельский домик, нечто вроде идеального крестьянского жилища» (Р, 318), и облачается в «настоящий русский костюм»: «Едва сбросив шубу и оставшись в шароварах из чёрного бархата и высоких сапогах, прекрасный, как юный бог, он сразу произвёл фурор. Все закричали, перебивая друг друга: “Он похож на крестьянина!” – “Нет, на князя!” – “Нет, он словно явился из театра!”» (Р, 225). Это театральное народничество персонажа является частью характеристики Димитрия как человека нравственно более слабого, чем Виталий. Стилизуя свою связь с другой женщиной под высокодуховный любовный порыв, он уходит от жены и детей.

³⁵⁷ Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. – С. 138.

К концу повести Виталий также покидает родовое имение, оставляя мать и беременную жену. На первый взгляд его поступок похож на поступок брата. Но уход Виталия имеет под собой иные причины. Первая, более очевидная, состоит в том, что этим поступком он пытается обезопасить семью от последствий его антигосударственной деятельности: «Моё присутствие здесь представляет большую опасность для всего дома... Даже если бы сейчас и не были обнаружены тайные типографии... Петля всё равно затягивается...» (Р, 407). Другая вытекает из его начавшейся в детстве и не утратившей с годами пыл борьбы с матерью. В детстве эта борьба имела смыслом обретение личной свободы, свободы от религиозного догматизма, мистицизма и суеверий матери. Постепенно она трансформируется в борьбу за свободу народа, свободу от угнетателя царя. Покушение на царя как помазанника Божия есть покушение на идею Бога, а значит, на сам миропорядок его матери и родины. Мадам Волюева теперь превратилась в бабушку, олицетворяющую старую православную Россию, которую хочет изменить Виталий. По сравнению с «Ма», мотив материнства наполняется новым смыслом. Задача Виталия – вырвать народ «из пут суеверия» и вознести к ясности: «это становилось ненавистью, холодной, воинственной, ненавистью детских дней, переносимой с личности матери на угнетателей народа, будто именно она, мать, их и породила» (Р, 413). Сын для матери представляет врага, который низвергнет её мир. Виталий в финале покидает мать и идиллическую Родинку ради возможности действовать на благо символической матери – России. Этот горизонт будущего в персонаже, который готов взорвать бомбу или продать душу дьяволу, если бы это помогло изменить жизнь крестьянской России к лучшему, делает его самым открытым насущным потребностям жизни образом повести (недаром у него говорящее имя, от *vita*, лат. – жизнь).

Каждый из обитателей поместья Родинка воплощает в своём характере какую-либо грань русскости. Начнем с сюжетно более значимых образов

женщин-хозяек поместья, которые составляют галерею женских русских типов.

Наибольшую смысловую нагрузку вслед за образами сыновей несёт образ их глубоко религиозной матери Ирины Николаевны Волуевой. Когда мальчиком Виталий заявляет «Моя мама стоит троих» (Р, 199), он прав: мадам Волуева обладает характером такой силы, что принимает на себя обязанности не только матери, но и отца, и Бога. Даже её внешность содержит отпечаток этой тройственности: «Возраст наложил на лицо бабушки отпечаток такой значительности, что временами оно казалось лицом мужчины. А потом вдруг за строгими линиями вновь проступало свойственное ему женское очарование: сдержанное лукавство в уголках рта, и сам рот – молодой, любящий... Никогда прежде не видела я лица с такой поразительной способностью переходить от величавости к чарующей прелести, от властности к игривости – лица обольстительницы и Цезаря» (Р, 314). Когда Виталий и Муся разглядывают фреску Оранты в киевском Софийском соборе, им чудятся в ней черты мадам Волуевой. Богоматерь – мать всея Руси, мать-покровительница русского народа, заступница за него перед Богом и мать Виталия сливаются в один образ.

Эта женщина, обладающая огромной духовной силой, очень любящая, но с властным характером и верой, доходящей до суеверия, притягивает и отталкивает одновременно. Внешний вид мадам Волуевой обманывает окружающих, производя впечатление «святости»³⁵⁸ и аскетизма (рясоподобные одеяния, из украшений только старинный серебряный крест на груди). Она часто молится, но её нельзя назвать покорной божьей воле; в ней много ханжества и упрямой властности, её самоуверенность скорее от дьявола, чем от Бога. Религиозная и суеверная, уже слабая телом, смирившаяся с непокорностью сыновей, с отрицанием ими её ценностей, бабушка олицетворяет старую православную Россию, уходящую в прошлое.

³⁵⁸ «лицо, обрамлённое волнистыми пепельными волосами, которые напоминали большое облако или ореол святости» (Р, 203).

Жена Дмитрия Татьяна предстаёт в повести олицетворением русской женственности. Это своеобразная асексуальная женственность, вполне аморфная, сосредоточенная на духовной любви. Раздобревшая после рождения детей «полнота Татьяны без пояса свободно расплывается и теряет четкие очертания» (Р, 291), лицо её ничего не выражает, и только глаза отражают душу, – в них Марго видит сияние любви к детям. Недаром Саломе выбирает для этого персонажа имя, сразу отсылающее к пушкинской Татьяне; она так же растворяется в муже, детях и хозяйстве, как толстовская Наташа после замужества. Как пишет О.В. Рябов, «разделять все интересы любимого мужчины, сохраняя свою женственность и не оставляя дом»³⁵⁹ типично для русской женщины историософских текстов рубежа веков. Татьяна разделяет любовь мужа к поэзии, знает наизусть все его стихи и, вопреки предательству, учит им детей. Главное женское качество Татьяны – смирение: «...Татьяна, ничему не удивляясь, принимает всё как есть и ни на что не жалуется, а её драматические брови выражают упрёк, о котором её нежная душа ничего не знает – та самая душа, которая не впускает в себя отчаяние, ибо всегда со всем смиряется» (Р, 298). Однако на волевом уровне, в плане построения своей жизни, она демонстрирует новую модель поведения, которую Муся описывает, но для которой не находит столь же поэтичных слов, как для воспевания женственности героини. Дело в том, что после ухода Дмитрия Татьяна стала сильнее, окрепла духом: она принимает на себя заботы о поместье Красавица, устраивает там школу, вводит ремесла (учит женщин плести кружева), оказывает повседневную помощь народу. Она ищет баланс между традиционно предписываемым женщине материнством и активной самостоятельностью, выходит из-под власти патриархатных стереотипов, но, повторим, эта сторона образа называется в повествовании, но не раскрывается подробно. Акцент автор делает на гендерно и национально стереотипных чертах.

³⁵⁹ Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. С. 22.

Напротив, в функции «Другого» в повести выступает жена Виталия Ксения. Виталий называет её «татаркой», то есть на уровне национальной идентичности Ксения – своя «Чужая». Она «выросла среди язычников, среди киргизов и башкир, чеченцев и чувашей, татар и прочей нечисти» (Р, 275). Влияние Ирины Николаевны и Виталия Волуевых на Ксению можно рассматривать как влияние цивилизующего Запада на варварский Восток.

Оппозиция Запад / Восток характерна для творчества Саломе в целом. Здесь, в повести «Родинка», она выражается, прежде всего, в противопоставлении Германии и России, где Россия предстаёт как азиатская страна, находящаяся в начале своего пути развития, страна детства и страна будущего. Ассоциативно эти качества проецируются на Ксению, она – как бы воплощение азиатского начала России. В тексте постоянно подчёркиваются естественность, простота, свободолюбие Ксении: «Ксения и впрямь такая – по-настоящему свободное существо... Мы же, объезженные коняги, вряд ли что знаем о её внутреннем протесте, о её чувствительности» (Р, 312). Она витальна, природна, как стихийная сила, «из которой Ксения вышла, в которую уходит и которой щедро одарит будущие поколения» (Р, 278), дика, как степная лошадь. К природе она ближе, чем к людям: «...она не буйствует в толпе малышей, подобно Евдоксии, так как до поры до времени не любит детей. Куда охотнее она возится с молодыми животными, решительно предпочитая их детям. К частому присутствию в доме обоих мальчиков она относится спокойно, но внушает им скорее непослушание, чем послушание, и запросто отделяется от них, когда они ей надоедают» (Р, 371).

Ксения – воплощенная воля к жизни, это чисто интуитивная натура, она мудра, как сама жизнь, цельна и чиста, как ребенок, и постоянно сравнивается с ребёнком: «Проходя мимо конюшни, я заметила лошадь светлой масти, которую ласкала совсем юная женщина в льняной, пёстро вышитой русской кофточке. Я видела только её спину и две короткие белокурые косы, едва достававшие до плеч и казавшиеся детскими, несмотря на отменный рост женщины» (Р, 276); «Она, как ребёнок, подбежала к

свекрови, смеясь, наклонилась, чтобы поцеловать руку, дала себя перекрестить» (Р, 278); «Совсем ребёнок. Такая дикая и такая пугливая» (Р, 279). Сама – дитя природы, она ждёт ребёнка, но не готова к материнству, испытывает страх перед ним. Ребёнок означает для Ксении потерю свободы, потерю себя. Предстоящие перемены – грядущее материнство – вызывают кризис гендерной идентичности, отсюда страхи и тревоги героини. Но созвучность природе вскоре прогоняет страх: «И Ксения вдруг улыбнулась. Что-то в её душе, о чём она ещё не догадывалась, широко распахнуло свои хрустальные двери и встретило эту боль, как встречают короля. И все в ней расцвело и окрасилось в пурпурные цвета» (Р, 302). Виталий уходит из Родинки в тот момент, когда он уверился, что Ксения готова быть матерью, что она справится с предстоящими трудностями.

Детская непосредственность свойственна и другой героине – сестре Виталия Евдоксии. Она проста в общении, светским выездам и модным туалетам предпочитает возню с крестьянскими детьми и свободную домашнюю одежду: «Костюм от Тейлора, который Евдоксия по настоянию Святослава надевала во время путешествия и который её “ужасно угнетал”, она сбросила сразу же по прибытии, как, очевидно, и то, что было под ним; теперь на ней чаще всего свободное платье из некрашеного бельевого шелка, удачно гармонирующее с её загорелой кожей; затянутая в традиционный корсаж, как того требует мода, Евдоксия становится менее привлекательной» (Р, 359). Складывается ощущение, что тот, кто попадает в Родинку, сбрасывает с себя напускное, лишнее, как светский костюм, и остаётся лишь неприкрытая человеческая сущность, настоящее.

Главная черта Евдоксии – дар сопереживания. Проблемы близких – матери, братьев – её волнуют больше своих собственных, из-за чего даже возникают разногласия с мужем и сомнения Святослава, считающего эту черту жены отрицательным качеством: «Сколько бы ни выросла Евдоксия, душевная отзывчивость всегда будет заглушать в ней другие чувства, как плевелы заглушают пшеницу» (Р, 380). Евдоксия приветлива, отзывчива,

добра со всеми, очень любит детей. Таким образом, и этой героине присущи стереотипные свойства русской женщины.

Вторая группа персонажей, менее дифференцированная уже в силу своей сюжетной функции фона, представляет коллективный портрет русского крестьянства. Русский человек для Муси, как и для автора повести, – это, прежде всего, крестьянин. Портрет русского крестьянина, нарисованный Саломе, очень красив; его следует считать проявлением оценочного компонента национальной идентичности.

Русский мужик обладает высоким ростом, ладным телосложением, отменным здоровьем – «великолепными зубами» (Р, 260) как кучер, привезший Марго в Родинку или богатырской силой, как крестьянин Глеб. Статны и русские женщины, которым можно «передоверить» полевые работы, которые способны родить много детей, сохранив здоровье, физическую силу и внешнюю привлекательность, как крестьянка Макарова («Шестеро, как ты изволила заметить, матушка, но, даст Бог, Фома подарит мне ещё больше, я баба здоровая... Сколько сынов – столько душ; сколько душ – столько и землицы. А у вас разве по-другому? К тому же Бог послал мне и трёх дочерей, а их не считают за души; тоже благодать, я думаю, хотя и не такая очевидная...», Р, 387). Но не только внешнюю, физическую красоту видит Марго, но и жизнерадостность («умели радоваться песне, танцам и – водке», Р, 295), любовь к детям («Когда он едет по деревне, дети бегут за ним, он сажает их на телегу и нежно смеётся, этот богатырь...», Р, 295), способности к наукам (Виталий о крестьянине Егоре: «Необыкновенно талантлив в математике и технике! Если бы ему повезло... или живи он в другом месте, он бы многого добился!», Р, 298), усердие и упорство в труде и учении («Ты ещё не так силён, как Матвей, но и ему пришлось признать, что одиннадцать часов работы на фабрике, вместе с обучением, вытягивают последние соки», Р, 297). Но больше всего удивлена Марго жизненной мудростью русского народа: «Когда они слезали с печки и излагали передо мной и Виталием свои мысли – их можно было бы назвать “философией”,

“религией”, “этикой”, – там присутствовало всё. Итог прожитой жизни, в котором было и торжество, и прощание, и самоограничение, и попытка осмыслить то, что не поддаётся человеческому осмыслению» (Р, 385). Как и в «Дневнике путешествия...», видит она в крестьянине Родинки мудреца и волшебника одновременно: «С тяжёлым сердцем шла я за стариками. Скоро я обогнала их, но повернула обратно, чтобы ещё раз взглянуть на них, точнее, на того, что говорил, низкорослого, с глазами, глубоко спрятанными под серыми кустистыми бровями: вот таким, наверное, представляешь себе в детстве волшебника, доброго волшебника...» (Р, 386). Точно так же в «Дневнике путешествия...» автор в каждом крестьянине видела черты Л.Н. Толстого: седобородый старец, в котором прячется мудрец и волшебник. Отметим декларативность в описании мудрости крестьянства – автор не приводит примеров их философствования, предлагая читателю довериться оценкам повествовательницы.

Главная черта русского человека в повести – простота. Простотой отличается устройство жилища и быта, в котором наличествует только самое необходимое: «Рубленый дом в центре селения ничем не отличался от соседей. Сквозь прорехи в соломенной крыше солнце прямиком попадало в хлев, куда только что пришла корова и ждала, чтобы её подоили. От хлева, находящегося в центре хижины, открытые двери справа и слева вели в два других помещения, их связывали брошенные прямо на навоз доски» (Р, 303). Человек живёт в тесном соседстве с животными, которые кормят его. Молоко да хлеб – основная еда. Просты люди и в общении, эту простоту называют открытостью, добротой, сердечностью, братским отношением. Прост ландшафт, породивший русских людей, очарование его в широте и неохватности: «Я подняла глаза: передо мной расстилался ландшафт, производивший на меня, несмотря на всю свою простоту, невероятно сильное впечатление. Сияние северного вечера придавало простым размашистым линиям благородство, в котором не было ничего мрачного или гнетущего. Небо приняло в свои объятия всю эту ширь и улыбалось ей, а она

доверчиво глядела в бескрайнее небо, расстилаясь под ним во всей своей беспредельной открытости и прямодушной откровенности...» (Р, 263).

Как и в предыдущих проанализированных нами текстах, в «Родинке» мы видим близость русских к природе. Это качество в большинстве своих проявлений восхищает Марго: выращивание садовых растений, цветов, прогулки на свежем воздухе, трепетное отношение к берёзам, сенокос, праздник сбора ягод, лежание в гамаке с книгой в руках, и, особенно, большое количество домашних животных как у крестьян, так и в усадьбе, ласковое обращение с животными, забота и внимание, на которые питомцы отвечают преданностью и послушанием. Так, кнут в руках кучера – «чисто декоративная, ни разу не пускавшаяся в дело штуковина» (Р, 261). К своим лошаdkам он обращается «мои милые...мои золотые...» (Р, 262), выговаривает пассажирке за неожиданно раскрытый зонтик, который напугал лошадей. Ксения и её лошадь «утешают друг друга, потому что Виталий запретил им выезжать» (Р, 272) из-за беременности Ксении, а для неё «высшее удовольствие» – скакать верхом, на лошади она «истинный дьявол» (Р, 272). Полкан, прирученный Виталием волк, скучает в отсутствие хозяина и оглашает окрестности радостным воем при его возвращении, везде его сопровождает; корова сама приходит с луга в хлев к крестьянке Добреевой, когда хочет, чтобы её подоили, и благодарно мычит, когда из-под «усердно работающих пальцев в деревянную бадейку с шумом, толчками лилось парное молоко» (Р, 205) и т.д. Но иногда умиление повествовательницы сменяется нотками брезгливости, как в процитированном описании избы с брошенными на навоз досками; в этом случае она воспринимает близость к природе как первобытность, животную подоснову, отсталость, дикость и называет русских «животными, на долю которых пришлось сверхчеловеческие страдания» (Р, 271).

Таким образом, от панорамы России в «Дневнике путешествия...» Саломе переходит в романе «Ма» и в повести «Родинка» к сюжетно организованному повествованию, в котором беллетристическое начало

приходится признать рамкой или канвой для выражения ее страстного интереса к России. Во второй главе мы показали, что этот интерес был для Саломе необходимым этапом самопознания; осознание своей инаковости, своих русских корней работало на повышение ее статуса на культурной арене Германии. В рассматриваемом комплексе текстов мы показали, как способы повествования влияют на конструирование оппозиции «Свой» / «Чужой», содержание которой демонстрирует пограничную позицию автора между Западом, показанным в традиционном ключе как оплот рационализма, и Россией как конгломератом черт Европы и Азии. Хотя роман и повесть основаны на реальных впечатлениях автора, изложенных в «Дневнике путешествия...», в них обнаруживается скорее не реальная Россия времени путешествия Саломе и Рильке, а некий идеализированный конструкт, в основе которого лежат черты и свойства, которых автору так не хватает в местах ее постоянного жительства на Западе. Саломе творит свой индивидуальный миф о России как о стране открытости, доброты, христианской любви, о крае всеобщего братства, где намного больше предпосылок для воплощения идеала счастливого будущего человечества, чем где бы то ни было. В свете этой авторской установки меркнет реальная Россия, а Россия рассматриваемых текстов как бы осияна радугой будущего.

Посмотрим теперь, как в свете этой идеологической установки в наших произведениях реализуются дифференцирующие признаки национальной идентичности: религия, язык, территория / пространство, ценностная система и поведенческие нормы, совокупность культурно-исторических факторов (история и память этноса, народное и профессиональное искусство).

Русская национальная идентичность в изображении Андреас-Саломе

Православие

Богоборчество / богоискательство было темой уже первого романа Лу Андреас-Саломе. В «Дневнике путешествия...» писательница подводит своего рода промежуточный итог своим далеким от ортодоксального христианства размышлениям о Боге и вере. Религия для Андреас-Саломе – это, прежде всего, жизненная гармония, и «где отсутствует религия, там у каждой вещи отсутствует гармония и вечность» (RmR, 137)³⁶⁰. Религия для неё – «некий способ жизненного отношения к самому себе, соотношения высоты и глубины, особое взаимодействие которых должно рассматриваться как результат всей сокровенной индивидуализации человека. Религия – это способ отношения цветов и веток к стволу и корням. Конечно, мы должны заниматься нашими ветками и цветами и возвращать ствол, иначе мы безмолвно и сокрыто останемся в тёмной почве; но то, что пробьётся наружу, это только маленькая, подвластная большой глубине, часть нас» (RmR, 136)³⁶¹. В этом рассуждении о религии обратим внимание на отсутствие идеи Бога; ученица Спинозы, Лейбница и Ницше не включает в свое понятие религии никакого трансцендентного Абсолюта, как бы субъективизирует религию, видя ее суть в особом умонастроении, в «отношении к себе», в некоем продукте индивидуализации личности. В том же духе и Бог не существует у нее как несоизмеримая с человеком сущность. Напротив, Бог обретает реальность лишь в процессе взаимодействия с человеком, и как же далеки от христианства ее мысли о том, что «Бог появился впервые при столкновении собственного, хорошо знакомого, постоянного с неизвестным, опасным, пугающим, в гениальном слиянии обоих в единую силу» (RmR,

³⁶⁰ «Wo Religion fehlt, da fehlt um jedes Ding seine Harmonie und Ewigkeit».

³⁶¹ «eine Art des Lebensverhaltens zu sich selbst, – das Verhalten von Höhe und Tiefe zueinander, deren besondere Wechselwirkung, als deren Resultat alle intime Persönlichkeit eines Menschen betrachtet werden muß. Religion ist die Art, wie unsere Blüthen und Zweige sich zu Stamm und Wurzeln verhalten. Gewiß sollen wir Zweige und Blüthen treiben und unsern Stamm herausheben, sonst bleiben wir stumm im dunkeln Erdboden und latent; aber was sich in's Licht reckt, ist nur ein kleines, von der großen Tiefe abhängiges Stück von uns».

129)³⁶². Кризис христианской веры на рубеже веков, так разнообразно пережитый множеством европейских интеллигентов и деятелей искусства, в случае Саломе демонстрирует характерный для периода сплав идей религиозных и рационалистических, со всей приподнятой риторикой, скрывающей противоречивость понимания религии. С одной стороны, она искренне и много размышляет о Боге, но путь к нему видит не в принятии веры, а в познании, которое понимается предельно широко – как познание мира в целом и в особенности познание человеком самого себя. Всякий раз, когда речь заходит о религии, письмо Саломе утрачивает ясность, она начинает использовать клише и высокие слова: «Только тогда, когда мы действительно вышли за пределы, чтобы познать, а не завернуться в самих себя, только тогда мы то и дело будем находить вместо осла королевство, а именно, в вещах, которые нам широко откроются и станут неожиданной родиной, совершенно новым наслаждением» (RmR, 127)³⁶³.

Вот почему для представительницы западной культуры, где христианство перестало быть живой, одухотворяющей цивилизационной силой, так привлекательно русское православие, которому «Дневник путешествия...» уделяет весьма значительное место.

В соответствии с тем, что душа русского народа для Саломе лежит не в образованных слоях, а в крестьянстве, ее интересует, прежде всего, характер, особенности и проявления веры у крестьянина. Она соглашается со словами традиционалиста С.А. Левицкого, что вера русского крестьянина не церковно-догматическая, а ритуального характера, так как ритуал в отличие от догматов обладает большей наглядностью, и выполняет для простого человека функцию посредника с Богом (RmR, 36-37). Ритуальный характер крестьянской веры реализуется в таких внешних проявлениях веры, как паломничество, молитва, храм, икона.

³⁶² «der Gott ihr erst entstand durch den Zusammenstoß des Eignen, Vertrauten, Stammesangehörigen mit dem Unbekannten, Drohenden, Schreckenden, in einem genialen Zusammenschluß beider zu Einer Macht».

³⁶³ «Erst dann, wenn wir wirklich ausgegangen sind, um zu erkennen, nicht aber uns möglichst rund in uns selber zusammenrollen, erst dann finden wir stets statt eines Esels ein Königreich, nämlich in den Dingen die sich uns weit öffnen und uns ungeahnte Heimath werden, eine ganz neue Wonne».

Парадоксально, но если крестьяне в своих родных деревнях и избах изображены богатырями и почти святыми, то тот же народ в момент материального приобщения к святости, в момент **паломничества**, изображается совсем иначе. Паломничество в «России с Райнером» окрашено негативными красками: жалость и отвращение вызывает у неё оборванная, запылённая, пахнувшая потом толпа в пещерах Лавры, потратившая последние силы и деньги на поклонение истлевшим костям. Печален вид паломников: «...прежде, ночью, мы увидели в Триполье длинную вереницу паломников или рабочих, высаживающихся и идущих по широким сырým лугам к своему печальному фабричному городку, который располагался под низким откосом на линии горизонта; они выглядели как заблудившиеся, как потерявшие в бездорожье; многие, несомненно, вернулись к домашним заботам и мукам из паломничества» (RmR, 69-70)³⁶⁴. Паломники показаны заблудившимися, потерявшими дорогу; в их толпе неразличимы отдельные лица, они здесь просто «многие». Думается, не стоит искать символических смыслов в этом фрагменте, но зарисовка путешественницы с натуры явно вступает в противоречие с ее заданной концепцией русского народа.

Картина паломничества представлена наиболее панорамно в повести «Родинка». В Киев с его древнерусскими святынями «на Пасху прибывает около миллиона паломников» (Р, 247). Толпа, запрудившая улицы, ведущие к пещерам Лавры и Софийскому собору, окутана серым облаком пыли, поднятым множеством ног, и состоит она из крестьян – грязных, оборванных, больных. Многие из них проделали многодневный путь, чтобы излечить свои недуги водой целебных источников или приложиться к мощам святых. Их вера в помощь церкви и целебную силу православных святынь безгранична, толпа ждёт чуда. Описание паломников здесь представляется амбивалентным. С одной стороны, внешняя картинка получается достаточно

³⁶⁴ «...vorher, gegen Nacht, sahen wir bei Триполе einen langen Zug Pilger oder Arbeiter aussteigen und die weiten feuchten Wiesen ihrem traurigen Fabriksort zuschreiten, der am Horizont unter einem niedrigen Abhang lag; wie verirrt sahen sie aus, wie im Wegelosen; Viele kehrten gewiß von einer Pilgerschaft zur täglichen Sorge und Plage heim».

неприглядной: нищие калеки, усталые люди, присевшие отдохнуть прямо на землю в тени стен, латающие изношенную одежду или расчёсывающие спутанные волосы, смывающие грязь тем, что есть под рукой, например, остатками чая. С другой стороны, высокая духовность христианства, благоговение перед подвигом святых старцев, безграничное доверие к Создателю, ощущение связи с ним, чувство дома и счастья в нём находиться. И этот второй духовный смысл перевешивает реалистический план изображения: «Двое паломников, мужчина и девушка, в пёстрой одежде, какую носят в восточных областях России, стояли, опершись на посохи <...> Несколько недель – даже дольше! – брели они сюда, голодая, прося милостыню, они страшно устали, они совершенно одиноки в этом чужом для них море зданий, и все же они – дома! Они пришли домой, к народным святыням...» (Р, 239-240). Паломничество как одно из зримых проявлений православной религиозности привлекает представительницу протестантской культуры, где паломничество не поддерживается официальными церковными деноминациями. Как бы преодолевая ту безгливость, которую в ней вызывает прямое соприкосновение с язвами народной жизни, она подчиняет свои непосредственные впечатления концепции высшей мудрости русского народа, уважения ко всем его обычаям, как бы они ни выглядели на взгляд просвещенного европейца.

И в романе «Ма» православие пронизывает всю русскую жизнь, автор подчеркивает **проявления православия в городском быте** персонажей романа. Религия вошла в жилище, в каждом доме и квартире есть уголок с иконами: «За отодвинутой портьерой виднелось под пологом с цветочным узором супружеское ложе и угол с иконами. Несколько из них имели тяжёлый серебряный оклад; под ними висели вышитые полотенца, а на настенной полке лежали просвиры» (М, 51)³⁶⁵. Православие пронизывает работу и отдых. В ежедневных заботах всегда находится место молитве:

³⁶⁵ «Die zurückgeschobene Portiere ließ das Ehebett unter einem Baldachin von geblütem Stoff sehen sowie die Ecke mit den Heiligenbildern. Ein paar davon besaßen schwere Silberverkleidung; unter ihnen hingen gestickte Handtücher und lagen auf einem Wandbord geweihte Brötchen».

«Затем она [*Станька, работница у Марианны – Ю.Р.*] села на маленькую лавочку у очага и жаловалась, и молилась в слезах Божьей матери, которую громко призывала в свидетели того, что ей, наверно, не дано хорошо приготовить обед. Маленький образок, бурый и неузнаваемый позади своего блестящего оловянного оклада, висел, как надлежало, в углу кухни, всегда наблюдал и потому должен был знать это наверняка» (М, 16)³⁶⁶. А в выходной день русский человек как на праздник идёт в церковь: «Горничная Станька, которая снаряжалась для похода в церковь, была единственной, кто празднично и беззаботно расхаживал между ними. Она обернула вокруг шеи новый, с ярко-красными узорами ситцевый платок и придала своим пепельным волосам с помощью кваса блеск; воскресение принадлежало ей почти всегда и она радовалась ему всю неделю. Всё хорошее очевидно всегда выпадало на воскресение: в церквях, в домах, в кабачках с танцами и чайных праздновали только его! Колокола, наполнявшие воздух сильными звуками и проникающие в комнаты, говорили благочестивому простоудию Станьки одинаково как о небесных, так и о земных радостях, как о коленопреклонениях под звуки церковной музыки и пения, так и о танцах под балалайку» (М, 97-98)³⁶⁷.

Значение **МОЛИТВЫ** как одного из способов душевной релаксации / концентрации писательнице вполне понятно: «Без сомнения, привычка душевной концентрации с помощью молитвы даёт людям, между прочим, очень много сил. Любой значительный результат основывается на концентрации, но, в то время как при умственной и художественной

³⁶⁶ «Sie [*Stanjka-Ю.Р.*] setzte sich dann auf die kleine Bank am Herd und klagte und betete unter Tränen zur Mutter Gottes, die sie laut als Zeugin dafür anrief, daß es ihr sicher nicht gegeben sei, ein Mittagessen wohlbekömmlich herzustellen. Das kleine Heiligenbild, braun und unkenntlich hinter seiner blanken Zinnbekleidung, hing vorschriftsmäßig in der Küchenecke, sah immer zu und mußte es folglich genau wissen».

³⁶⁷ «Das Dienstmädchen Stanjka, das sich zum Kirchgang rüstete, war die einzige, die sonntäglich und unbeschwert zwischen ihnen herumging. Sie trug ein neues, grellrot gemustertes Kattuntuch um den Hals und hatte ihr aschblondes Haar mit Kwas glänzend gemacht; der Sonntag gehörte ihr fast immer, und sie freute sich auf ihn während der ganzen Woche.

Alles Gute war augenscheinlich immer auf einen Sonntag gefallen: in den Kirchen, in den Häusern, in den Vergnügungslokalen und Teebuden feierte man nur ihn! Die Glocken, die mit mächtigen Klängen die Luft erfüllten und in die Stuben hineintönten, redeten Stanjkas frommer Naivität ganz unterschiedslos von himmlischen wie von irdischen Herrlichkeiten, Kniebeugungen bei Orgelklang und Kirchengesang, von wie vom Tanz zur Balalaika».

концентрации каждый факт, который воздействует на разум или фантазию, может подтолкнуть нас к духовному или творческому созиданию, душа человека имеет свои особенности, которые заставляют её тянуться к Богу, то есть к чему-то всеобъемлющему, чрезмерному...» (RmR, 124)³⁶⁸.

Специфически русским и удивительным для воспитанной в протестантстве Саломе является заложенная в словах православных молитв вера в их действенность. В православии молитва состоит из освященных церковью словесных формул, тогда как в протестантизме словесная форма молитвы не задана, верующим предоставлена свобода в обращении к Богу. Закрепленность молитвенной формы в православии не мешает автору поставить русскую молитву в один ряд со снами и предсказаниями, поскольку все они являются «способом логической мистики, который всё это постепенно психологически трансформирует, средством, с помощью которого Бог будет подчинён и собственное существование будет, наконец, введено в контекст так, что из этого выйдет новая неизбежность, механизм развития событий» (RmR, 121)³⁶⁹. Авторская концепция православной молитвы как средства трансформации реальной жизни лишь отчасти подтверждается учением православия, которое видит в молитве, прежде всего, диалог с живым Богом, «Бог не может быть лишь “вспомогательным средством” в наших земных делах»³⁷⁰.

Важное значение и много места в тексте дневника и в жизни русского народа занимает **церковь**. Вообще, это путешествие, если бы писательница была верующей, очень напоминало бы паломничество, так как, через какие бы города и веси ни пролегал его маршрут, везде она первым делом посещает православные храмы, штудирует и то и дело пересказывает страницы,

³⁶⁸ «Sehr viel Gewalt züchteten sich übrigens die Menschen ohne Zweifel durch die Gewohnheit der seelischen Concentration durch das Gebet an. Alle große Wirkung beruht auf Concentration, aber während bei der intellektuellen und auch bei der künstlerischen ein jeder Stoff, der auf Verstand oder Phantasie wirkt, uns geistig und künstlerisch schöpferisch machen kann, hat die Seele des Menschen ihre besondern verlangenden Feinheiten, die sie nach Gott langen lassen, nämlich nach etwas ganz Umfassenden, Uebergroßen...».

³⁶⁹ «Es ist eine Art logischer Mystik die dieses alles allmählich psychologisch umspannt, die Mittel durch die der Gott bezwungen wird und sein eigenes Wesen stehen zuletzt so im Zusammenhang, daß eine neue Nothwendigkeit, eine Mechanik des Geschehens sich daraus ergibt».

³⁷⁰ Митрополит Иларион (Алфеев). О молитве [электронный ресурс] <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/>

посвящённые русскому церковному зодчеству, из книги «Русское искусство» российского археолога и историка И.Е. Забелина. У него она заимствует много информации о религиозных обычаях народа: «Строительство церкви было в России делом всего народа, каждый при этом мог высказать своё мнение», – говорит писательница, – «и церкви, как, например, Святой Софии в Новгороде или Святой Троицы в Пскове, оттого являются не только подлинным выражением религиозного чувства всеобщности, но и чрезвычайно значимы общественно» (RmR, 95-96)³⁷¹. То есть церковь Саломе рассматривает в двух ипостасях – как храм, материальное выражение живого религиозного чувства народа, и как общественный институт. И отношение к церкви у писательницы двоякое, зависящее от того, проявление какой её ипостаси она описывает.

Отношение к **храмам** у Саломе самое положительное. Она и ее героини охотно их посещают, восхищаются архитектурой, золотом куполов, росписью стен и богатством убранства. Среди множества увиденных и описанных ею храмов³⁷² в «Дневнике...» особое внимание писательницы привлекает Софийский собор в Киеве. И, хотя, в общем, город и киевляне производят на неё негативное впечатление, в храмах для нее оживает великорусское историческое прошлое, романтически окрашенное. В Софийском соборе Саломе подробно описывает огромный иконостас, старые мозаики храма, особенно мозаику Знаменской Богоматери: «Эти мозаики очень красивы: и гигантская Знаменская на заднем фоне с очаровательным изящным окаймлением будто вышивкой – очень сходным с окаймлением

³⁷¹ «Der Bau der Kirche war in Rußland Sache des ganzen Volkes, Jeder konnte seine Meinung dabei abgeben, und Kirchen wie etwa in Новгород die Святая Софія oder in Псковъ die Святая Троица sind daher nicht nur der wahrhafte Ausdruck des religiösen Gefühls der Gesamtheit, sondern auch social überaus bedeutsam».

³⁷² Дневник начинается с упоминания Иверской часовни на Красной Площади, путешественники посещают храм Василия Блаженного, церкви Московского Кремля, среди которых наибольшее впечатление произвели Успенский собор, Чудов монастырь, Благовещенский собор, церковь Спаса; Троице-Сергиеву Лавру, где ей понравился только Троицкий собор; церкви тульского Кремля; храмы Киева: в Киево-Печерской лавре пещеры и Успенский собор, церковь Спаса на Берестове, Софийский и Владимирский соборы, Свято-Троицкий Киево-Кирилловский монастырь, Десятинную церковь, Андреевский собор, Выдубицкий монастырь; церковь и монастырь в Козлове (ныне Мичуринск); церкви Нижнего Новгорода, из которых впечатлил собор Архангела Михаила в Нижегородском кремле; храмы Ярославля: Церковь Николая Мокрого и Успенский собор, церквушку в Креста-Богородском; Знаменский и Софийский соборы, Юрьев монастырь в Великом Новгороде.

Троицы в московской Троицкой Лавре, – с изображением Тайной Вечери под ней и двумя узкими обращёнными вниз окнами; и боковые мозаики, особенно серебристо-белый архангел слева. И, кроме того, своды этого собора, если смотреть с хоров, имеют очень много от дома, уютного, укутывающего молящегося подобно плащу, в чем большое очарование русских церквей, по сравнению с раннероманскими западноевропейскими церквями. Здесь нет античных отголосков, как там, скорее отголоски дома, – думаешь о термах старых дворцов, – это терема, в которых гостиная Бога» (RmR, 63-64)³⁷³.

Софийский собор и его главная мозаика войдут затем в повесть «Родинка» (1923), но в повести образ Знаменской Богородицы получает большее значение, чем сам собор. Здесь юная Муся видит фреску с изображением Оранты. Её впечатляет яркое изображение, но для неё это культурная достопримечательность, не затрагивающая душу. Автор демонстрирует свое проникновение в душу русского народа, когда показывает значение Знаменской для Виталия Волуева, который недаром приводит героиню в храм. Муся смотрит на Собор глазами человека Запада, вспоминая фразы из путеводителя, не имея за плечами того горестного опыта, с которым она приедет спустя годы в Родинку, в этот момент она ещё не готова понять русскую религию и духовность: «Я следовала за Виталием, но повсюду меня окружало только онемелое, застывшее великолепие мозаичных панно, блеск золота и драгоценных камней, нигде не привлекая мой взгляд красотой пропорций; ничего не понимая, я стояла перед святыми иконами, на которых схематично проступали образы святых, тёмные, почти неразличимые за всем этим блеском металла и драгоценностей, все это не

³⁷³ «Diese Mosaiken sind schön: sowohl die riesige Знаменская im Hintergrunde mit dem reizenden feinen Fries wie Stickerei – ganz ähnlich demjenigen in der Троица in der Moskau-Троица лавра – mit dem Abendmahl darunter und den zwei schmalen sich nach unten zu anschließenden Fenstern, als auch die Seitenmosaiken, besonders der weißsilberne Erzengel links. Und dann haben die Wölbungen dieser Kirche, vom Chor aus gesehen, so stark das Haus-artige, Intime, das sich Mantelartig um den Beter Hüllende, das man als größten Reiz in den Kirchen der Russen, zum Unterschiede von frühromantischen westländischen Kirchen findet. Hier sind eben nicht antike Anklänge wie dort, vielmehr häusliche Anklänge, – man denkt an die Terems der alten Paläste – es sind die Terems, darinnen Gottes Wohngemach ist».

только обрамляло, но и облачало их, и в этом навязчивом земном облачении они как бы лишались своей сути» (Р, 238). Димитрий объясняет Мусе: «Вы смотрели на наши иконы, как юная дама: находили безвкусными одежды, обилие золота на окладах, жемчуга или драгоценностей, но взгляните на всё глазами не дамы, а женщины – неужели вас не трогает, что люди приносят всё это в дар своим святым? Это же глубокая, исполненная веры скромность, которая осмеливается проявить себя только в одежде, в земном, только окладу жертвует своё земное, пусть даже то, что считается самым драгоценным. Она, эта скромность, не вписывает грубо и запросто божественное в образ, снижая его до обычных вещей! Именно поэтому иконы – не картины, они не “прекрасны”, они не показывают, а скрывают Бога...» (Р, 244). По мнению Димитрия, чтобы увидеть Бога, нужно «созерцать Бога, отказываясь от созерцания его видимости» (Р, 244). В целом же в контексте повести Знаменская Богоматерь приобретает значение символа заступничества за народ перед Богом.

Москва в романе «Ма» – святая столица Руси, город «сорока сороков». На всех путешественников неизгладимое впечатление производил храмовый ансамбль столицы, состоявший в 1900 г. из восьмисот церквей³⁷⁴. Храм как символ веры, чистоты и добра, как место очищения души, пополнения духовных сил, открывает свои двери каждому ищущему, зовёт к себе: «Марианна приехала издалека, где на границах города находился приют для девочек, недалеко от знаменитого Новодевичьего монастыря, фантастические башни которого манят к себе» (М, 49)³⁷⁵. Храм способен укрыть, защитить: «...тихо и благотворно на неё будто охранительно ложился полумрак этих церковных стен. Они едва были похожи на стены, покрытые старой, выцветшей росписью, будто богатой старой тканью, изгибающиеся, с низкими сводами, как огромная мантия, лежащая над молящимся плотными, мягкими складками, чтобы бережно укрыть его от внешнего мира...» (М,

³⁷⁴ См. электронный ресурс <http://www.pravoslavie.ru/answers/33084.htm>

³⁷⁵ «Marianne kam von weit außerhalb gefahren, wo sich an den Grenzen der Stadt ein großes Mädchenstift befand, nicht allzufern von dem berühmten Neujungfernkloster, dessen phantastische Türme herüberwinkten».

171-172)³⁷⁶. Как видим, в роман «Ма» из «Дневника путешествия...» переходит метафора храма как защитного покрывала, мантии.

Образ православного храма в романе наполняется новыми смысловыми оттенками. Храм может выступать символом любви, в том числе земной: «Перед глазами беспокойно озирающегося Томасова в энергичной простоте своего по-мужски коренастого здания возвысился Успенский собор, серые купола подобны шлемам на головах героев, без других украшений, других цветов, как обветшалые картины под тёмной свинцовой крышей над воротами. А перед ним, будто стремящаяся занять как можно меньше места, торжественно грациозная, очаровательная церковь Благовещения, с множеством куполов, которая выглядит так, будто построение каждой из её стен послужило предлогом для воздвижения одного светящегося купола за другим. Как женщина и мужчина стояли они вместе в фантазии Томасова, которая везде видела знаки того, чем была взволнованно наполнена» (М, 164)³⁷⁷. Кроме Новодевичьего монастыря, в романе названы по имени только соборы Московского Кремля, что свидетельствует об уровне реальных знаний автора о русской религии.

Лейтмотивом через весь текст романа проходит **звон церковных колоколов**, предвеляя в начале книги появление главных героинь: «Какой-то из малых колоколов в Кремле звонил и звонил. Только одиночный низкий колокольный звон, гудящий долго и будто мечтательно, прерывал время от времени этот светлый трезвон. Высоко над заснеженными улицами он звенел

³⁷⁶ «... leise und wohltuend legte sich die Dämmerung dieser Kirchenwände wie schützend um sie. Kaum glichen sie Wänden, bedeckt mit alten nachgedunkelten Malereien wie mit reichen alten Stoffen, sich niedrig wölbend und wellend, wie ein ungeheurer Mantel, der sich in schweren weichen Falten um den Betenden legt, ihn sanft zu bergen vor der Außenwelt –».

³⁷⁷ «Von Tomasows unruhig umherblickenden Augen erhob sich der Uspenski-Dom in der energischen Schlichtheit seiner männlich gedrungenen Architektur, die grauen Kuppeln gleich Heldenhelmen auf Heldenhäuptern, ohne andern Schmuck, andre Farbe, als die verwitterten Bilder unter dem dunkeln Bleidach über dem Tor. Und davor, wie in sich selbst zusammengeschiegt, in festlicher Anmut, die reizende Verkündigungskirche, die Vielkuppelige, die aussieht, als bildete die Gliederung ihrer Mauern nur ebenso viele Vorwände, um eine stilleuchtende Kuppel nach der andern über sich emporzuhalten. Wie Weib und Mann standen die beiden in Tomasows Phantasie zusammen, die überall Symbole dessen schaute, wovon sie aufgeregt erfüllt war».

неустанно, со спешной монотонностью, в зимнем воздухе» (М, 7)³⁷⁸. Мотив колокольного звона соподчинен мотивам православия, храма, русского пространства, он придает звуковую составляющую русскому ландшафту. В романе колокольный звон дополняет картинку предпраздничной православной Москвы («Они как раз переходили площадь, когда первый низкий колокольный звон с потрясающей силой наполнил воздух звучанием. Прямо после этого вступил перезвон нескольких больших колоколов. Они сообщали людям, что праздник близко, что они могут сложить орудия труда и открыть душу тому, что они прославляли» М, 165³⁷⁹), выражает чувства и переживания главной героини («Монотонно и потрясающе громко звучали беспрерывно колокола над ней, вокруг неё, в ней, покрыли её будто мантией из оглушающих, лишаящих сознания звуковых волн, будто звенящей бесконечностью налегли на её трепетную слабость...» М, 171³⁸⁰). Колокола звонят по всей Москве, во всех церквях. Куда бы ни направились герои романа – к границам города или к его центру Кремлю – колокольный перезвон всюду.

К московским кремлёвским храмам как центру земли русской и православной веры направляются со всей России многочисленные паломники, которые здесь показаны уже без той неприязни, что ощущалась в «Дневнике путешествия...». В романе автор как бы приглашает немецкого читателя полюбоваться экзотической картинкой, когда описывает паломников у чудотворной иконы Иверской Богоматери: «На ступенях храма расположились паломники, лапти на обмотанных портянками ногах, посох в руках. Со своими просьбами они обращались к списку образа, который висел

³⁷⁸ «Irgendeine der kleinern Glocken im Kreml bimmelte und bimmelte. Hin und wieder nur unterbrach ein vereinzelter tiefer Glockenton, lang nachdröhnend und wie verträumt, dies helle Geläute. Hoch über den verschneiten Straßen klang es unermüdlich, mit dringlicher Monotonie, in den Winterwind hinein».

³⁷⁹ «Sie überschritten gerade den Platz, als ein erster tiefer Glockenklang mit überwältigender Gewalt die Luft durchhallte. Unmittelbar darauf setzte das Geläute von mehreren großen Glocken ein. Es tat den Menschen kund, daß die Feierzeit nahe, daß sie das Werkzeug niederlegen möchten und die Seele öffnen, auf daß auch sie feiere».

³⁸⁰ «Einförmig nur und erschütternd laut hallten fort und fort die Glocken über ihr, – hallten um sie, – hallten in ihr, – begruben sie wie unter einem Mantel von dröhnenden, besinnungsraubenden Tonwellen, – ließen alles an ihr erbeben unter der Gewalt des einen unerbittlichen Klanges, – drangen auf ihre zitternde Schwäche ein, wie mit läutenden Unendlichkeiten –».

в храме, и, читая молитву, ставили перед ним горящие восковые свечи» (М, 8)³⁸¹.

Для всех православных – простых верующих и паломников – церковь, храм – не просто святое место, но дом: «У дверей многих церквей на большой Кремлёвской площади расположились для отдыха паломники или стояли, прислонившись к стенам и опираясь на посох. Марианна была не в настроении, чтобы с интересом воспринимать проявления внешнего мира, но на этой картине её взгляд с тёмной, непонятной тоской приостановился; на оборванных паломниках, – на тех, которые за время вероятно недельного изнурительного странствия к воротам храмов Божьих промёрзли и изголодались, лежала такая детская удовлетворённость. Все они, – старцы, женщины, молодые люди: они были у цели – там, где исполняются все желания и где отбрасывают всю книжную мудрость, – дома...» (М, 103)³⁸². Храм как дом, как Родина – сливаются в этом описании в одно, образ России дополняется ещё одним смысловым оттенком – Россия как дом Богородицы, центр православия.

Отношение же Саломе к **церкви как институту** несколько другое (институциональный уровень национальной идентичности). Наблюдая за богомольцами в Киево-Печерской лавре, за их «отталкивающим религиозным поведением» (RmR, 61)³⁸³, автор дневника задумывается о роли духовенства для народа: «... я поняла борьбу лучших образованных умов Москвы против духовенства и предрассудков. Когда видишь, как этот народ, который до сих пор живёт впроголодь, за целых 10 копеек должен покупать тусклый свечной свет у монахов, которые только что спорили (по поводу

³⁸¹ «Auf den Stufen zum Tempelchen lagerten Pilger, Bastschuhe an den tücherumwickelten Füßen, den Stab in der Hand. Mit ihren Anliegen wandten sie sich jetzt an die Kopie des Bildes, die stellvertretend im Heiligtum hing, und steckten betend brennende Wachskerzen davor auf».

³⁸² An manchen Kirchentüren auf dem großen Kremlplatz lagerten Pilger oder lehnten an den Mauern, auf ihren Pilgerstab gestützt. Marianne war nicht in der Stimmung, um irgend etwas von der Außenwelt mit Interesse aufzufassen, aber auf diesem Bilde blieb ihr Blick mit einer dunkeln, unverständenen Sehnsucht ruhen; über den zerlumpten Pilgern, – über ihnen, die sich bis an die Tore der Gotteshäuser in vielleicht wochenlanger mühseliger Wanderung durchgefroren und durchgehungert hatten, lag eine solche kindliche Zufriedenheit. Man sah ihnen allen an, – Greisen, Weibern, jungen Menschen: sie standen am Ziel – da, wo sich alle Wünsche erfüllen und man alle Bücher abwirft, – zu Hause – ».

³⁸³ «durch das Abstoßende, das mir hier vielfach an dem geistlichen Gebahren auffiel».

нас!), является ли Берлин “знаменитым английским” городом или он расположен во Франции, и которые должны оставаться этому народу единственными учителями и противниками всех мирских школ, – когда видишь, как этот народ ищет себе утешение и излечение в грязном источнике и у чучел лобзаемых святых, тогда в одночасье понимаешь: всё это религиозное поведение является не только отжившим символом, который сохраняет народу смысл высокого в будничном, но это, прежде всего, руководимый людьми современный институт и для человеческих, политических и властных целей руководимое и поддерживаемое учреждение, которое отнимает большое количество финансовых и духовных сил от истинных питательных источников. Отнять его у народа, вероятно, опасно, но сохранить – ещё опаснее» (RmR, 61-62)³⁸⁴. Рациональный анализ западного сознания включается при встрече с невежественными церковниками, с социальным неблагополучием, и вновь конкретные впечатления – негигиенический «святой источник», «чучела лобзаемых святых» – провоцируют появление в тексте размышлений, вступающих в конфликт с идеальным образом России, через призму которого автор преимущественно видит страну.

Писательница считает необходимым упразднить церковь как институт, но сохранить православие как народную религию, как жизненную основу и способ мировосприятия русского человека. Потому настроенная на западную волну церковная верхушка, так же как и прозападная интеллигенция, вызывает у неё исключительно негативные эмоции: «люди Святого Синода, митрополиты России набираются из людей с абсолютно западноевропейским

³⁸⁴ «...ich begriff den Kampf der besten Gebildeten Moskaus gegen die Geistlichkeit und gegen den Aberglauben. Wenn man sieht, wie dies Volk, das sich bis hierher durchhungert, für ganze 10 Kop. sein rothes Kerzenlicht für die Gräfte kaufen muß bei Mönchen, die sich soeben darüber stritten (unseretwegen!) ob Berlin eine “berühmte englische” Stadt oder ob es in Frankreich gelegen sei, und die doch dieses Volkes einzige Lehrer und Bekämpfer aller weltlichen Schulen bleiben sollen, – wenn man sieht, wie dies Volk sich Trost und Heilung an den schmutzigen Brunnen und bei den ausgestopften geküßten Heiligen sucht, dann begreift man mit einem Mal: dies ganze geistliche Wesen ist nicht nur ein überlebendes Symbol, das dem Volk symbolisch den Sinn für Hohes wach erhält am Alltag, sondern es ist vor allem eine lebendige Institution, eine von Menschen geleitete, zu menschlichen, politischen und Macht-Zwecken geleitete und erhaltene Einrichtung, die eine Menge finanzieller und seelischer Kraft ablenkt von wahrhaftigern Nährquellen. Dem Volke dies fortnehmen, ist vielleicht gefährlich, doch es ihm erhalten, kann noch viel gefährlicher sein».

образованием и не могут ни любить, ни управлять своим народом с его святыми. Это третье движение вдобавок к толстовскому и народнопросветительскому, – официальное движение, которое прикладывает усилия, чтобы религия народа, из-за этих руководителей, потеряла доверие у всех образованных» (RmR, 51-52)³⁸⁵.

Атрибутом православной веры, который в описываемое время еще не привлекал к себе особого внимания на Западе³⁸⁶, является **икона**. О важности ее для автора говорит тот факт, что уже «Дневник...» (как и роман «Ма»), начинается с описания иконы – «всё ещё напротив Иверской Богоматери» (RmR, 27)³⁸⁷ – и пестрит упоминаниями о них: старинные иконы в золотых окладах в церквях, «голые» иконы современных художников, уголок с иконами в каждой русской избе. В иконах автор «России с Райнером» видит не просто «тёмные, коричневые, почти неузнаваемые образы святых» (RmR, 42)³⁸⁸; но и более глубокое значение: «За золотым платьем каждый может себе представить, что хочет и предполагает; то, что он видит – только предметы, символы, вместилища для того, что он вкладывает» (RmR, 42)³⁸⁹. Можно сказать, что икона является для писательницы ключом к пониманию русскости, так как иконоподобны сами русские люди, и внешне («старые женщины кажутся похожими на иконы, побуревшие, пахнущие ладаном»),

³⁸⁵ «<...> die Leute des heil. Synod, die Metropolitene Rußlands sich aus der vollen westländ. Bildung Europas rekrutieren und das Volk mit seinen Heiligen weder lieben noch leiten können. Das ist eine dritte Strömung zur Tolstoi'schen und zur volkserziehlichen, – die offizielle Strömung, welche macht, daß die Volksreligion selber, um dieser Leiter willen, in Mißkredit bei allen Gebildeten kommen muß».

³⁸⁶ Коллекционирование икон началось в XIX в., первыми о значении иконы писали в середине века Ф.И. Буслаев, Д.А. Ровинский и др. Частные собрания икон в России заимствовали опыт старообрядческих собраний, однако, по словам В.Н. Лазарева, «открытие русской иконы произошло в XX в.» (Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. – М.: Искусство, 1983. – С. 9), когда около 1905 г. новые реставрационные методы позволили очистить «поновленные» иконы от позднейших наслоений и открылась красота оригиналов. Первая масштабная выставка икон в России состоялась в 1913 г. То есть в своем обращении к иконе незадолго до возникновения моды на нее Саломе могла опираться разве что на горстку существовавших на тот момент русских источников. Ее заслуга в том, что она одной из первых знакомит западного читателя с феноменом русской иконы, не разделяя, впрочем, культовую и эстетическую стороны иконы.

³⁸⁷ «noch gegenüber der Iberischen Mutter».

³⁸⁸ «auftauchenden dunkeln, braunen, nahezu unkenntlichen heiligen Gestalten».

³⁸⁹ «Hinter die goldenen Kleidchen kann Jeder sich denken, was er will und mag; was er sieht, sind lediglich Fragen, Symbole, Gefäße für das was er hineinthut».

RmR, 52³⁹⁰), и духовно («Эта неистраченная душевность в славянине как тёмные лики святых, которые, подобно загадкам, хотят остаться неразгаданными, нераскрашенными. И потому золотые платица из доброты и сердечной доброжелательности в общении, не раскрывая себя, – благодеяние и благожелательность без конца. – Как легко могут прийти такие люди к тому, чтобы прямо на земле чувствовать себя будто в потусторонней потаённой жизни, – стать аскетами, абстрагироваться от жизни, подчиниться в своём устремлении силе, которая вырывает из жизни!» RmR, 50-51³⁹¹). Уже в «Дневнике...» образ иконы начинает обрастать символическими смыслами.

Характерно, что из всех традиционных сюжетов иконографии в прозе Саломе фигурирует только один – богородичная икона, изображение Марии. Образ Богородицы наиболее значим для создания образа России у Саломе. Так, роман «Ма» начинается с описания иконы Иверской Богоматери, которая персонифицируется и олицетворяет и заглавную героиню, и Москву, и даже Россию: «С Богоматерью в карете, запряжённой четвёркой, могли конкурировать лишь немногие экипажи. Кто видел её выезд, легко мог принять её за важную московскую даму и за воплощение самой святой Матушки Москвы» (М, 8)³⁹².

Саломе включает в роман своего рода этнографическое пояснение для немецкого читателя этого местного обычая. Чудотворную икону Иверской Богоматери ежедневно вывозили из часовни у Воскресенских ворот и возили в особой карете по городу, где любой мог ей поклониться, приложиться к окладу. Иверскую икону возили также по домам москвичей, просивших отслужить молебен у постелей больных или под своим кровом: «Ежедневно

³⁹⁰ «Wie Brüder der schwarzen Mönche mit den hohen Mützen sehen diese Raben aus, – und die alten Weiblein scheinen den иконы zu gleichen, den gebräunten, heilig duftenden».

³⁹¹ «Diese unausgegebene Innerlichkeit am Slaven ist wie die dunkeln Heiligengesichter, die gleich Räthseln, unaufgelöst, unausgemalt, beharren wollen. Und drum herum ein goldenes Kleidchen von Güte und Herzensfreundlichkeit im Verkehr, ohne sich doch zu verrathen, – ein Wohlthun und Wohlwollen ohne Ende. – Wie leicht können solche Menschen dazu kommen, sich wie in einem jenseitigen verborgenen Leben mitten auf Erden zu fühlen, – zu Asketen werden, vom Leben abstrahiren, sich in ihrem Streben einer Macht unterstellen, die sie hinweghebt aus dem Leben!».

³⁹² «Die Mutter Gottes im Vierspänner hatte mit nicht gar vielen Equipagen zu konkurieren. Wer sie fahren sah, konnte sie gut für die große Dame Moskaus halten und für den Inbegriff des heiligen Mütterchens Moskau selbst».

Иверская Богоматерь совершала выезды, чтобы удовлетворить всех страждущих. Однако часто посещение ею какого-либо дома слёзно выпрашивалось заранее, за несколько недель, чтобы найти для него время» (М, 8)³⁹³. Чтобы часовня не пустовала, был сделан точный список с иконы, который замещал ее во время отсутствия. Ей поклонялись и бедные, и богатые, и крестьяне, и купцы, и дворяне. Ей поклонялись русские цари, пожертвовавшие ей серебряный с золотом оклад, украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

Описание этого выезда Иверской на стилевом уровне преподносит икону как самостоятельное действующее лицо: «Она проехала совсем немного, уже в одном из переулков Тверской её цель, казалось, была достигнута. Среди нового скопления людей, которые тихо молились, осеняли себя крестным знаменем и жаждали приложиться с поцелуем, её извлекли, чтобы вынести навстречу истовым ожидающим, которым был предназначен её визит и которым она должна была осушить слёзы, избавить от мук или освятить и благословить радость о хорошем исходе дел» (М, 10)³⁹⁴. Детали ритуала, возможно, ускользают от автора, но атмосфера культа Богородицы в православной культуре уловлена точно. По указанию О. Рябова, вера в безусловную любовь Богородицы к русскому народу, в её защиту от врага и заступничество перед Богом за народ, – чисто русская черта³⁹⁵. Поклонение народа Богородице автор точно называет «смирненным», оно объединяет людей всех сословий: «Толпа обступила экипаж настолько близко, насколько смогла, молодые лица и старые, бородатые склонились в равно смиренном рвении, чтобы припасть с поцелуем к чудотворному образу или хотя бы к его окладу. Несколько элегантных офицеров, пришедших через Воскресенскую

³⁹³ «Täglich fuhr die Iberische Mutter aus, um allen Besuchsanforderungen zu genügen, dennoch mußte oft ihre Gegenwart in einem Haus wochenlang vorher erfleht werden, damit sie noch Zeit dafür fand».

³⁹⁴ «Sie machte nur eine kurze Fahrt, schon in einer Seitenstraße der Twerskaja schien ihr Ziel erreicht. Unter einem erneuten Aufruf von Menschen, die leise beteten, sich bekreuzigten und einen Kuß anzubringen suchten, wurde sie hinausgehoben, um den inbrünstig Harrenden entgegengetragen zu werden, denen ihr Besuch galt und deren Tränen sie trocknen, deren Qual sie bannen oder deren Jubel über eine Glücksfügung sie Wiehe und Segen erteilen sollte».

³⁹⁵ Рябов О.В. «Mother Russia»: Гендерный аспект образа России в западной историософии // Общественные науки и современность. – 2000. № 4. – С. 117. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). – Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. – С. 27.

площадь, остановились посреди мостовой, приклонили колена прямо в снег и торжественно перекрестились с суровым выражением серьёзных лиц» (М, 7)³⁹⁶.

В «Ма» отношение автора к православию ничем не омрачено; православная церковь выступает как аллегория России, всей русской земли, при этом церковь, Богоматерь и Мать-Родина сливаются в единый материнский образ – Мать всего русского православного народа, кормящая, защищающая его, охраняющая от невзгод, прощающая грехи.

Язык

С точки зрения второго дифференцирующего признака национальной идентичности – языка, «русские» произведения Саломе дают наглядную картину усиления в ее творческом сознании русского элемента, усложнения отношений автора с русским языком.

Самый простой с этой точки зрения текст – «Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» – написан на немецком языке с многочисленными вставками отдельных русских слов, фраз, географических названий, имён на кириллице, многие из которых написаны с ошибками. Фразы на кириллице воспроизводят простонародную речь, маркируя её как русскую в противоположность немецкой речи автора.

Сложнее дело обстоит с романом «Ма». Целиком написанный по-немецки, текст старательно отмечает, на каком языке в данный момент общаются персонажи. Языки меняются в зависимости от героя и его собеседника на данный момент. Герои романа принадлежат к интернациональному кругу, владеют несколькими языками. Так, с Томасовым и дочерями Ма говорит на немецком, с остальными, в том числе и с сестрой, – на русском, племяннику Николаю даёт уроки французского.

³⁹⁶ «Die Menge umringte den Wagen so nahe, als sie es vermochte, junge Gesichter und alte, bärtige bückten sich in gleich demutsvollem Eifer, um einen Kuß auf das wundertätige Bild zu erhaschen oder wenigstens auf den Rahmen daneben.

Ein paar elegante Offiziere, die über Woßkreßenskiplatz herkamen, machten mitten auf dem Fahrdamm halt, beugten das Knie in den Schnee und bekreuzigten sich feierlich mit bis zur Strenge ernstest Mienen».

Томасов с Ма и дочерьми разговаривает на немецком, иногда вставляя французские словечки, со старушкой из приюта для бедных Верой Петровной – на русском. У Оттилии, несмотря на её западные замашки, дома говорят на русском, и малышом занимается русская кормилица, агукающая с ним по-русски («В углу за столом няня кормила младшего, обращаясь к нему по-детски коверкая русские слова...» Ма, 137³⁹⁷).

Несмотря на многообразие упоминаемых в тексте языков, только русский язык в романе имеет характеристики: называется мягким («weich»), нежно звучащим («zärtlich klang» М, 50). Там, где звучит русский язык, жизнь доверчивей: «среди русских людей, где звучал этот язык, там жизнь в самом деле во всех отношениях становилась как будто проще и шире, – доверчивей» (М, 52)³⁹⁸. Немецкий и французский языки как «Свои» для автора не вызывают подобного интереса и никак не характеризуются. Само повышенное внимание к русскому языку мы оцениваем как знак внимания со стороны «Чужого», пусть очень благорасположенного, сознания.

В немецком тексте «Родинки» русские включения ограничены отдельными словами, что выглядит органично для Марго, заново открывающей для себя Россию. Это слова, обозначающие специфические русские реалии, связанные преимущественно с православием и бытом русского крестьянина (*иконостас, самовар, лапти, баня* и т.д.).

Как и в романе, герои повести говорят на трёх языках – немецком, французском, русском, и в силу углубления социального анализа в повести каждый из используемых языков закреплен за определенной социальной сферой. Французский используется как официальный язык общения дворянского общества. С немцами – Марго и её семьёй – Волуевы говорят на немецком. На русском общаются с челядью и крестьянами. Лишь Ксения знает только один язык – русский: «Когда Ксения вот так болтает со мной, я

³⁹⁷ «In der Ecke am Tisch fütterte die Wärterin den Jüngsten, dem sie in russischen Kinderkauderwelsch zusprach...».

³⁹⁸ «wo man unter russischen Menschen war, wo diese Sprache klang, da wurde das Leben in der Tat in allen Dingen gleichsam simpler und weiter, – vertrauender».

по преимуществу слушаю, до такой степени я разучилась говорить по-русски. Ведь только Ксения одна из всех в доме, включая обоих мальчиков, не знает никакого другого языка. Она всё ещё с большим трудом изучает иностранные языки по бабушкиным газетам...» (Р, 277). Отсутствие знаний иностранных языков подчёркивает азиатское начало в образе Ксении.

Иностранные языки составляли основу дворянского образования в императорской России. Бабушка, вспоминая о своём детстве, проведённом вдали от столицы, рассказывает: «Добрая душа, он [*отец – Ю.Р.*] жил в столице, при дворе, мы же, три сестры, лишившиеся матери, прочно осели с нашими тремя гувернантками – немкой, француженкой и англичанкой – в промотанном имении» (Р, 277). Такое же образование она даёт и своей дочери, Евдоксия признаётся Марго: «Должна тебе сказать, я мало чему училась. Только языкам» (Р, 360). То есть в привилегированных слоях России в изображении Саломе многоязычие является социальной нормой; как бы ни симпатизировала она славянофилам, дело западников глубоко проникло во все сферы русской жизни, что она косвенно признает, когда ее героиня мимоходом замечает: «газеты в России выходят на трёх языках» (Р, 277).

Рефлексия над русским языком продолжается в тексте «Родинки», возрастая в объеме. Через Марго писательница передаёт своё восхищение русским языком, его теплотой и музыкальностью: «Русские всё ещё относятся к языку самозабвенно, как к вечно новому переживанию, как к дарованному им чуду, которое они не устают испытывать; словно в криках животных или в шуме деревьев они зачарованно воспринимают в нём проявление своего неясного внутреннего мира. А язык, будто радуясь тому, что его каждый раз открывают заново, одаряет людей своим неисчерпаемым музыкальным богатством, способным выразить не только то, что не может сложиться в разумное слово и остаётся нежным детским лепетом, но и удивительное душевное глубокомыслие, которое нельзя выразить языком современным, которому дано проявить себя только в словах очень древних и мудрых, подобных тем, какими говорил юный Иисус с учёными-

книжниками» (Р, 358). Сравнение русского языка с языком Иисуса, противопоставление его «душевного глубокомыслия» стерильности современных (западноевропейских) языков – все это указывает на то, что ее скромные знания русского языка оставляли автору простор для возведения русского языка на уникальное место в современной культуре, в соответствии с ее общей концепцией русскости.

Пространство России

Третий дифференцирующий признак национальной идентичности – территория, пространство обитания нации. Еще создатель культурно-исторической школы Ипполит Тэн (1828-1893) в своей теории трех факторов, определяющих своеобразие литературы каждого народа, писал: «Три различных источника способствуют возникновению первоначального нравственного состояния: раса, среда и момент»³⁹⁹, – и хотя понятие «среды» у Тэна включает в себя и социальные, и политические обстоятельства народа, он подробнее всего говорит о том, как явления культурной, духовной жизни народа порождаются специфическим отражением в его душе среды обитания, географии его страны.

Громадностью территории России на Западе издавна было принято объяснять степень централизации власти и особенности бюрократического устройства русского государства, историческую роль православной церкви и т.д. В историософских текстах о России русскость и природность часто выступают как синонимы⁴⁰⁰; три исследуемых художественных текста Лу Андреас-Саломе не являются исключением.

³⁹⁹ Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. / Сост., общая ред. Г.К. Косикова. – М.: изд-во МГУ, 1987. – С. 82.

⁴⁰⁰ О.В. Рябов, исследователь образа России на основе историософских текстов, пишет: «Россия непредсказуема, как сама природа, загадочна, так как связана особыми отношениями с загадочной природой, которая играет огромную роль в судьбах страны. Многие западные тексты проникнуты ощущением, что, помимо людей, активным субъектом российской жизни становится сама природа». Рябов О.В. «Россия-Сфинкс»: Гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 40.

В лирическом, утопическом взгляде на Россию Лу Андреас-Саломе русский ландшафт поэтизируется сам по себе, оставляя главное впечатление **необъятности**. Уже в «Дневнике...» автор с восторгом описывает русскую равнину, степь, ширь, простор, бескрайнюю даль, но привлекательность этого пейзажа не в том, что он выражает метафизическую идею свободы человека, безграничной вольницы России, как это было в русской классической прозе XIX в. На те же русские просторы смотрит автор «Дневника...», представитель западной культуры, и вкладывает она в этот пейзаж свое, неожиданное, как, например, в описании плавания по Волге: «Вода своеобразного металлического отлива; над носовой частью кружатся чайки, взмывая в уходящее в высь небо. ... Волга здесь, как и во многих других местах, подобна морю и всеохватна. Возможно, с этим связана даже некоторая доля того, в чём для меня заключается её наибольшее, потрясающее очарование, и что необычайно редко совмещается в единое целое: соединение интимности и простора. Иногда она широка, как море, степь, лес, иногда невыразимо интимна среди этого простора каждой своей отдельной чертой, тем, как волнующе-прекрасно вмещается в этот простор крестьянин, телега, изба» (RmR, 75-76)⁴⁰¹. Саломе привлекает как раз этот текучий, динамичный характер русского пейзажа, которому она, помимо общепризнанного «простора», приписывает свою, западную «интимность».

Конечно, клише русского простора выражает объективную данность и потому превалирует в текстах Саломе над субъективным видением русского ландшафта как интимного. В повести «Родинка» снова звучит гимн бесконечности русской земли: «сколько бы ты ни мерил её шагами, сколько бы ни шёл и шёл по ней, выйти за её пределы невозможно, тебя словно обнимает беспредельность, ты словно попал в объятия широко раскрытых,

⁴⁰¹ «Das Wasser sonderbar metallisch schillernd; um den Bug flattern Möwen, abgehoben gegen einen in der Ferne drohenden Himmel. Eine wunderbare momentane Windstille macht das Sitzen hart am Bug vorn möglich. – Die Wolga gleicht hier, wie so oft, kaum mehr einem Fluß, so Meer-artig und weit umfassen ist sie. Vielleicht hängt sogar damit ein kleiner Theil dessen zusammen, was ich als ihren stärksten, erschütternden Reiz empfinde, und was so ungemein selten sich zu Einem vereinigt: die Mischung von Intimität und Weite. Manchmal so weit wie Meer und Steppe und Waldebene, manchmal so unsäglich intim mitten in diesem drin durch jeden ihrer Einzelzüge und durch das ergreifend schöne Hineinpassen des Bauers, der Telega, der изба, in ihren Rahmen».

так до конца и не отпускающих тебя, снова и снова простирающихся от горизонта к горизонту рук, – ты постоянно как бы в начале пути и в то же время целиком в её власти» (Р, 385).

Именно простор формирует русский характер: «Это как раз и есть то, из чего для меня состоит русский человек: соединение темперамента и стихийной простой теплоты с непредвзятой широтой и увлечённой объективностью, которая отсекает всё сентиментальное как лишнее и потому производит впечатление такой широты... И в таком типе человека, как и в таком типе ландшафта для меня всплывает так много детских воспоминаний! так много возвращений домой! Потому болью отзывается ускользание пейзажа, как беспрестанное прощание быстрый глубокий поклон каждому берегу» (RmR, 76)⁴⁰².

Так **волжский пейзаж** для автора «Дневника путешествия...» становится воплощением «Природины». Мотив возвращения на родину возникает в тексте с момента пересадки в Саратове на пароход и усиливается в описании плавания по Волге. И до конца дневника автор то и дело говорит об обретении родины именно в волжском пейзаже, о желании остаться на её берегах: «Утром в среду пошёл дождь. Но и в дождь высадка на берег в Симбирске <...> в 8 часов как возвращение домой в тихую красоту, о которой я когда-то мечтала. По пути, при подъёме на склон горы, бедный прохожий. Здесь я бы хотела остаться [приписка карандашом: навсегда]» (RmR, 75)⁴⁰³.

Повествование не просто олицетворяет Волгу; река обретает голос, выступает наставницей автора: «Казалось, что волжский пейзаж говорит мне: “я для тебя не только тут, чтобы ты могла во мне поселиться и найти во мне

⁴⁰² Es ist dies Nämliche, was für mich den russischen Menschen ausmacht: die Mischung von Temperament und spontaner einfacher Wärme mit vorurtheilsloser Weite und hingerissener Sachlichkeit, die alles Sentimentale wie Pflichtmäßige abschneidet und darum so breit wirkt, wie alle Dinge an sich selbst. Und in diesem Menschentypus wie in diesem Landschaftstypus tauchen mir so viele Kindheitserinnerungen auf! ist so viel Heimkehr! wie ein Schmerz wird dadurch das Hinweggleiten der Landschaft, wie ein fortwährendes Abschiednehmen der rasche, tiefe Gruß an jedes Ufer».

⁴⁰³ «Am Mittwoch Morgen regnet es. Aber auch im Regen ist das Landen in Симбирск <...> gegen 8 Uhr wie ein Heimkehren in eine stille Schönheit, die ich einmal geträumt habe. Unterwegs, beim Gang hinauf auf die Hänge der arme Проходшій. Hier möchte ich bleiben [Zusatz mit Bleistift: für immer]».

богачейшую почву для своей жизни, – я сам по себе для тебя удовлетворение твоих душевных потребностей; во мне воплощено всё то, что тебе грезилось и что не могло принять в твоих мечтах форму пейзажа только потому, что ты, по воле случая, не являешься художником, твои мечты выстраиваются из другого материала. Иначе ты уже давно бы меня узнала, давно бы предвосхитила меня в картине. Ты можешь не желать возвращения ко мне, ты можешь прийти ко мне больной, немощной, несчастной, найти во мне свою могилу, или впасть в отчаянье, – все равно я всегда буду для тебя высшей отрадой удовлетворенности, тихим спокойствием созерцаемого совершенства. Потому что я вмещаю всё, что ты когда-либо желала или будешь желать, все, о чем ты молила, что вызывало у тебя смех, всё, что бы в тебе ни пело, ни мечтало, ни плакало, – все это как в пейзаже есть во мне.” Это всё сказала мне Волга там, где она шире всего и где возвышаются её берега; наверху, на севере она говорила только о том, откуда на самом деле я родом, о северорусском происхождении» (RmR, 91)⁴⁰⁴.

Впечатление от волжского простора является самым сильным переживанием этой поездки. На страницах дневника, написанных уже в Финляндии, Саломе посвящает Волге одноимённое стихотворение:

Bist Du auch fern: ich schaue Dich doch ein.
 Bist Du auch fern, bleibst Du mir doch gegeben
 Als eine Gegenwart, die nichts verlöschen kann.
 Wie meine Landschaft liegst Du um mein Leben.
 Umgiebst mich immer wieder; lächelnd groß.
 Auf Deinen Höhen Kirchen, halbverborgen,
 Um Deine Ufer Fernen, grenzenlos,
 Und Deine Wälder ragen in den Morgen.
 Als müßte wieder, wenn es dunkeln will,
 Ein Junihimmel Deine Nacht erhellen,
 Als klänge durch die Nebelfrühe schrill
 Der Klageschrei von Möven auf den Wellen –

Ты далеко, но я в Тебя гляжусь
 И отражаюсь в глади Твоих вод.
 Тебя забыть, утратить не боюсь –
 Ты мой пейзаж, Ты жизни моей код.
 Окружена Твоею широтой.
 Любуюсь на холмах Твоих церквами,
 Бескрайних далее простотой,
 На берегах Твоих растущими лесами.
 И, кажется, что снова я с Тобой,
 Небом июньской ночи пленена.
 Сквозь утренний туманец голубой
 Резкий крик чаек на волнах.

⁴⁰⁴ «Die Wolga-Landschaft schien mir zu sagen: “ich bin für dich nicht nur da, um dich etwa in mir anzusiedeln und in mir den edelsten Boden für dein Leben zu finden, – ich bin an mir selber eine Erfüllung für dich, d.h., in einer Landschaft verkörpert alles das, was dir vorgeschwebt und was du nur deshalb nicht als Landschaft im Traume gesehen hast, weil du zufällig kein Maler bist, sondern in anderer Weise deine Träume bildest. Sonst würdest du mich längst gekannt, längst im Bild vorweggenommen haben. Zu mir magst du persönlich nicht mehr kommen können, oder du magst zu mir krank, unfähig, unglücklich kommen, dir bei mir dein Grab suchen, oder an allem verzweifeln, – unabhängig davon werde ich für dich immer der ungeheure Trost einer Erfüllung sein, die tiefe Ruhe des vollendet Geschauten haben. Denn was du je wolltest, je betetest, je lachtest, was je in dir sang oder träumte oder weinte, – das alles als Landschaft bin ich.” Das alles sagte mir die Wolga wo sie am weitesten ist und ihre Ufer ansteigen; – oben, im Norden sprach sie zu mir nur noch von dem, woher ich in Wirklichkeit stamme, von der nordrussischen Abstammung».

Hätt ich auch nie an Deinem Strand geruht:
 Mir ist, als wüßte ich um Deine Weiten:
 Als landete mich jede Traumesfluth,
 An Deinen ungeheueren Einsamkeiten!

(RmR, 132-133).

И даже если бы не видела Тебя,
 Не знала о Твоих просторных берегах,
 Поток мечты бы высадил меня
 В Твоих укромных уголках!

[Пер. Ю.Р.]

Примечательно, что автор даже заканчивает дневник обращением к Волге: «И ещё не один год, куда бы я ни попала, к завершению какого бы процесса ни подошла, я всегда в каком-то смысле буду идти по берегам этой реки, равно как к Родине» (RmR, 145)⁴⁰⁵.

Дневник не дает возможности судить, была ли Саломе знакома с народным фольклором о Волге, в какой мере на нее влияет образ Волги в русской классической литературе – никаких следов подобного знакомства не обнаруживается. Она воспроизводит лишь самый распространенный народный эпитет по отношению к реке – «матушка», что ее уровень знания русского языка вполне позволяет. Тем примечательней, что сугубо интуитивно, только на основании собственных впечатлений, она угадывает исключительную роль Волги в русской культуре, и выражает эту роль всеми доступными ей художественными средствами.

В более приближенной к русской действительности «Родинке» подчеркивается экономическое значение Волги для России, но сохраняется и ассоциирование Волги со всей Россией: «Это Волга! – повторил он [*кучер Тимофей – Ю.Р.*] настойчиво, словно от этого река сразу станет красивее; так говорят о чём-то величавом. – Здесь, у своего начала, матушка-Волга ещё небольшая. Всё начинается с малого. Но мы знаем, что потом она разливается широко. Если бы Господь дал нам глаза посильнее, мы бы увидели её всю, насколько простирается Русь. Там, где она кончается, кончается почти всё» (Р, 262).

Наряду с Волгой, ещё одним пространственным образом, олицетворяющим Россию, у Саломе является **Москва**: «Матушка-Москва и матушка-Волга – два самых значительных явления, которыми славится Россия. Москва – как возвращение домой после всего, что увидел на

⁴⁰⁵ «Und noch durch so manche Jahre, wohin ich auch gerathe, am Rande welcher Entwicklung ich auch gehe, ich werde in irgend einem Sinn an den Ufern dieses Flusses weitergehn, und wie einer Heimath zu».

обширных просторах, ради её святых холмов и церквей» (RmR, 88)⁴⁰⁶. Москва в тексте «Дневника...» – центр, сердце России, мать городов русских и народа, олицетворение русскости: «как если бы где-то в углу стоял покрытый пылью посох странника, как если бы это было скитание, полное чудес, через степи и реки, города и деревни, навстречу святой Москве» (RmR, 89)⁴⁰⁷.

По сравнению с путевым дневником, роман «Ма» отражает впечатления Андреас-Саломе от Москвы более развёрнуто. Роман содержит и основы реальной топографии Москвы, и сценки уличной жизни. Писательница рисует в «Ма» припорошенную снегом, белую морозную Москву в канун Рождества (такую Москву она никогда не видела и может основываться только на своих детских петербургских впечатлениях о русской зиме): «Снаружи стояли морозные зимние сумерки, хотя был ещё только ранний вечер. Из-за ветра было жутко холодно. Марианна пересекла часть Кремля; её дыхание исходило паровым облачком и тысячью крохотных ледяных бусин примерзало к меховому воротнику. Равнодушно и безжизненно кружился повсюду плотный снег, округляя каждый контур, затушёвывающая чёткие линии. Там и сям слышался колокольный звон, – как во сне, – тихо затихающий. Будто один колокол сонно что-то шепчет другому» (M, 102-103)⁴⁰⁸.

Автор, однако, развеивает распространённый западный миф о русской зиме как о царстве холода и тишины, который можно узнать в приведенной цитате. Зимняя Москва Саломе описана светлыми, радостными красками, в описаниях зимнего пейзажа чувствуется наступление праздника: «Снаружи

⁴⁰⁶ «Матушка Москва und Матушка Волга sind die beiden großen Herrlichkeiten Rußlands. Moskau ist wie ein Nachhausekommen nach allem was man gesehen hat im weiten Kreis um seine heiligen Hügel und Kirchen».

⁴⁰⁷ «als stände ein verstaubter Pilgerstab in der Ecke irgendwo, als sei es ein Wandern gewesen, aller Wunder voll, über Steppen und Flüsse und durch Städte und Dörfer, dem heiligen Moskau entgegen».

⁴⁰⁸ «Draußen ruhte frostige Winterdämmerung, obschon es noch früh am Nachmittag war. Der Wind machte es bitterlich kalt. Marianne durchquerte einen Teil des Kreml; in dampfenden Wölkchen stieg ihr Atem und gefror zu Tausenden winziger Eisperlchen an ihrem Pelzkragen fest.

Stumpf und leblos wölbte sich der dicke Schnee um alles ringsum, rundete jeden Umriß, verwischte jede scharfe Linie. Hie und da klang ein Glockenton an, – wie im Traum, – leise verhallend. Es war, als raune eine Glocke der andern schlaftrunken etwas zu».

царила самая весёлая вьюга в мире. У кучеров и, может быть, также у их лошадок ликовало сердце от того, как легко сегодня летели сани по ослепительно белой земле, которая уже несколько дней была лишена нового снежного покрова, так что уже там и сям сквозь растоптанный снег начала проступать шероховатая булыжная мостовая неровных московских улиц.» (М, 49)⁴⁰⁹

Мороз не мешает людям совершать рождественские покупки, спешить по делам, кататься на санях, идти в церковь. Он красит щёки в румянец, ускоряет шаг и бодрит: «Несмотря на то, что Марианна устала, в обратный путь она отправилась пешком. Вьюга утихла, временами из-за рваных облаков уже выглядывало приветливо зимнее солнце» (М, 58)⁴¹⁰. После такого мороза хорошо посидеть в чайной у раскалённой печи за чашкой чая с пирогом, как и поступает народ на страницах романа.

Но самое главное в образе Москвы для Саломе то, что это символическое пространство,местилище духа России. Автор и здесь не устает подчеркивать крестьянскую, деревенскую основу русского духа, поэтому Москва у нее – не столько современный мегаполис, которым она уже была в пору пребывания Саломе и Рильке, а город, воспроизводящий деревенские структуры жизни: «Старая Москва – особенно в ранние зимние сумерки в подобный вечерний час, – производила такое впечатление, будто в глубине своего сердца была огромной деревней, доверчиво возведённой вокруг владычествующих над всем великолепия и святости кремлёвской выси» (М, 9)⁴¹¹. Заметим, что все это говорится не в духе порицания отсталости Москвы, а с полной авторской симпатией.

⁴⁰⁹ «Draußen herrschte das lustigste Schneetreiben von der Welt.

Den Kutschern und vielleicht auch ihren Gäulen lachte das Herz im Leibe darüber, wie leicht heute die Schlitten über den weißblendenden Boden dahinflogen, der seit etlichen Tagen einer erneuten Schneelage entbehrt hatte, so daß hie und da bereits das holprige Steinpflaster der unebenen Moskauer Straßen durch den zerstampften Schnee durchzuscheinen begann».

⁴¹⁰ «Obgleich Marianne müde war, machte sie den Heimweg zu Fuß. Das Schneetreiben hatte nachgelassen, hie und da schaute schon die Wintersonne freundlich zwischen zerrissenem Gewolk hervor».

⁴¹¹ «Das alte Moskau, – zumal in der winterlichen Frühdämmerung einer solchen Nachmittagsstunde, – nahm sich beinahe aus, als sei es im Grunde seines Herzens ein Riesendorf, zutraulich herumgebaut um die allwaltende Herrlichkeit und Heiligkeit der Kremlhöhe».

Символом Москвы и русской истории в романе является **Кремль**. Куда бы ни шла героиня, он виден отовсюду, выше и красивее всех остальных построек: «Внизу в городе, который расположился у ног Кремля, как раз замерцали первые огни. Уже смеркалось. Белёсый зимний туман поднялся вдали над рекой. Тесно прижавшись к Кремлю, стояли дома, с красными, синими и зелёными крышами и стенами, и после оживленного дня ждали наступления темноты, сквозь которую победоносное золото бесчисленных куполов светилось, будто вечный огонь, не меркнувший с уходом дня» (М, 173)⁴¹².

Если Москва как мать, то Кремль как отец: «С красными, зелёными и синими крышами и стенами, в цветах, какие охотнее всего используют дети на своих картинках, смотрят дома вверх на большой Кремль. И красным, зелёным и синим отвечал он им с высоты своих куполов и дворцов, отечески под них подстраиваясь, сливаясь с ними, вписывая их пёстрые звёздочки и ленты в своё золото. Но он превзошёл их золотом, затмил, заглушил всё золотом будто громкой хвалебной песнью, так что они снова лежали под ним совсем маленькие и совсем онемевшие, несмотря на свои кричащие краски. И в зависимости от часа суток это было разное золото, но всегда царское, от первого рассвета, поднимающегося над Москвой, до поздней ночи, и ни одна из них не была настолько тёмной, чтобы погасить золотой блеск» (М, 9)⁴¹³.

В этом описании проявилось свойственное образу России у Саломе изобилие цветов и красок, ее художнический взгляд на русский ландшафт. Цветовую палитру русской природы она начинает активно использовать уже

⁴¹² «Unten in der Stadt, die dem Kreml zu Füßen lag, blinkten eben die ersten Lichter auf. Schon war es nicht mehr ganz hell. Weißlicher Winternebel zog sich in der Ferne über die Ufer des Flusses. Fest um den Kreml geschmiegt, standen die Häuser da, rot und blau und grün an Dächern oder Mauerwerk, und erwarteten nach des Tages Treiben das Dunkel, durch das das siegende Gold der zahllosen Kuppeln hindurchschien wie eine ewige Leuchte, die nicht mit dem Tage erlischt».

⁴¹³ «Rot und grün und blau an Dächern oder Mauerwerk, in Farben, wie sie Kinder am liebsten auf ihren Bilderbogen anbringen, schauten die Häuser zum großen Kreml empor. Und in Rot und Grün und Blau antwortete er ihnen von der Höhe seiner Kuppeln und Paläste, väterlich ihnen angepaßt, mit ihnen verschmelzend, und malte noch bunte Sternchen oder Streifen mitten hinein in sein Gold.

Mit dem Golde aber überstrumpfte er sie, überstrahlte er sie, mit dem Golde übertönte er alles wie mit einem lauten Lobgesang, so daß sie gleich darauf doch wieder ganz klein unter ihm dalagen und ganz verstummt trotz ihrer beredten Farben. Und ein andres Gold war es zu jeglicher Stunde, zu jeder jedoch ein königliches, vom ersten Tagesgrauen an, das über Moskau aufging, bis tief in die tiefste Nacht, denn keine gab es, tief genug, um das Gold ganz auszulöschen».

в «Дневнике...», например: «Неслыханный закат украсил Москву. Множество пёстрых, весёлых цветов вокруг приняли его слабый отблеск как в протянутые руки, как в широкие сосуды. Это действовало как аллилуйя» (RmR, 40-41)⁴¹⁴. Природное разнообразие красок русский человек копирует и переносит на творения рук своих: одежду⁴¹⁵, жилища⁴¹⁶ и, в большей степени, на храмы: «В Благовещенском соборе меня опять восхитила форма, будто каждая стена – только повод для увеличения количества куполов; белизна и золото производят впечатление уже на фотографиях, между тем как там кроме этих цветов ничего нет от Чудова монастыря с его красными стенами, зелёными крышами и голубыми куполами. В часовню Благовещения ведёт боковая лестница, скамьи наверху у боковой стены стоят напротив неописуемо красивых врат, расписанных серебром и лазурью» (RmR, 41-42)⁴¹⁷.

И затем возникает как бы контрперенос, то есть цветовое многообразие православного храма, соединяясь с природным разнообразием цвета, порождают новую православную гармонию городского пейзажа: «На небе стояла неполная радуга, звонили колокола. Тут и там заходящее солнце горело как лампада в одном из окон. В Иване Блаженном оно разожгло почти мистические факелы. Какое-то особое настроение, в котором молитва переплелась с радостью, простёрлось над всем, оплавало все цвета в одно чувство обширного небесного счастья» (RmR, 41)⁴¹⁸. Таким образом, с одной

⁴¹⁴ «Ein unerhörtes Abendroth verschönte Moskau. Die Menge bunter freudiger Farben ringsum nehmen den schwächsten Glanz in so willige Hände, in so bereite Gefäße auf, daß sie wie ein Hallelujah wirken».

⁴¹⁵ «очень понравились нам упряжки с возницами в русской одежде: голубые и красные рубахи под бархатной безрукавкой» («sehr gefielen uns die Gespanne mit Kutschern im russischen Hemd: blaue und rothe Hemden unter ärmellosem Sammet», RmR, 59.)

⁴¹⁶ «Избушки здесь все не из сруба, а обмазанные глиной стены из хвороста, пёстро окрашенные или побеленные, – часто голубым и жёлтым тот же самый дом, часто выглядящие картонными стенами». («Die Hüttchen sind hier alle nicht Balkenwerk, sondern lehmbeiworfene Reisigwände und bunt oder weiß getüncht, – oft blau und gelb dasselbe Haus, oft wie Cartonnage oder Dragant aussehende Wände.» RmR, 71.)

⁴¹⁷ «An der Verkündigungskirche entzückt mich immer wieder der Bau, als sei jede Wand nur Vorwand für vermehrte Kuppeln; das Weiß und Gold wirkt selbst auf Photographien, während man dort vom Tschudow Kloster mit seinen rothen Mauern, grünen Dächern und tiefblauen Kuppeln ohne diese Farben nichts hat. In der [!] Verkündig.-Kapelle führt eine Seitentreppe, die Bänke oben an der Seitenwand stehen gegenüber einem der unbeschreiblich schönen Thore von Silber und Blau».

⁴¹⁸ «Am Himmel stand ein halber Regenbogen, die Glocken klangen an. Hier und da brannte die sinkende Sonne in einem der Fenster wie eine heilige Lampe, und im Ivan Blachennoi entzündete sie fast mystische Strahlen. Eine

стороны, лучезарное разноцветие порождает ощущение счастья, земного рая; с другой, цветовая гамма напоминает пёстрый ковёр, что может подчеркнуть азиатскую, восточную составляющую русской культуры.

Это же настроение земного апофеоза находим в романе «Ма», несмотря на то, что действие его разворачивается в зимней, заснеженной Москве. Снег как будто усиливает свечение, исходящее от города, становится фоном, на котором ярче сияют краски: «Невероятный закат стоял над Москвой. Пестрота цветов вокруг, будто сосуд, вобрала, вдобавок к своему, и его мягкий блеск. Она будто устремила к нему с поверхности всех вещей, что действовало как хвалебная песнь, которая поднимается от земли к светящемуся небу. Над всем будто примирение радости с молитвой распростёрлось особое настроение. Несколько нерешительно темнеющих среди небесной лазури облаков медленно расходились сверкающими золотыми лентами, пропуская свет...» (М, 173)⁴¹⁹. Так пейзаж становится средством прославления русскости, метафорически выражая идущий из России духовный свет, чувство ликования жизни. Саломе не просто предьявляет западному читателю «местный колорит»; символика русского пейзажа в рассматриваемых произведениях показывает, что он используется как действенный инструмент внушения читателю восторга перед Россией.

В «Родинке» же в соответствии с усилением реалистичности преобладает пространство поместья, в свою очередь делящееся на пространство дворянской усадьбы и деревни; действие охватывает три времени года. Русская зима, как обычно, сурова, с «жестокими звенящими морозами» (Р, 229), сильными метелями, обильными осадками. Долгая северная зима неохотно уступает место весне, которая всегда запаздывает с

Stimmung, wie ein Ausgleich zwischen Gebet und Freude, lag über allem, verschmolz alle Farben zu einem Ausdruck von breitem, himmlischen Glück».

⁴¹⁹ «Ein unerhörtes Abendrot stand über Moskau. Und die Buntheit der Farben ringsum nahm auch noch den schwächsten Abglanz davon, nahm auch den leisesten Funken so innig auf, hielt sich ihm an der Oberfläche aller Dinge als ein so williges Gefäß entgegen, daß es fast wirkte wie ein Lobgesang, der emporstieg von der Erde zum erglühenden Himmel. Eine Stimmung wie ein Ausgleich zwischen Freude und Gebet lag über den Ganzen. Die paar Wolken, die inmitten der Bläue des Himmels zögernd dunkelten, zogen sich, lichtdurchschossen, langsam zu breitschimmernden Goldbändern auseinander – ».

приходом, долго готовится к своему выходу. Лето в тексте жаркое, с множеством мошкеры, даровитое и урожайное, но короткое, августовская погода обильна дождями. Времена года подчёркивают северное положение страны.

Важной частью конструирования художественного пространства является изображение **способов перемещения в пространстве**. С точки зрения теории национальной идентичности, здесь авторы затрагивают ее инфраструктурный уровень, один из наименее сознаваемых носителем национальной идентичности и бросающийся в глаза «Чужому».

Государство Российское столь велико и обширно, что многие земли ещё остаются незаселёнными и нетронутыми рукой человека, первозданно дикими. Свойства вмещающего ландшафта передаются порождённым им людям – отсюда широта души русских и отсюда же дикость, необразованность, ведь необжитое пространство отделяет людей от людей, отнимая у них возможность делиться достижениями культуры, науки, экономики, сельского хозяйства и т.д. Земля русская ещё не охвачена в достаточной степени сетью железных дорог. В текстах Саломе по-прежнему основным средством передвижения по русскому бездорожью остаётся гужевой транспорт.

Тройка лошадей – это не только повседневный способ преодоления пространства, но с гоголевских времен символ России. Она несёт в себе в сочетании со скоростью ощущение свободы: «Развевались гривы на выгнутых шеях пристяжных, казалось, у тройки лошадей выросли крылья – мотаясь из стороны в сторону, экипаж несся навстречу вечеру» (Р, 261). Она является частью Природины, обладает внутренним единством с окружающим пейзажем, радует глаз и сердце: «...пристяжным трудно мчаться галопом. Но благодаря этой трудности – лошади как бы тянут в стороны – скорость обретает красоту. В ней возникает ритм, который передаётся колокольчикам, чисто разливается их звонкая трель. Как бы ни мчалась тройка, она хочет не

обогнать других во что бы то ни стало, а порадовать сердце тех, кто в ней едет...» (Р, 354).

Как всегда, резервируя пики лиризма для национальных символов, автор, тем не менее, не может вовсе игнорировать реальности перемещений своих персонажей, хотя в описании стремится свести их к минимуму.

Например, в «Дневнике...» не сообщается о том, как путешественники попали в Россию; по стране же они перемещаются всеми возможными на тот момент видами транспорта, от гужевого до автомобильного. О поездках на поезде сообщается очень мало, видимо, потому, что железная дорога имплицитно понимается повествовательницей как «Свое», западное, и отличий русских железных дорог от немецких она не фиксирует. Но железная дорога связывает крупные города, а вот в деревню нужно ехать на тарантасе или телеге.

О поездках на тарантасе Саломе пишет охотнее: «эта деревня <...> глубоко в сельской местности, окружённая лесом и водой, к ней ведёт долгая поездка на тарантасе, который так нас тряс, что мы то и дело прикусывали себе язык» (RmR, 107)⁴²⁰. Рассказывает о полудиких русских лошадях: «На мой боязливый вопрос, не кажется ли лошадь чересчур беспокойной, – как все эти полуобъезженные, полудикие лошади здесь, – он довольно отвечает: “Да, слава Богу, беспокойная, – не слишком-то спокойна, она моя бодрая лошадка!”» (RmR, 87)⁴²¹. Диалог с ямщиком подчёркивает восточную составляющую русской культуры: полудикие лошади, полуграмотные люди, полу-Европа, полу-Азия.

О новом, ещё не используемом повсеместно, виде транспорта Саломе упоминает как о чем-то инородном для России: «Лошади в деревне особенно боятся автомобиля, который кто-то приобрёл и теперь запахом бензина наносит оскорбление природе. Поэтому авто может ездить только вечером;

⁴²⁰ «dies ist ein Dorf <...> tief im Land, umgeben von Wald und Wasser, erreichbar in langer Fahrt per Tarantaß, der uns so rüttelte, daß wir uns fortwährend in die Zunge bissen».

⁴²¹ «Auf meine ängstliche Frage, ob das Pferd nicht sehr unruhig scheine, – wie alle diese halb zugefahrenen, halb wilden Pferde hier, – antwortet er zufrieden: “Ja, Gottlob, unruhig, – не слишком то спокойна, она моя бодрая лошадка!”».

тогда на затихшей деревенской улице автомобиль кажется таинственным сопящим чудищем, в то время как в конюшнях, видя во сне что-то ужасное, лошади ржут и топчут землю» (RmR, 87)⁴²².

Но самое большое впечатление произвело на Андреас-Саломе плавание, которое позволило ей влюбиться в волжский ландшафт: «Почему так совершенно иначе берёт за душу плавное скольжение по ландшафту, будто обитание в нём? Вероятно, потому, что живя в нём, совершая прогулки или как-нибудь иначе, ты должен идти к нему, в то время как здесь он будит иллюзию, будто он идёт к нам, а между тем, слегка изменяясь, часть за частью, скользит мимо. Так как почти отождествляешь с ним корабль, а сам пассивно созерцаешь. Железная дорога не может пробудить этой иллюзии из-за навязанной скорости движения, а также из-за высокой активности всего вокруг. На поезде пробегают ландшафт, на корабле его воспринимают» (RmR, 74-75)⁴²³. Впрочем, некоторое недовольство присутствует и по отношению к пароходам: «Экспресс оказался ещё более удобным, чем “Александр Невский”, однако его ошутимая скорость очень нарушает неуловимое скольжение по ландшафту. <...> Здесь, как везде, очень смешанное общество, которое не относится ни к “элите”, ни к простому народу, – чиновники, имеющие, благодаря нерусскому иерархическому делению, большое сходство с западными спесью, любопытством и хвастовством» (RmR, 80-81)⁴²⁴.

⁴²² Die Pferde im Dorf scheuen besonders vor einem Automobil, das Jemand anschaffte und womit er die Landschaft unter Benzingestank verunglimpft. Er darf deshalb nur Abends fahren; dann, auf der ganz still gewordenen, Landstraße hört man ihn wie ein Ungethüm heimlich daherschnaufen, während in den Ställen, im Halbtraum von etwas Greulichem, die Pferde aufwiehern und den Boden stampfen».

⁴²³ «Warum ist es so ganz anders herzergründend, so, mit dieser gleitenden Bewegung <...> durch die Landschaft zu gleiten, als sogar in ihr zu wohnen? Wahrscheinlich, weil man beim Wohnen in ihr durch Spaziergänge oder sonstwie zu ihr kommen muß, während sie hier die Illusion weckt, als komme sie zu uns, indem sie, sich leise wandeln, Theil für Theil, vorübergleitet. Denn man identificirt fast das Schiff mit ihr, und ist selber passiv zuschauend. Die Eisenbahn kann diese Illusion nicht wecken wegen der sich aufdrängenden Eile der Bewegung, sowie wegen der großen Aktivität bei all ihrem Drum und Dran. In der Bahn durchrennt man die Landschaft, im Schiff empfängt man sie».

⁴²⁴ «Der Schnelldampfer bot noch mehr Comfort als der Alex. Newsky gethan, jedoch die merkbare Bewegung zerstört sehr jenes unmerkliche Hingleiten durch die Landschaft. <...> Hier wie überall ist die Gesellschaft sehr störend, die weder zur “elite” noch zum простой народъ gehört, – Beamten-gesellschaft mit den durch die un-russische Beamtenhierarchie großgezogenen Anklängen an westlichen Dünkel, an Neugier und Protzenthum».

В романе «Ма» главный зимний транспорт России – сани. Это и развлечение, и необходимость. Катание на санях – зимняя потеха молодёжи. Так, Цита и Софи катаются на санях с Хуго Ланцем. Сани – способ передвижения простого народа. Те, кто побогаче, выезжают в экипаже, на тройке лошадей: «Мимо экипажей по замёрзшему снегу скользили только маленькие, низкие саночки, которые за несколько копеек доступны даже народу. Часто в них сидели бабы со всем скарбом, крестьяне в тулупах с высоко поднятыми воротниками. Реже по дороге проносилась тройка лошадей, и, одновременно с веселой звенящей колокольчиками тройкой, могла звучать какая-нибудь песня, затянутая ездоком» (М, 8)⁴²⁵.

В центре Москвы роман отмечает оживленное, неупорядоченное движение: «При переходе проезжей части Марианна вынуждена была остановиться, потому что две повозки столкнулись друг с другом, что при беспорядочной спешке довольно легко случалось. Извозчики кричали друг на друга и посылали друг друга в преисподнюю; одни сани освободились и полетели дальше, у других поскользнулся и упал конь. Человек, сгребаящий лопатой снег с тротуара, подошёл, чтобы помочь, ведь не остановился ни один зевака» (М, 59)⁴²⁶. В зарисовке с натуры обратим внимание на то, что никто никому не спешит на помощь, кроме дворника, которому соблюдение порядка на вверенном ему участке было положено по должности.

Упоминается в тексте и использовавшаяся в Москве до 1912 г. конка, конно-железная дорога с вагоном, который тянули по рельсам лошади, предшественница трамвайных путей. С помощью конки передвигается по Москве Марианна: «Она воспользовалась конкой, которая останавливалась в

⁴²⁵ «Was da auf dem hartgefrorenen Schnee an Fuhrwerken vorüberglitt, waren fast nur kleine, niedrige Schlittchen, wie sie für wenige Kopecken sogar dem Volk zugänglich sind. Weiber mit Sack und Pack befanden sich häufig drin, Bauern in hoch um die Ohren geschlagenen Schafpelzen. Seltener schon flog eine Troika des Weges dahin, und, zugleich mit dem lustigen schellenläutenden Dreigespann, vielleicht irgendein Lied, angestimmt von den Insassen...».

⁴²⁶ «Beim Überschreiten eines Fahrdammes mußte Marianne innehalten, weil zwei Gefährte ineinandergeraten waren, was beim wahllosen Durcheinanderjagen leicht genug geschah. Die Fuhrleute schrien sich an und fluchten sich gegenseitig in die Hölle; der eine Schlitten wurde frei und flog weiter, am andern war der Gaul ausgeglitten und gestürzt. Ein Mann, der den Schnee vom Fußsteig schaufelte, trat heran, um zu helfen, doch keine Neugierigen blieben gaffend stehen».

квартале городского предместья...» (М, 141)⁴²⁷, а для старушки Веры Петровны конка становится знаком прогресса: «Вера Петровна <...> указала своей тростью на вагон конки: “А теперь лишь за пять копеек он везёт в средоточие экипажей и людей, спектаклей и выставок и даже несчастных случаев – не возражаю против моей кандидатуры, если необходимо всё же кого-то погубить”» (М, 78-79)⁴²⁸.

Но все названные выше приметы технического прогресса, которые проникли в Россию на рубеже XIX-XX вв., функционируют в текстах как малосущественные подробности, почти не влияющие на базовую модель русского пространства. Оно у Саломе строится как широко раскинувшееся приволье, в котором выделяются интимно более значимая для автора Волга и сакральный центр России, Москва, с ее высшей точкой и культурным сердцем, Кремлем.

Ценности и нормы русской национальной идентичности

Живым образцом русского человека для писательницы был Лев Толстой, чей образ занимает так много места в «Дневнике...». Саломе описывает встречу с ним в Ясной Поляне, цитирует его письмо, вспоминает его, размышляя о русской религии⁴²⁹, просветителях и народе⁴³⁰, сказанное

⁴²⁷ «Sie benutzte eine Pferdebahn, die nahe bis zu Tamaras kleiner Wohnung im Vorstadtviertel heranfuhr».

⁴²⁸ «Wera Petrowna <...> wies mit ihrem Stock auf den herannahenden Straßenbahnwagen: “Und nun geht es für bloße fünf Kopeken mitten hinein in die Wagen und Menschen, Schauläden und Ausstellungen – und sogar in die Unglücksfälle – meinetwegen, wenn das Genick doch schon gebrochen sein muß.”»

⁴²⁹ «Секты, которые Левицкий вместо этого называет “верующими”, так как содержание догмата им известно и истолковано, часто могут испытывать нехватку религиозных настроений и заменять их моралистическим рационализмом, как, в сущности говоря, делает и хочет Толстой. И Толстой ошибочно воспринимает народные предрассудки как зло и не замечает, что с их устранением он не только очистит помыслы, но и упростит умы, – вплоть до Толстовского опрошения в теоретических трактатах». («Die Sekten, die Lewizky statt dessen die “gläubigen” nennt, weil der Dogmeninhalt bei ihnen bewußt und fest gedeutet ist, mögen oftmals ärmer an religiösen Stimmungen sein, und dieselben durch moralistischen Rationalismus ersetzen, wie auch Толстой im Grunde thut und will. Auch Толстой strauchelt über den Volksaberglauben als über ein Uebel, und merkt nicht, daß er mit dessen Beseitigung nicht nur die Gedanken klären sondern auch die Gemüther verflachen würde, – bis zu Tolstoi’scher Verflachung in Traktätchentheorien». RmR, 37.)

⁴³⁰ «Как к этому относится Толстой? Он не хочет конфликта образованных русских, но верит, что в народе и так есть все, что ему необходимо, и потому научные знания будут народу бесполезны, разрушает его здоровую целостность. Между тем эта его вера в народ во многом является его индивидуальным способом решения его личных жизненных конфликтов; это конфликт, стоящий перед любым образованным русским, попытка найти синтез между западным знанием и велениями сердца. Потому у Толстого возникает некоторое сходство с просветителями: он не учится у народа, а учит народ своему решению проблем. Да, можно сказать: сначала крестьянин, которого здешние просветители следуя духу заимствованного

или написанное им по тому или иному поводу⁴³¹. Не во всем безоговорочно соглашаясь с Толстым, она описывает его как мудрейшего из людей.

Обратимся к описанию визита в Ясную Поляну как наиболее обширной записи о Л. Толстом в «Дневнике путешествия...». Во время этой второй встречи Толстой чувствовал себя хуже, чем в Москве, его выхода пришлось долго ждать, во время короткой прогулки по парку он был немногословен. Ничего этого нет в «Дневнике...». Автор описывает пейзаж Ясной Поляны, «чудесно нежный и русский. Белоснежны стволы берёз, которые здесь преобладают, между ними очень старые дубы в первой нежно-зелёной листве. В парке Ясной Поляны большая берёзовая аллея столетних деревьев начинает редеть; и берёзы умирают, в конце концов, и даже раньше остальных деревьев, как сказал старший сын Толстого [на полях: Лев Львович], проводя нас через сад» (RmR, 54-55)⁴³². Умиряющие берёзы в парке, быстрая гибель сорванных рукой Л. Толстого цветов и сам его портрет – как предсказание скорой смерти русского мыслителя: «С самого начала, – уже когда он появился за стеклянной дверью передней и мы только что

обезличенного знания сделали жалким, должен, как Толстой, самостоятельно решить свои проблемы. Но народ, как он есть, произрастает из своих неповреждённых корней и хранит сокровище, которое ему предстоит подарить человечеству, в своих грязных, но необычайно нежных руках». («Wie steht Tolstoi dazu? Er will nicht den Konflikt des gebildeten Russen, sondern er glaubt, daß im Volk vorhanden sei was noth thue, und es deshalb unnütz sei, durch Lehre der Wissenschaft solche Konflikte im Volk herbeizuführen. Indessen das, was er im Volke vorhanden glaubt, ist vielmehr Tolstoi's individuelle Lösung seiner persönlichen Lebenskonflikte, und da dieselben ganz wesentlich, diejenigen des gebildeten Russen sind, nämlich die Synthese zu finden zwischen westlichem Wissen und den Herzensbedürfnissen, so tritt trotzdem etwas Aenliches bei Tolstoi ein, wie bei den Volksaufklärern: auch er lernt nicht beim Volk, sondern lehrt es seine Lösung. Ja, man könnte sagen: erst ein Bauer, den die hiesigen Volksaufklärer mit allem Tragischen des unpersönlichen Wissens elend gemacht haben, vermöchte ganz wie Tolstoi zu dessen Lösung hinaufzukommen. Das Volk aber, wie es ist, lebt aus viel unberührten Wurzeln und hält wartend den Schatz, den es der Menschheitsentwicklung noch zu schenken hat, fest in seinen so schmutzigen und doch ungemein seltsam feinen Händen». RmR, 51.)

⁴³¹ «Так же случалось и у меня с простыми людьми: я понимаю, когда Толстой говорит: “будьте проще, станьте как они, тогда вы обретете всё.” В русских из народа иногда как будто находит завершение волжский пейзаж, – и у меня больше не возникает (как это было раньше по отношению ко всем нравившимся мне людям) потребности в субъективном их постижении, во включении их в мою жизнь. Я просто хочу отнестись к ним с глубоким уважением, вообще забыв при общении с ними о себе, о том, кто я есть и чего желаю». («Und ähnlich erging es mir mit den Menschen: ich begreife es, wenn Tilstoi sagt: “werdet einfach wie sie, so werdet ihr alles haben.” In ihnen ist hier und da etwas wie eine solche Wolgalandschaft erfüllt und vollendet, – und nicht mehr habe ich, (wie ehemals allen mir gefallen Menschen gegenüber) das Verlangen, subjektiv nach ihnen zu greifen, sie meinem Leben einzufügen, sondern mich einfach ehrfürchtig ihnen zuzugesellen, momentan überhaupt dessen vergessen, was ich will oder bin». RmR, 91.)

⁴³² «Darüber lag die Landschaft wundervoll sanft und russisch mit ihrer stark gewellten Ebene, weiten Wiesen auf denen Mengen von Maiglöckchen sich eben aus den Knospen öffneten, und die blau waren von ganz großäugigen tausendfältigen Vergißmeinnicht. Schneeweiß manche Stämme der Birken, die überall vorwiegen, dazwischen sehr alte Eichen im zarten ersten Laubgrün».

вошли через пристройку с весёлой резной балюстрадой из кукол, петухов и лошадей, он произвёл в этот раз удивительно одухотворённое, потрясающе трогательное впечатление, как некто, больше не принадлежащий Земле. Худая согбенная фигура в жёлтом, вязаном на западный манер жакете, торчащие из под высокой шляпы седые волосы и такие ясные глаза на грустном, одухотворённом лице, – ясные и будто выше всего, вне всего. Он выглядел как заколдованный крестьянин, как волшебное существо. Во время нашей прогулки, когда на него сбоку налетал сильный ветер, казалось, что он нашёл для себя достойную раму, – тогда над ним возникало некое завихрение, подобие бури, и одновременно чувствовалась его сила противостоять бурям с помощью неведомого, высокого» (RmR, 55-56)⁴³³. Портрет Л. Толстого в тексте – не только индивидуализированный портрет гения человечества, как в приведенной цитате; растиражированный типографским способом, он висит в избах и трансформируется в восприятии автора в собирательный портрет русского народа: «И не представлен ли повсеместно в народе старый Лев Толстой, в сотнях экземпляров, превратившийся в седого мудреца, некий тип заколдованного крестьянина, причудливый, почти мистический, с растрёпанными волосами?» (RmR, 105)⁴³⁴.

В духовном портрете Толстого Саломе акцентирует религиозно-нравственную сущность толстовской проповеди. Этой проповедью был заморожен Рильке, но ее христианская основа вряд ли могла вызвать полное сочувствие Саломе. Жизнь в наслаждениях, по Толстому, жизнь неистинная, неправедная, «поиск счастья и наслаждения не может быть верным

⁴³³ «Von allem Anfang an, – schon als er hinter der Glashür des Vorzimmers erschien und wir eben erst durch den Vorbau mit der lustigen Brüstung aus der Puppen, Hähne und Pferde herausgeschnitzt sind, eingetreten waren, machte er diesmal einen so seltsam vergeistigten, einen rührend erschütternden Eindruck, wie Einer, der nicht mehr der Erde angehört. Die gebeugte schmale Gestalt in der gelben gestrikten Westenjacke, unter einer hohen Mütze das weiße Haar abstehehend, und die Augen so klar im elenden, beseelten Gesicht, – klar und wie über allem, hinter allem. Wie ein verzaubertes Bäuerlein, ein Zauberwesen, sah er aus. Während unseres Ganges, in Augenblicken wo der Wind ihn heftig von der Seite angriff, schien diese Gestalt ihren richtigen Rahmen zu finden, – ein Verwehtes, hilflos vom Sturm Erfäßtes lag dann über ihr, und dabei die Kraft, den Stürmen durch ein Geheimnißvolles, Höheres zu trotzen».

⁴³⁴ «Und ist der alte Левъ Толстой nicht überall im Volk vorhanden, in hundert Typen, der greise Weise gewordene, eine Art Zauberbäuerlein, seltsam, fast mystisch, im struppigen Haar?»

жизненным поприщем, так как он не мешает знанию о нашей земной смерти от страданий отравить нашу жизнь» (RmR, 54)⁴³⁵. Смысл жизни, по Толстому, сугубо христианский, он состоит в исполнении воли Создателя: «Если понимать жизнь как осуществление задачи, то становится легко достижим покой, сохраняющийся и перед лицом смерти, потому что дарованный этим сознанием покой смерть не отберет...» (RmR, 54)⁴³⁶. Можно утверждать, что в данной работе Саломе фигура Л. Толстого – ключевая для формирования образа России и русского человека, она приобретает символическое значение.

В «Дневнике...» есть еще два образа – русского дворянина Николая Толстого⁴³⁷ и его матери, – важных для понимания образа России, поскольку они являются прототипами героев повести «Родинка». Встреча с Колей, как называет писательница Н. Толстого на страницах дневника, поездка в гости к нему в Новинки предоставила путешественнице замечательную «возможность познакомиться с изысканной жизнью русской помещицкой усадьбы» (RmR, 111)⁴³⁸. Высокообразованный, обладающий яркой индивидуальностью Николай Толстой становится для автора дневника типом, дополнительным к типу идеального крестьянина – идеальным помещиком-дворянином, и об этом родстве с крестьянином говорит его портрет: «Когда Коля стоит в красной кумачовой рубахе и высоких сапогах, его можно принять и за князя, и за крестьянина...» (RmR, 88)⁴³⁹.

В Коле подчеркиваются прекрасные плоды православного воспитания: смирение перед Богом, отсутствие критической, скептической предрасположенности, доброта и жертвенность, любовь к детям и примат

⁴³⁵ «das Suchen nach Glück und Genuß nicht der richtige Lebensweg sein kann, denn es hindert unser Leben nicht, vergiftet zu werden durch das Wissen um unseren leiblichen Tod unter Schmerzen».

⁴³⁶ «Betrachten wir unser Leben wie eine Aufgabe, die sich erfüllt, und wir werden sorgenlos jenen Frieden erreichen, den selbst der Tod nicht schreckt, an dem der Tod nichts ändert, und nach dem das irdische Glück vergeblich strebt».

⁴³⁷ Многие немецкие биографы Саломе, в частности Бригитте Кронауэр, Михаэла Визнер-Бангарт, Урсула Вельш, указывают на родственную связь владельца «Новинок» с писателем Львом Толстым. Ссылаясь на устное авторитетное мнение знатока Тверского края профессора М.В. Строганова, заметим, что это утверждение неверно.

⁴³⁸ «Einblick in einen köstlichen Typus russischen Gutslebens».

⁴³⁹ «Wenn Коля im rothen kumach-Hemd in hohen Stiefeln dasteht, kann er als Fürst wie als Bauer gelten».

семейных ценностей, способность к легкому усвоению чужого, к синтезу и адаптации к новым условиям. Саломе не устает акцентировать отсутствие индивидуализма как православную составляющую в русском характере: «Он кажется чуть менее сильным в личном, но удивительно сильным и прекрасным в отношении предельного, высочайшего. Оттого в таких русских семьях склонность к церковному и монашескому; в таком характере уже так сильно выражено чистое, кроткое, самоотверженное и универсальное, все следствия жизненного пути, что христианство кажется приложением к нему. Можно было бы сказать: когда русские крестились, они восприняли наиболее соответствующую их характеру форму религии...» (RmR, 118)⁴⁴⁰.

Ещё более оригинальным характером является Бабушка – мать Николая Толстого, прототип мадам Волуевой из повести «Родинка». Противоречивая натура, она соединяет в себе различные черты: «Бабушка в доме как олицетворение традиционно-священного в нём. Личность подобной силы, самобытности, с таким разумом везде смогла бы создать себе круг деятельности; при этом чрезмерное благоговение, с которым всюду встречают её превосходительство, ей нравится. Саму себя она воспринимает как кроткую и самоотверженную натуру <...>; в действительности она, пожалуй, никогда никому не подчиняется, а благодаря своему знанию людей и властности умеет их подчинить и ими управлять» (RmR, 119)⁴⁴¹. Она вроде бы предельно религиозна, живет в мире православных святых и сотворённых Богом чудес, но на самом деле – по собственной прихоти. С Богом она «на короткой ноге» – она уверилась, что Бог отвечает на молитвы семейства Толстых.

⁴⁴⁰ «Er erschiene etwas weniger stark im Selbsteigenen, aber dafür wunderbar stark und schön dem Letzten, Höchsten des Lebens gegenüber. Deshalb in solchen russ. Familien die Hinneigung zum Kirchlichen und Mönchischen; in diesen Naturellen liegt das Lautere, Sanfte, Hingebende und Einheitliche, alle Konsequenzen einer Lebensrichtung schon so stark ausgeprägt, daß das Christentum daran fast zufällig erscheint. Man könnte sagen: als die Russen sich taufen ließen, nahmen sie damit nur eine möglichst zu ihrem Naturell passende Religionsformel an...»

⁴⁴¹ «Die бабушка im Hause ist wie die Inkarnation des Traditionell-Geheiligten darin. Eine so starke, originelle Persönlichkeit mit einer solchen Dosis Verstand würde sich überall einen bedeutenden Wirkungskreis schaffen; daher steht die übertriebene Ehrfurcht, mit der ihrer Ueberlegenheit begegnet wird, ihr ganz gut. Sie selbst nimmt sich als eine weiche und selbstlose Natur <...>, in Wahrheit hat sie sich den Menschen wohl nie unterjocht, sondern sie durch ihre Menschenkenntnis und Kraft zu nehmen und zu leiten gewußt».

Интересна в этом ключе рассказанная Бабушкой история о берёзах. «В саду стояли две берёзы, тесно переплетённые у основания ствола, понятно, они означали Бабушку и её мужа. Во время последней беременности, протекавшей тяжело, когда опасались её смерти в родах, буря сломала одну берёзу. Несмотря на все меры предосторожности, она это увидела и уверилась в том, что умрет. Что должен был сделать её муж? предотвратить через Бога смерть жены. Короче, поскольку значение берёз по отдельности было не уточнено, он молится, чтобы Бог лучше забрал его жизнь» (RmR, 122)⁴⁴². Молитва его была исполнена: Бабушка благополучно родила, а он вскоре заразился ветряной оспой и умер. «Но перед смертью он страшно страдал от раскаяния в том, что причинил боль жене. Он мучился от сознания своей вины, когда видел, как она потрясена тем, что Бог не отвечает на её молитвы о его выздоровлении. <...> Под конец он признался ей, что сам просил о смерти, – что превратно истолковал сломанную березу, что сам намолил себе смерть» (RmR, 122-123)⁴⁴³. Саломе рассказывает эту историю без осуждения суеверий и религиозных предрассудков, так же просто, как она была рассказана Бабушкой.

Управляющая с помощью молитв Богом и людьми, Бабушка, тем не менее, изображается автором с уважением к ее почти мистической, сверхъестественной силе. В контексте культурно-исторического времени «Дневника путешествия...» – времени народнического движения, становления капитализма в России и сопутствующего ему проникновения западных ценностей, дворянского атеизма – Николай Толстой и Бабушка воспринимаются как останки уходящей в прошлое особой жизненной

⁴⁴² «Im Garten stehen zwei Birken, von Stamm an eng verschlungen, natürlich bedeuten sie бабушка und ihren Mann. Während sie, sehr leidend, mit dem letzten Kinde schwanger geht und man ihren Tod durch die Niederkunft befürchtet, bricht der Sturm die eine Birke. Trotz aller Vorsichtsmaßregeln bemerkt sie es und gewahrt ihren Tod. Was soll ihr Mann thun? eine Vorhersagung durch Gott ist nicht umzubringen. Also betet er, es möchte wenigstens – da die Bedeutung der beiden einzelnen Birken ja nicht präcisirt ist, – Gott möchte lieber sein Leben fordern».

⁴⁴³ «Aber ehe er stirbt, zerfrißt ihn die Reue angesichts des Schmerzes seiner Frau. Er quält sich mit seinem großen Schuldgeständniß, als er sieht, wie erstaunt sie ist, daß Gott ihr Gebet um seine Genesung nicht erhört. <...> Endlich gesteht er ihr, daß er um seinen Tod gebetet habe, – also, falls jene gebrochene Birke von ihnen mißverstanden worden sei, “sich verbetet” habe».

гармонии – традиционной русской дворянской культуры. Тем они и ценны для писательницы, что вскоре люди подобного склада исчезнут.

Ценностный уровень национальной идентичности русских, как показывает автор «Дневника ...», обусловлен православной верой, пропитан ею и от неё неотделим. Это касается и дворянской интеллигенции, как мы видели на примере семьи Н. Толстого, и крестьянства, для которого церковь является единственной школой. Ценности русского народа, обусловленные его менталитетом – это добросердечие, любовь к детям и счастье в них (оттого такие большие семьи – 4 детей у Николая Толстого, 12 детей у матери Дрожжина, многодетные семьи крестьян); сопереживание несчастным, будь то ближние, или преступники, которых якобы называют «неудачливые русские» (RmR, 54), или юродивые; взаимная поддержка – рабочие на курсах собирают деньги для заболевшего товарища («Он пришёл на курсы с товарищем, который слёг от туберкулёза, они собрали для него 35 руб., чтобы он мог жить в деревне» RmR, 38⁴⁴⁴). Особое внимание Саломе привлекают юродивые, этот чисто русский феномен; она описывает каждого встреченного во время путешествия юродивого, и он – или она – есть в каждой деревне, где они с Рильке делают хоть сколько-нибудь длительную остановку. Создается впечатление, что Россия полна юродивыми, которым сочувствует народ. Свои юродивые появятся и в романе «Ма», и в повести «Родинка», где их описание намного красочнее, чем в «Дневнике...». Как говорит крестьянка Макарова Марго: «Кто лишился рассудка, не получив от Бога хоть какое-то вознаграждение? И часто совсем не маленькое! На Руси в древности были великие и сильные юродивые <...> Они предостерегали и судили вельмож, говорили им правду в глаза, одну только правду, и все, даже сам Государь, слушались их...» (P, 388).

⁴⁴⁴ «Er ist mit einem Kameraden in die Kurse gekommen, welcher schon der Schwindsucht erlegen ist, sie sammelten für diesen 35 Rbl., damit er auf dem Lande leben könne».

Праздники наглядно воплощают систему ценностей любого народа. Думается, Саломе недаром начало обеих своих поездок приурочила к православной Пасхе – возможно, по детским впечатлениям она помнила, что это главный праздник православного календаря. На Западе главным праздником, несомненно, является Рождество, отмечающее появление новой жизни; у православных важнее Рождества стала Пасха, отмечающая чудо воскресения из мертвых. Описание пасхальной Москвы в «России с Райнером» передает эту атмосферу веры в чудо. В «Родинке» повествовательница говорит: «Пасха только что миновала, наш самый большой праздник...» (Р, 205).

В «Родинке» описывается традиционная русская пасхальная детская игра: «Мы вытащили из-под стола дедушкин ковёр и устроили на нём русскую пасхальную игру – катание яиц. Крашеные куриные яйца скатывались с деревянной наклонной горки дедушке прямо под ноги; сталкиваясь, они разбивали друг друга. <...> Кто разбивал больше яиц, тому доставалось шоколадное яичко» (Р, 202). Традиция «христосования» проявляется в тексте в виде пасхального подарка-сувенира: «Вдруг её удивительные светло-серые глаза засияли, и из складок её чёрного шелкового платья внезапно появился маленький кожаный футляр, откуда она извлекла чудесное блестящее яичко – по всей видимости, золотое, покрытое красивой эмалевой росписью. Восхитительные разноцветные русские мотивы» (Р, 205).

В отличие от религиозных ритуалов и традиций, от праздников, **подуровень повседневности в национальной идентичности** труднее доступен взгляду «Другого». Но у Саломе открытость и гостеприимство русских всех социальных слоев таковы, что ее иностранки-повествовательницы легко получают доступ в частные жилища, делят со своими хозяевами семейные трапезы, наблюдают жизнь семейную, что для читателя является контрастом к приватности западного гражданина. На этом

уровне повседневности образами-символами в «Дневнике путешествия...» являются терем и изба.

Терем – микрокосм русского дворянства: «Если разглядишь в старом замке терем, захочешь там остаться, обрести свой домашний очаг и больше не станешь искать его в другом месте. Эти комнаты <...> как одеяния, в которые облачаешься, как распростёртые к тебе руки, как сосуды, в которые изливаешься, приходя извне. Благодаря цвету и линиям они обладают особой радостной красотой, которая, вопреки своему разнообразию, кажется такой простой, что в них не выглядел бы неуместно и самый неказистый крестьянин» (RmR, 28)⁴⁴⁵. И для терема используется та же метафора покрыва, мантии, защитной оболочки, которую мы отмечали в описаниях храмов и икон.

Поэтому, когда русский образованный человек отступает, отклоняется от своих традиций, когда русские интеллигенты «обставляют своё жилище в соответствии с западной модой» (RmR, 30)⁴⁴⁶, они передают свою культуру. Обстановка на западный манер кажется Саломе бездушной, холодной. Ей не нравятся современные интерьеры даже в домах ее друзей-представителей русского традиционализма, С.А. Левицкого и С. Шиль, у которых она отмечает «голую, как все комнаты без русского характера, гостиную» (RmR, 36)⁴⁴⁷. В беседах с Шиль ей открываются причины такого оформления жилища: «Но Шильхен, как и все русские, охотнее всего сохраняет своё жилище пустым, несколько обезличенным, относительно обычным, чтобы не опошлить то, что им дорого в картинах, книгах и чувствах» (RmR, 48)⁴⁴⁸. К автору приходит понимание, что терем – это история, а настоящее пространство русского быта никуда не делось, оно живет и процветает.

⁴⁴⁵ «Wenn man in dem alten Palais die Terems sieht, möchte man dort bleiben, sein zu Hause finden und nirgends anderes mehr wohnen. Diese Zimmer <...> sind wie Gewänder, die man anzieht, wie Arme die sich um Einen breiten, wie Gefäße, in die man sich, von draußen kommend, ergießt. Sie haben eine sonderbare heitere Pracht durch ihre Farben und Linien, die doch so primitiv, so einfach erscheint trotz ihrer Buntheit, daß das unscheinbarste Bäuerlein sich ohne weiteres in ihr niederlassen könnte».

⁴⁴⁶ «ihre Wohnung dem von ihnen anempfundenen Westen gemäß auskleiden».

⁴⁴⁷ «etwas kahles Wohnzimmer, wie alle Zimmer hier ohne russischen Charakter».

⁴⁴⁸ «Aber Schillchen, und mit ihr der Russe überhaupt, erhält am liebsten seine Wohnung kahl, etwas unindividuell, etwas konventionell, um das, was ihm an Bildern, Büchern und Erlebnissen am theuersten ist, nicht zu profanieren».

Это реальное универсальное бытовое пространство – **изба**, ведь, как мы уже знаем, для Саломе «русскость» равна простоте, натуральности и её корни лежат в крестьянстве. Потому автора особенно интересует жизнь и быт «простого человека»: общение мужчин и женщин, детей и взрослых, устройство жилища, устройство семьи, жизненные устои и ценности крестьянства. Знакомится она с русским бытом в селе Креста-Богородское под Ярославлем, где путешественники на несколько дней снимают избу, и в деревне Низовка Тверской области в гостях у крестьянского поэта Спиридона Дрожжина⁴⁴⁹.

В описании русской деревни вновь чувствуется «Чужое» в идентичности автора-повествователя. Отстранённо наблюдает Саломе за происходящим, будто из зрительного зала смотрит на разворачивающиеся в рамках деревни сцены русской жизни: «Деревня, обрамлённая бесконечным простором лугов, лесов и водоёмов, выглядит как интерьер: одинаковыми коробочками стоят избы на широком травяном поле; всё поросло травой – сплошной зелёный ковёр, на котором, как во внутреннем пространстве, разыгрывается деревенская жизнь. Такие маленькие домики и такой огромный простор!» (RmR, 110)⁴⁵⁰. Деревенский быт, простая жизнь обитателей избы, наполненная постоянными насущными заботами, окрашены у неё в романтические тона. Саломе поёт хвалебную песнь крестьянскому трудолюбию обитателей Креста: муж Макаровой сапожничает; она сама «делает всё и вездесуща» (RmR, 83)⁴⁵¹: шьёт, готовит,

⁴⁴⁹ О Дрожжине путешественники узнали во время первой поездки в 1899 г. от петербургского литератора Фридриха Фидлера. А в январе 1900 Софья Шиль прислала Рильке собрание стихотворений Дрожжина «Песни крестьянина» (1898). Перевод двух стихотворений из этого сборника Рильке опубликовал в «Пражском ежедневнике». Возможно, что именно Шиль порекомендовала путешественникам познакомиться с Дрожжиным, как она советовала это С.Д. Фомину: «А вы знаете поэта-пахаря Спиридона Дмитриевича Дрожжина? Хотите я вас с ним познакомлю? Когда он приезжает из деревни в Москву, он у меня бывает. Это типичный крестьянин. Представьте, дошел самоуком, пишет о деревне и природе чудесные стихи. Они подкупают задушевностью и простотой, они доступны простому народу и детям». Фомин С.Д. Наш поэт // Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Редактор-составитель М.В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. – С. 97.

⁴⁵⁰ «Ein Dorf, in seinem Rahmen von unendlicher Landschaft an Wiesen und Wäldern und Wassern, sieht an sich aus wie ein Interieur: gleich geschnitzten Kästchen stehen die Hütten auf weiter Rasenfläche, die Dorfweg ganannt wird; grasbewachsen alles, – ein grüner Teppich, auf dem sich wie in einem Innenraum, das Leben abspielt. Die Häuser so klein, die Landschaft so groß!»

⁴⁵¹ «thut alles und ist überall».

стирает, ухаживает за скотиной; помогает ей дочь Гринка; заняты на фабрике другие дети. В Низовке воплощенное трудолюбие – жена Дрожжина. Если поначалу сам крестьянский поэт Дрожжин кажется путешественникам олицетворением русского человека, то затем он проигрывает сначала своей жене, потом Николаю Толстому⁴⁵²: «...не совсем такой представлена жизнь мужика в его песнях, какой слетает она с женских губ в простой передаче пережитого. Он радуется цветам, пробуждающей аппетит работе на сенокосе, – она работает с раннего утра до поздней ночи, в изнеможении не имеет сил на еду, пьёт из-за сильной жажды во время работы болотную воду, и страдает от тошноты, когда пыль от сухого сена забивает рот» (RmR, 106)⁴⁵³.

В желании ближе познакомиться с такой жизнью Саломе примеряет на себя роль русской крестьянки. С упоением описывает она несколько дней, проведённых в снятом путешественниками новоотстроенном срубе: собственноручно готовит еду в русской печке, кофе и чай в самоваре, пьёт парное молоко, борется с комарами, моет окна, сажая занозы в пальцы, вышивает, гуляет по деревне, русской утварью, принесённой Макаровой, украшает избу. Автор дневника символизирует и сакрализует избу как воплощение русского микрокосма. Образ избы у Саломе, как и образ народа, несёт христианские черты: «через бреши в соломенной крыше солнце освещает золотом мирную жизнь животных; на память приходит

⁴⁵² «Это было поразительно: в самом начале он показался нам идеальным крестьянином и выразительной личностью, которая соединяет в себе поэзию и правду повседневности; затем, когда внимание на себя обратила его жена, его образ трансформировался в немного трогательный и несамостоятельный, но это нанесло ущерб только его стихам: они больше не казались всеохватывающим выражением, но поэтическим переложением крестьянского бытия. Этот едва ощутимый тон поэтического несоответствия действительности, который только сначала звучал приятно и легко, при соприкосновении крестьянского поэта с высокообразованным, оригинальным, обладающим яркой индивидуальностью Толстым становился почти пронзительным, неприятным, почти смехотворным.» («Es war ganz merkwürdig: im allerersten Anfang bei ihm, kam er uns als der Idealbauer und als machtvolle Persönlichkeit vor, die Dichtung und Wahrheit des Alltagslebens in sich vereint; dann, mit dem Hervortreten der Frau, wandelte sich das ein wenig in's Rührende und Unselbständige um, aber noch that es nur seinen Poesien Abbruch: sie erschienen nicht mehr als Totalausdruck sondern als poetische Umfärbung des russ. Bauerndaseins. Dieser leise Ton der poetischen Abweichung vom Wahren, der nur erst lieblich und fein spielend zwischenklang, wird bei der Berührung des Bauern-Poeten mit den feingebildeten, originellen, riesig in sich einheitlichen Tolstoi's fast schrill, unangenehm, fast lächerlich.» RmR, 111).

⁴⁵³ «... nicht ganz so singt das Leben des мужикъ in seinen Liedern, wie es von ihren Lippen in schlichter Wiedergabe des Erlebten sich anhört. Er hat noch Freude an den Blumen, – am Heuen, weil es Appetit weckt, – sie arbeitet von Nacht bis in die Nacht, ißt in ihrer Uebermüdung nicht mehr, trinkt im rasenden Durst bei der Arbeit Moorwasser, und leidet an Brechreiz wenn die Stäubchen des trockenen Heus ihr die Luftröhre füllen».

Вифлеемский хлев. Справа и слева спали мы; большинство – жена и дочери – в основном помещении с печью и на ней; с берёзовой балки свисала импровизированная колыбель для внука» (RmR, 110)⁴⁵⁴. Печь, соломенный тюфяк, два деревянных ведра, глиняный умывальник у порога, самовар и стол – всё скромное убранство их избы. Прост русский человек и гармоничен в своём слиянии с Приудиной, всем живым на ней. Потому и изба устроена так, что в ней «располагаются по соседству со скотиной в хлеву» (RmR, 106)⁴⁵⁵. Русский человек живёт своей землёй и скотиной и понимает себя в неразрывной связи с ними. Создавая подобные картины, Саломе как бы стремится пробиться к подлинному быту русского народа, которого не так уж много в восхищавших западную публику переведенных произведениях Толстого и Достоевского.

Стены избы не отгораживают русских от природы, крестьянское подворье с домашними животными и огородом есть часть природного мира. Саломе создает именно такое впечатление, описывая свой день в избе: «После обеда у задней двери читаем Забелина в обществе петухов и их дам, а также цыплят, которые доверчиво идут нам на колени и позволяют себя кормить. Молодая корова перед окном очень хочет к нам зайти, беспрестанно мычит, но отказывается как от воды, так и от хлеба. <...> Вечером мы совершаем чудесную пешую прогулку мимо церкви в рощицу; мы собираем много цветов, растущих на высоких-высоких стеблях, даже клевер просто королевский. Потихоньку темнеет, начинает светить рано вышедшая маленькая луна, алым отсветом опускается солнце в водную рябь» (RmR, 85-86)⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ «durch die Öffnungen seines Strohdachs blitzt das Stroh golden in der Sonne auf das Stilleben der Thiere nieder; man denkt an einen Bethlehemitischen Stall. Rechts und links schliefen wir; die Meisten, – Frau und Töchter im Hauptraum mit dem großen Ofen und auf diesem; an einem Birkenstamm, der quergelegt war, hing eine improvisirte Wiege für den Enkel nieder».

⁴⁵⁵ «Nachbar den Thieren im Stall».

⁴⁵⁶ «Nachmittags, auf der hintern Thürschwelle lesen wir Забѣлинъ, in Gesellschaft des Hahns und seiner Frauen, sowie der jungen Hühner die sich zutraulich auf unseren Schoß begeben und füttern lassen. Die junge Kuh vor dem Fenster will uns auch gern besuchen, muht unaufhörlich, verschmäht aber Wasser wie Brod. <...> Abends machen wir einen wundervollen Gang an der Kirche vorbei in's Gehölz; wir nehmen viele Blumen, die hier auf hohen,

И дни у Дрожжина наполнены прогулками и природой: «На второй день, когда установилась хорошая погода, мы пошли с Дрожжиным в лес. Местами болотистый, с огромными деревьями, где в чащобе в начале зимы бушевал страшный ураган. Кроме [!]»⁴⁵⁷ ягоды, мы нашли орхидеи и клюкву, которую я видела впервые в жизни. Листва этой ягоды похожа на мирт. Вечером мы были на Волге, берег который в этом месте как берег моря; все кажется таким милым, что хотелось бы жить здесь всегда...» (RmR, 107-108)⁴⁵⁸.

Многие впечатления писательницы, полученные в Низовке и Новинках и описанные в «Дневнике путешествия...», почти дословно войдут в повесть «Родинка». Сопоставим в качестве примера описание Саломе дня Святого Георгия – 23 апреля, когда скотину выпускают впервые после зимы в поле:

«Дневник путешествия...»

«Дрожжин рассказывает: дико от радости ревёт, и мычит, и блеет, и ржёт повсюду скотина, свободно разгуливают животные, пьяные от счастья и бодрости; забыв друг друга за зиму, вступают в стычки. Постепенно они возобновляют знакомство, а недавно родившиеся жеребята и телята становятся мирными и привыкают к опьянению весенней жизнью» (RmR, 108-109)⁴⁵⁹.

«Родинка»

«Но видела бы ты, что бывает, когда скот впервые выпускают на волю! Зима превращает домашних животных в молчаливых пленников. О прошедшем лете они вспоминают только во сне. Затем наступает 23 апреля, день Святого Георгия – день очень суровый, но для них это день-освободитель, чудо природы! Как правило, они сперва застывают в растерянности, с остекленевшими глазами, полуоглушённые чистым воздухом, от которого отвыкли, – а потом как безумные окунаются в весну, которая ещё совсем неощутима, и носятся по тающему, посеревшему снегу. Вся

hohen Stengeln wachsen, so daß selbst der Klee königlich wird. Es trübt sich langsam, der frühe kleine Mond bekommt einen Hof, roth sinkt in Wasserdunst die Sonne».

⁴⁵⁷ Пометка автора.

⁴⁵⁸ «In den Wald gingen wir mit Дрож. am 2^{ten} Tag, wo das Wetter herrlich wurde; er ist sumpfig stellenweise, “непроходимые болота”, – mit riesigem Baumwuchs, in welchem Anfang des Winters ein furchtbarer Orkan gewühet hat. Wir fanden neben, vielen [!] Beeren, Orchideen und клюква, die ich zum ersten Mal im Leben wachsen sah. Sie hat ein der Myrthe ähnliches Laub. Am Abend waren wir am Wolgastrand, der hier wie Meerstrand ist; alles muthet so sympathisch an, daß man für immer hier leben möchte...»

⁴⁵⁹ «Дрож. erzählt: wild von Freude brüllt und muht und meckert und wiehert es von überall her, wild auch gegeneinander geworden, gehen die einzelnen Thiere aufeinander los, trunken von Glück und Muth, einander entfremdet. Erst ganz allmählich machen sie Bekanntschaft unter einander auf's Neue, und die der inzwischen geborenen Füllen & Kälber, werden friedlich und gewöhnen sich an den Rausch des Frühlingslebens».

укутанная испарениями равнина наполняется ликованием вырвавшегося на волю скота! Вокруг слышится ржание, мычание, рёв и бляение! Нелегко приходится пастухам: животные, которые в хлеву держались по-братски, теперь дико набрасываются друг на друга, словно ищут врага – отомстить за долгое заточение. В конце концов, их умиряет сама природа, она приучает их к летнему благополучию; к ним возвращается естественная кротость. Рождённых в тёмном хлеву ягнят или жеребят представляют друг другу и они начинают вести себя благонаравно...» (Р, 306).

Как видно, в романе две фразы из «Дневника» разворачиваются в законченную сценку; восторг перед весенним пробуждением природы получает повышенный градус за счет повторения восклицательных знаков, но ключевые места фрагмента совпадают, даже если «телята» заменены на «ягнят», а глаголы «ревет, мычит, блеет» превратились в соответствующие существительные.

Но вернемся к русскому интерьеру. В романе «Ма» автор описывает простую обстановку без изысков, деревянную мебель, чистоту и уют в избе, квартире, церкви или чайной: «Внутри чайной на низких, почти квадратных оконцах висели ослепительно чистые холщёвые занавески, и простая мебель из светлой древесины выглядела такой белой и чистой, будто должна была источать запах мыла» (М, 158)⁴⁶⁰. Чистоплотность возводится в национальное качество.

В каждом русском доме – печь, дающая тепло, готовящая еду. В романе описывается несколько **ритуалов приёма пищи**. Например, обед Марианны с дочерьми, где на первое – «красный борщ» (М, 19)⁴⁶¹, к борщу желающим

⁴⁶⁰ «Im Innern der Teestube hingen blendend saubere Leinwandvorhänge an den niedrigen, fast quadratischen Fensterchen, und auch das weiße Holz der simplen Einrichtung sah so weiß und sauber aus, als müsse es Seifengeruch ausströmen.»

⁴⁶¹ «Terrine mit roter Beetensuppe»

предлагается сметана, после блюда из рыбы фрукты и чашечка крепкого кофе, приготовленного в кофейнике на спиртовой горелке⁴⁶², – меню, впрочем, скорее европейское, чем русское.

Большое значение в романе уделяется чайному ритуалу. В России рубежа веков существовала особая культура чаепития⁴⁶³, особенно развитая и значимая в Москве, где из всей России чаю пили больше всего. Автор романа «Ма» даёт интересные исторические зарисовки традиции чаепития. Чай пьют в любое время, чаем угощают гостей. В каждом доме обязательно на столе стоит самовар, служащий также украшением стола и показателем социального статуса; так, у Оттилии самовар не медный, как у прочих персонажей, а серебряный: «У стола в столовой уже дымился серебряный самовар на подставке, стаканы для чая стояли наготове, а между ними плоская миска с консервированными фруктами и крошечными бутербродиками, – каждый как раз размером с укус, почти столь же изящно приготовленными, как сласти» (М, 79)⁴⁶⁴. Чайный стол сервирован вышитыми Оттилией салфетками. Марианна пьёт чай в компании со старушкой Верой Петровной, подавая к чаю пирожки с мясом, с капустой, и лимон.

Глазами Марианны и Томасова мы можем увидеть одну из дешёвых чайных, куда «с дамой не заходят»: расшитые занавески на окнах, пол из нетесаных досок, блестящие медные самовары с чаем, нарезанный крупными ломтями чёрный хлеб, пирожки с кашей – то, что бросилось в глаза героине. Почти пустое помещение: «Только две мешанки в пёстрых платках и коротких тулупах пили у окна чай; наполненные блюдца они держали

⁴⁶² «Марианна рассеянно погасила миниатюрное спиртовое пламя под кофеваркой и наполнила низкие чашечки». («Marianne löschte zerstreut die kleine Spiritusflamme unter dem Kaffeekecher aus und fühlte die flachen Täßchen.» М, 23).

⁴⁶³ Чай в Россию попал в XVI в. и был редкостью. В XVIII в. чай пили только дворяне и зажиточные купцы, причём этот напиток оставался «городским». В XIX в. чай стал дешевле и распространился повсеместно, потеснив традиционный русский сбитень. Неотъемлемыми атрибутами русского чаепития XIX в. были самовар, блюдца, из которых пили чай, и сахар-рафинад вприкуску, чтобы не перебивать вкус напитка.

⁴⁶⁴ «Neben dem Tisch im Eßzimmer dampfte schon der silberne Samowar auf seinem Gestell, die Teegläser standen bereit und dazwischen flache Schüsseln mit eingekochten Früchten und mit winzigen belegten Brotschnittchen, – jedes gerade ein Mundvoll groß, fast so zierlich wie Konfekt hergerichtet».

широко расставленными пальцами правой руки; молча, торжественно, не глядя по сторонам, делали один обжигающий глоток за другим» (М, 158-159)⁴⁶⁵. Саломе не была обычной «дамой» и оставила эту любопытную зарисовку чайного заведения, которое было одной из бытовых примет Москвы рубежа веков⁴⁶⁶.

Саломе часто пытается задать верный, на её взгляд, вектор понимания русскости и православия для западного читателя. Неоднократно в тексте присутствуют пояснения, подобные пояснениям в путевых очерках путешественников, обращенные к читателям с Запада, не знакомым с культурой и бытом описываемой страны. Например: «Бабушка что-то считала вслух, пользуясь счётами, ещё и сегодня широко распространёнными в России» (Р, 283). Или при отъезде Евдоксии: «Мы все собрались в зале ещё на несколько минут вокруг бабушки; собрались с той молчаливой и церемонной торжественностью, которая в России делает ожидание отъезда похожим на вынос покойника из дома» (Р, 399).

Особенно много такого рода пояснений в тексте «Родинки», что местами создает впечатление показной русскости: если поцелуй, то тоекратный, «по русскому обычаю» (Р, 230); если шкатулка, то украшенная «искусно выполненной ажурной резьбой, распространённой на дальнем русском севере» (Р, 334); если игрушка для детей, то «маленький ярко раскрашенный деревянный кремль» (Р, 355); перила, опять же с грубой русской резьбой: «собравшийся кукарекнуть петушок, прямая ёлочка, пляшущий мужичок» (Р, 358). Всем красивым вещам, которые обращают на себя внимание Муси-Марго, присущи «восхитительные разноцветные русские мотивы» (Р, 205). Хотя это можно назвать вниманием к деталям, но

⁴⁶⁵ «Nur zwei Frauen aus dem Kleinbürgerstande, mit bunten Kopftüchern und kurzen Schaffellpelzen, tranken beim Fenster ihren Tee, wobei sie die gefüllte Untertasse auf den gespreizten Fingern der rechten Hand balancierten; schweigend, mit einer gewissen Feierlichkeit und ohne um sich zu sehen, nahmen sie einen heißen Schluck um den andern».

⁴⁶⁶ Подобных чайных насчитывалось свыше 300, см.: «Философия чая» [электронный ресурс] <http://teasophia.ru>

складывается ощущение, что автор хочет вместить в повесть как можно больше «русского».

Образ России в «Родинке» отличается большей неоднозначностью в сравнении с более ранними текстами и потому, что здесь Саломе использует **традиционные западные мифы** о России – об отсталости, пьянстве, лени, и т.д. Применительно к каждому из них она пытается в конкретных образах и ситуациях нащупать грань между негативным и возможным позитивным смыслом мифа, показать, что данный миф явился на свет в силу недопонимания русской культуры в поверхностных, поспешных суждениях Запада. Где проходит грань между отсталостью как необразованностью и неразвитостью, между необжитостью территорий и отсталостью как дикостью? Что такое русское пьянство – проявляется ли в нем склонность к саморазрушению или это необходимая релаксация, способ избавиться от зла, которое неминуемо копится в отношениях русского человека с государством? Миф о лени русских, регулярно воспроизводимый путешественниками от Кюстина и до наших дней, Саломе развенчивает в развернутых сценах сенокоса и прочих крестьянских работ, которые выполняются всем миром. О «русской лени» в «Родинке» есть ещё один показательный фрагмент – крестьяне Родинки отказываются работать в пятницу: «Но в пятницу люди хотят гулять. Говорят, не будем работать. Что тут поделаешь, Виталий Сергеевич: такой уж народ! Не слушает, когда ему объясняешь: это же только татары сделали у нас пятницу нерабочим днём... это всё от татарского ига идёт... от трижды проклятого нечестивого...» (Р, 306). Таким образом, проявление лени русскими списывается на привитые длительным игом традиции другого народа. Интересно об этом говорит Виталий по поводу Петруши, младшего сына Димитрия: «Он у нас с ленцой, вял, – сказал мне Виталий и ласково привлёк Петрушу к себе. – Правда, он в этом не виноват, таков уж русский человек, слишком долго и основательно в него это вдалбливали. Чего в нас не намешано, Петруша, кого только не принимала гостеприимно наша кровь, с востока и запада, юга и севера!

Поэтому и задачи у нас более крупные, чем у других: выстроить себя из совсем чужих и своих элементов, сделать из них нечто единое! Душа у нас не жидкая, работы хватит на долго...» (Р, 289). Из слов Виталия следует, что русская нация ещё не сложилась окончательно, что она в процессе становления, ещё «выстраивается». Саломе представляет «юную» душу русского народа, которая «вызревает» для предстоящих ей великих дел.

Самый важный для понимания того, как Саломе работает с западными стереотипами русской культуры, – миф о рабском духе русских. До 1861 г. о любви русских к кнуту говорили в связи с крепостным правом, после «рабский дух» заменили на «покорность» и «смирение», но смысл обвинения остался тем же. Следует принять во внимание, что понимание «покорности» русским человеком принципиально отличалось от того, что понимал под нею Запад. О.В. Рябов в работе «Матушка-Русь» пишет: «Русское понимание свободы испытало сильное влияние положений средневекового христианского мирозерцания. Отношение человека с Богом понималось как служение; верное служение Богу, полнейшее ему повиновение ведут к достижению человеком свободы. Те же, кто упорствует в своей гордыне, лишь мнит себя свободным. Русский свободен, потому что он полон смирения; а смиренным становится человек, который чувствует свою связь с Богом»⁴⁶⁷. В пользу такого понимания свободы русскими выступает и Саломе. В книге «Райнер Мария Рильке» она разъясняет: «<...>для них, вне всякого сомнения, стремление к власти означает нечто совершенно иное, чем для европейских людей: а именно, по существу говоря, возложенную ношу или недоброе искушение, разобщение с тем братством, в котором только и есть родина и которого в вынужденном одиночестве власти лишаются. Покорность в тогдашней Европе была слабой, болезненной чертой характера, которая с самого начала парализует борьбу за существование, для русского народа – это органический признак устойчивой силы, так как акцент делается

⁴⁶⁷ Рябов О.В. «Матушка-Русь». С. 91-92.

на равенстве людей (“перед Богом”) вместо их различия (“для земных целей”)⁴⁶⁸.

В этом ключе рассмотрим диалог Муси и крестьянки Макаровой, в котором сталкиваются в вопросе свободы и подчинения западное и русское мировоззрение. Вопрос Макаровой «какие люди там, откуда ты приехала?» (Р, 307) заставил Марго задуматься: «У нас люди более замкнуты и не особенно любят поклоняться другим» (Р, 308). По сути, мысли Марго – «старое» обвинение русских в «рабском духе». Вслух она отвечает Макаровой: «Там люди считают: все обязаны быть равными, никто не должен стоять над ними». На что следует удивление крестьянки: «Как так – никто? Даже Бог и наш Государь?». Ответ иностранки, что Бог не имеет земной власти, возмущает крестьянку до глубины души: «Что же это за власть такая проклятая, которая не от Бога? – спросила Макарова с независимым видом. Она выпрямилась в маленьком оконном проёме, невольно приняв позу королевы, достоинство которой задето. Она вся собралась, так как увидела: я плохо воспитана. – Знай, матушка: без Бога нет уважения. В каждом, кто наделён властью и авторитетом, почитают одного только Бога. Они всё получили от Бога и должны возвратить ему, покидая этот мир. Да и кто не устыдится желания быть выше своих братьев?» (Р, 308). В миропонимании русского человека смирение воспринималось как добродетель, смирению противопоставлялась гордыня, считавшаяся грехом: «Гордыня рассматривалась как стремление человека к чрезмерному самоутверждению; поскольку при этом нарушалась сама божественная иерархия творений, гордыня трактовалась как соперничество с Богом и сатанинский грех»⁴⁶⁹. Для европейца, говорит О.В. Рябов, смирение и

⁴⁶⁸ «<...> für die, ohne Frage, das Machtstreben etwas ganz anderes bedeutet als für den europäischen Menschen: nämlich im Grunde eine auferlegte Last oder eine unguete Versuchung, ein Bruch mit jener Brüderlichkeit, in der allein man doch der Heimat inne wird und der notvollen Vereinzelnung enthoben. Was im übrigen Europa als schwächerer, ja kränklicher Wesenszug erschiene, der den Lebenskampf von vornherein lähmlegt, ist dort für das Volk eine natürliche Äußerung gesicherter Kraft, weil die Wertbetonung auf der Gleichheit der Menschen (“vor Gott”) anstatt auf ihrer Unterschiedenheit (vor den “irdischen Zielen”) liegt». Andreas-Salome L. Rainer Maria Rilke. – S. 24.

⁴⁶⁹ Рябов О.В. «Матушка-Русь». – С. 69.

мягкость равнозначны унижению, несвободе. У русских поощряемая православием мягкость превратилась в национальное качество, которое «проявляется в отношении ближнего как доброта, других народов – как миролюбие, власти – как покорность, жизненных обстоятельств – как терпение»⁴⁷⁰. Также модусами мягкости являются кенотизм (вспомним о сострадании к заключённым, о котором речь идет в «Дневнике путешествия...») и жертвенность.

На наш взгляд, автор повести намеренно сталкивает западную и русскую точки зрения на вопрос свободы, чтобы в очередной раз сделать из минуса плюс, показать западному читателю, как нужно понимать русского человека («представительское» направление волевого компонента национальной идентичности) и его «подчинение» властям. Русский человек ощущает себя свободным благодаря православной вере. «Это я понял, только вернувшись сюда: как неточно по смыслу слово “кабала” и насколько свободным делает народ благочестие. Их религия – отнюдь не религия людей, обречённых на тяжёлый, изнурительный труд, ибо над ними стоит только Бог, который их любит» (Р, 309), – объясняет Виталий «русскую свободу». В связи с этим его высказыванием вспоминаются его же слова о том, что отнять у народа православную веру, значит выдернуть устойчивую почву из-под ног, привести к неминуемому взрыву народных масс. «Стоит однажды поколебать устои веры – и всё обернётся адом! Не думай, что тогда можно будет помочь половинчатыми решениями – малыми делами, мягкими уговорами! Нет, камня на камне не останется, все могилы будут осквернены... Только один призыв будет в ходу: даешь новое небо и новую землю! И если смирение обернётся делом, тогда покорно “несущие свой крест” осознают себя народом великих свершений» (Р, 389). Возможно, эти слова Виталия появились в результате доработки повести в трагическую эпоху русских революций, но даже если так, следует признать глубину политико-философского анализа Саломе природы русского народа.

⁴⁷⁰ Рябов О.В. «Россия-Сфинкс». С. 38.

Русская действительность, история и культура

«Русские» произведения Саломе основаны на ее непосредственных впечатлениях, являются в этом смысле культурно-историческим свидетельством того, как благожелательно настроенная часть западной интеллигенции начала очаровываться Россией. Поэтому пятый дифференцирующий признак национальной идентичности – история и произведения искусства народа, уже бывшие предметом ее статей, в этих текстах затронут мало, и преимущественно в самом зрелом ее произведении, в повести «Родинка».

Это единственное ее произведение, в котором возникает **тема поэта** в России. Дмитрий Волуев обладает даром открывать в словах положительные стороны жизни, живописать словом. Поэтическое восприятие мира в то же время и беда Дмитрия, потому что всю окружающую действительность он видит поэтически утрированно и именно поэт в нём заставляет Дмитрия трактовать своё увлечение другой женщиной как предначертание свыше и наказать себя самоизгнанием из семьи: «Типичная судьба поэта! Играть с вещами, которые вовсе для этого не подходят, проиграть свою судьбу, а потом снова старательно выстраивать её, но уже где-то там, в облаках!» (Р, 364).

По мнению Виталия, дар слова – один из самых важных. Например, крестьянин Захар пользуется уважением среди собратьев за то, что сочиняет песни. Люди поют его песни во время общей работы, что их сплачивает. Сам Захар о своём таланте говорит: «Бог послал мне песню» (Р, 306), т.е. воспринимает его как дар свыше. Так же воспринимают его остальные крестьяне, потому так нужен, по мнению Виталия, Родинке и в целом крестьянам, поэт: «он мог бы им всё объяснить, отучить от всяких застарелых привычек. Он бы сумел без принуждения избавить их от заблуждений: так заболоченной реке помогают влиться в море. Только поэт

даёт больше, чем берёт, и не может иначе» (Р, 310). Слова поэта воспринимаются неграмотными как божье послание.

Татьяна считает, что только поэт имеет право писать, отражать в словах движения души. Она отказывается писать письмо Димитрию: «Я совершила ошибку, написав письмо, сделав предназначенное ему одному. Ему предназначено выражать самые возвышенные, самые человеческие чувства. Я же буду записывать только цифры, доходы и расходы, то, что приносит жизнь. Я больше не могу писать слова, идущие от сердца» (Р, 328). Её понимание предназначения поэта гипертрофированное. По мнению Виталия, задача поэзии намного значительнее, чем выражать чувства. Поэзия должна стремиться улучшить мир, «должна давать приют всему, что тянется к ней с надеждой, должна быть великодушной даже если расплачиваться за это приходится ей самой» (Р, 364). Назначение русского поэта – выразить в творчестве главные ценности национальной культуры, направлять народ, воодушевлять, и в этом Саломе совпадает с русской традицией гражданской поэзии. Но ничто не свидетельствует о том, что автор знает русскую литературу глубже простого знакомства со школьной классикой. В повести упоминается «небо Пушкина и Гоголя», есть и аллюзии к другим русским классикам, на уровне имен персонажей. Девичья фамилия матери Виталия – Ленская, что отсылает нас к Пушкину. Татьяна Волуева имеет, напомним, черты сходства и с пушкинской Татьяной, и с Наташей Ростовою. Русская музыка тоже воспринимается недифференцированно, и только изобразительные искусства (описание выставки передвижников в «Дневнике...») и архитектура становятся предметом информативных комментариев.

Как уже очевидно, для Саломе больше характерна отзывчивость не к образам, не к художественным впечатлениям, а к идеям, концепциям, то есть она обнаруживает национальную черту немецкой литературы – философичность. Говоря об образах Л. Толстого и Виталия Волуева, мы уже отметили, что писательница не разделяет просветительского пафоса

народников и толстовцев, считая, что **образование по западному образцу** подрывает православный мир.

В «Дневнике...» она много говорит о работе лично ей знакомых русских «просветителей», как она называет народников. Она описывает С.А. Левицкого как бескорыстного человека с чистой душой: «Он отказался от графского титула и больших поместий на юге России, чтобы жить для народа и по толстовским идеям. За честность и бескорыстие его здесь называют хрустальной душой. Очень симпатичен и прост в общении. Он говорил о последствиях и необходимости народного просвещения, которое он представляет» (RmR, 36)⁴⁷¹. В нем и его единомышленниках «так бесконечно много доброты, самоотверженности и идеализма» (RmR, 46)⁴⁷², но избранный ими путь по существу неверный. **Русский интеллигент** несёт свою образованность как кару и мученичество; полученное им западное образование, по Саломе, разрушило его связь с народом, он «не распознаёт до конца внутренние духовные предпосылки» народа. Но несмотря на зараженность атеизмом и нигилизмом, русские интеллигенты всё ещё «несомненные дети своего Бога» (RmR, 49; 47)⁴⁷³.

По вопросу **женского движения**, Саломе верно описывает уровень его развития в России рубежа веков, когда в романе «Ма» говорит о стремлении Циты и Софи уехать учиться за границу не столько ради получения профессии (высшее образование в России для женщин уже было возможно), сколько ради участия в берлинском женском движении за равноправие женщин, аналога которому в 1899-1900 гг. в России ещё не существовало. В России интерес к женскому движению оживился с 1905-06 гг., когда на публичных съездах и собраниях стали читаться доклады по женскому

⁴⁷¹ «Er hat Grafentitel und große Güter in Südrußland abgelegt, um ganz dem Volk und nach Tolstoi'schen Ideen zu leben. Mann nennt ihn hier seiner Lauterkeit und Selbstlosigkeit halber хрустальная душа. Höchst sympatisch u. einfach im Wesen. Er sprach über die Wirkungen und Notwendigkeit der Volksaufklärung, die er vertritt».

⁴⁷² «so unendlich viel Güte, Opfermut und Idealismus».

⁴⁷³ «kennt nicht deren innere seelische Bedingungen ganz»; «ihres Gottes ganz gewisse Kinder».

вопросу⁴⁷⁴. На момент написания романа Саломе женское движение в России не было распространено.

Социально-политическая насыщенность «Родинки» заставляет автора дать элементы современной российской **истории**, объясняющие духовный склад и эволюцию героев повести. Русско-турецкая война 1877-1878 гг., славянофильство, движение народников, терроризм и убийство Александра II, бедность крестьянства, просвещение крестьян и рабочих энтузиастами-народниками, отток народа из деревень в города, недовольство «образованных» рабочих своим положением – вот исторический фон, который служит для формирования «духа эпохи» в повести. Эти события и тенденции функционируют в «Родинке» по-разному, вне прямой связи с их реальным историческим значением.

Так, русско-турецкую войну писательница рисует как важный этап в формировании личности Виталия Волуева, а также, чтобы подчеркнуть его «русскость» в противоположность «немецкости» рассказчицы и её семьи. Описание военных действий в произведении отсутствует. Известно лишь, что Виталий был ранен в бою на Шипке осколком гранаты. Но этого упоминания для современников было достаточно, чтобы понять, что пережил герой. Вся страна по газетам следила за ходом боевых действий. Вот что могли бы узнать Марго, её братья и их современники из газет: героическая защита Шипкинского перевала началась утром 21 августа 1877 г. Против армии Сулеймана-паши с русской стороны был только один полк (36-й Орловский), 27 орудий и 5 дружин болгарских ополченцев. Оборона проходила в тяжелейших условиях, окопы рыли руками под прямой вражеской бомбардировкой. Потому понятно, что лишившийся в бою правой руки Виталий для Марго и её братьев становится героем, русским богатырём, спасшим родину от врага: «Виталий до такой степени превратился для нас в героя из легенды, что весть о нём мы восприняли как весть о самой России. Он стал символом победы» (Р, 212).

⁴⁷⁴ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. – Тверь: Феминист-Пресс, 2004.

Естественно, что героический Виталий примыкает к наиболее благородному и опасному делу молодежи его поколения. Саломе описывает события 1870-х-80-х гг. сжато, аналитично, с дистанции: «Вследствие реакционного поворота во взглядах некогда восторженно приветствуемого “царя-освободителя” в среде свободолобивой молодёжи нарастало опасное брожение, пока – после движения “друзей народа” последнего десятилетия и просветительской деятельности “народников” на селе – дело не дошло до образования революционного исполнительного комитета и до террора» (Р, 213-214). О том, что Виталий имел отношение к террористическому народничеству, говорят в повести многочисленные детали-намёки: описание его изношенной одежды и потрёпанного вида, то, что он хранит фотографию первой террористки – «снимок уже несколько лет назад бежавшей за границу Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова, оправданной судом присяжных и вынесенной публикой из зала заседаний на руках» (Р, 221). В дом отца Марго вместе с Виталием часто приходят его «странные друзья», они закрываются в комнате братьев и подолгу горячо спорят о чём-то. Особенно запомнилась Марго девушка Надя, которая пожертвовала своей любовью и самой жизнью делу просвещения народа. «Она родилась в деревне, училась в столице на Высших бестужевских женских курсах, но одновременно организовала частным порядком свои собственные маленькие курсы, на которых она тайно учила нескольких неграмотных фабричных рабочих и домашних слуг. <...> Мы ожидали встретить героическую женщину, а увидели маленькую белокурую девушку, невероятно хрупкую в своём поношенном тёмном платье, с самыми нежными в мире глазами» (Р, 217). Несмотря на хрупкую внешность и тихий голос, Надя занимает в кругу друзей Виталия главенствующее положение. Она «не страшась даже дьявола, гневно обличала противников народного блага» (Р, 222), убедительно высказывая свою точку зрения, и остальные прислушивались к её мнению и шли за ней. Главное же – она «фанатично верила в получавшее распространение в её кругах марксистское учение, согласно которому всё

дальнейшее развитие неотвратимо подчинялось логической схеме» (Р, 220). И хотя многих, как Виталия, это учение отталкивало, они не могли его опровергнуть.

Многолюдные собрания становятся в царской России всё опаснее: «Бывшего друга Михаэля, студента, занимавшегося, по слухам, распространением запрещённой литературы, посадили в тюрьму; все подозревали друг друга, и даже самые безобидные встречи вчетвером или впятером не были гарантированы от полицейского вмешательства» (Р, 216). Поэтому Виталий всё реже появляется в доме Муси и её братьев, чтобы обезопасить своих немецких друзей. Спустя какое-то время она начинает понимать, кто были эти студенты и что Виталий «в полной мере делил с ними кров, голод и все трудности и делал это под чужим именем и с чужим паспортом» (Р, 223). Преследования полиции приводят к тому, что участники Надиного кружка разъезжаются из столицы. О судьбе Нади Мусы и её братья позже узнают, что «она посвятила себя деятельности, последствия которой обрекли её на заточение в Шлиссельбургскую крепость и на смерть более скорую, чем если бы это случилось в результате чахотки» (Р, 223-224).

К 1890-м гг. культурно-просветительская работа в народе уже была принята правительством. Поэтому деятельность, которую разворачивает в деревне Виталий – строительство чайных и организация школы кружевниц, занятия с крестьянами – имеет легальный характер. В то же время его многочисленные отлучки из поместья свидетельствуют о продолжении им подпольной деятельности. Достоверность историко-политического фона повести определяет ее финал. Виталий уходит из поместья Родинка, чтобы уберечь семью от преследований власти. Повесть, таким образом, показывает, что Саломе в целом разделяет свойственное русской литературе XIX века противопоставление народа и патриотов России официальным институтам власти, однако суждений о природе русского государства в ней нет.

События повести заканчиваются рубежом веков, но в тексте присутствуют намёки на приближающуюся революционную бурю, которая накроет страну. Они сначала звучат неявно, но чем ближе к концу повести, тем сильнее тревожные ноты: в недосказанных словах Муси и Виталия, в истерическом срыве Виги («Вы разве ничего не слышите? А я слышу! Всё ближе и ближе шум, всё оглушительнее грохот... земля дрожит под ногами... это колёса!» Р, 394), в предчувствии героиней надвигающегося ужаса во всем: в стрекотании сверчка, «который пронзительно скрипел мне в уши, будто стараясь во что бы то ни стало перекричать этот ужас» или в том, как выглядела трава на обочине просёлочной дороги – «будто её пригнуло к земле что-то ужасное» (Р, 406).

Так более внимательное следование действительности, расширение горизонта изображения России от природно-историософского, вычитанного на основе предвзятого изучения русской культуры, до реально-политического, позволяет автору дать в «Родинке» не просто исторически более точную, но наиболее многоаспектную и проблемную панораму России.

Заключение

Проведенное исследование приводит нас к следующим выводам.

Обращение немецкой писательницы Лу Андреас-Саломе к теме России в произведениях 1899-1923 гг. обусловлено комплексом биографических и идеологических причин. До первого путешествия в Россию с Р.М. Рильке родная страна ассоциировалась у нее только с остававшейся в России семьей. Поднявшаяся в конце XIX в. волна интереса к России на Западе, связанная с экономико-политическим ростом молодого русского капитализма, с появлением переводов русской классики (Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова) помогла Саломе завоевать свою нишу в культурном пространстве немецкоязычных стран в качестве авторитетного источника сведений по современной культурной ситуации в России. Роль посредника, пропагандиста русской культуры биографически случайно, но на высшем уровне закономерно, привела ее к знакомству с Р.М. Рильке, ранее уже сформировавшему, а в союзе с Саломе развившему, нетипичную для западной мысли утопическую картину России как хранительницы природно-духовных ценностей человечества, утраченных на Западе. Поездки в Россию с Рильке 1899 и 1900 гг. утвердили их в радужном видении России и русского народа-богоносца; в своем изучении русской культуры Рильке и Саломе оказались близки русской славянофильской, почвеннической традиции.

Поездки с Рильке пробудили Саломе от эмоционального безразличия к родной стране; оставаясь по языку, гражданству, культуре немкой, она с 39 лет начинает культивировать в себе элементы русской национальной идентичности, все больше стилизует себя под русскую, никогда не становясь ею до конца. В ходе Первой мировой войны и особенно после русской революции физически недостижимая для нее более Россия становится пространством ностальгических воспоминаний, и поздняя повесть «Родинка»

свидетельствует о попытке выйти за узкие рамки утопического видения России и попытаться поставить вопрос о закономерности произошедшей ужасной катастрофы.

В ходе исследования трёх произведений Лу Андреас-Саломе через призму категории национальной идентичности были проанализированы структуры, из которых складывается образ России, выявлены средства, с помощью которых автор создаёт этот образ, и определены конститутивные черты образа страны.

Все три произведения базируются на центральной для категории национальной идентичности оппозиции «Свой» / «Чужой». В оппозициях Россия / Германия, Восток / Запад, Азия / Европа (где под Востоком и Азией также подразумевается Россия) первый компонент (в общем значении текстов, а не в мнении отдельных действующих лиц) имеет положительный знак, а второй выступает со знаком минус. В концепции Азии наличествуют черты первозданности, неиспорченности современной цивилизацией, возвращения к правильной первооснове жизни. В рамках пространственного, этнического, культурного разнообразия разных частей Российской империи великорусское контрастирует с украинским и татарским, причем национальное опять же оценивается положительно, а субнациональное отрицательно.

В антитезе Петербург / Москва первый – финский-нерусский-заграничный, но и современный, европейский, соответствующий духовным запросам нового поколения, в то время как Москва является азиатской, но и выступает символическим центром России, сохранившим, в противоположность столице, подлинную русскость. Москва вбирает в себя значения матери и дома для русского человека.

Однако на повествовательном уровне «Своим» оказывается образ рассказчицы-немки, которая очень сочувственно, но с любопытством иностранки, рассудочного человека Запада, открывает для себя русский простор, характер, быт, систему ценностей народа. Из русских персонажей

беллетристики Саломе центральными для каждого произведения становятся образы европеизированных русских из дворян (Волуевы), либо получивших образование на Западе (доктор Томасов). В путевой прозе доминирует образ Л.Н. Толстого как живого воплощения мудрости русского народа. В беллетристике важны образ дворянки, бабушки, уходящей в прошлое вместе со старым миром и его ценностями; образ духовной женственности, верной спутницы мужа; образ матери, исполненной всеохватной любви к детям; образ патриота, сына своей страны; образ поэта. Совокупность этих образов и раскрывает представления автора о национальной идентичности русских.

Столь превозносимое автором крестьянство, русский народ, показан по преимуществу обезличено, его портрет складывается из множества кратких зарисовок, беглых эпизодов. Даже когда крестьяне названы по имени, автор разумно не делает попыток создать их психологизированные характеры, вероятно, сознавая, что это выше ее возможностей. Несколько лубочные портреты народных персонажей во всех трех текстах вступают в известное противоречие с ее восхищением невыразимой мудростью русского народа, его слиянностью с Богом и природой, которые скорее настойчиво декларируются автором, чем художественно раскрываются. Так сама система персонажей в каждом из текстов свидетельствует в пользу преобладания в авторе европейской, а не русской идентичности.

Из проведенного сопоставительного анализа текстов на уровне дифференцирующих признаков национальной идентичности гибридность авторской позиции следует еще очевидней. Несмотря на отмеченные жанровые и повествовательные различия, путевая проза, роман и повесть Саломе обнаруживают внутреннее единство авторской позиции (которая несколько осложняется в случае «Родинки»), тематическое, проблемное, мотивное и стилевое единство. Все они используют традиционные западные представления о России. Во всех трех текстах присутствуют следующие базовые стереотипы:

широта и нехватность русской земли и связанная с разобщённостью поселений отсталость народа, невозможность преодоления пространства доступными транспортно-техническими средствами (эмблема материальной культуры – тройка лошадей);

неблагоприятные для человека климатические условия, обусловленные географическим расположением страны на северо-востоке континента: холодные зимы, позднее наступление весны, короткое лето (эмблемы материальной культуры – снег, сани);

православие как способ миропонимания (эмблемы материальной культуры – икона, храм);

отсталость, связанная с наличием необжитых и неосвоенных сельским хозяйством «диких» земель, с неграмотностью и чрезмерной набожностью большей части населения страны (эмблема материальной культуры – бездорожье, степь);

спорадический характер труда в русском народе, связанный с климатическими условиями и историческим наследием;

простота характера как следствие близости русских к природе, называемая еще широтой души и проявляющаяся в гостеприимстве (эмблема материальной культуры – самовар, чай);

пьянство (эмблема материальной культуры – водка).

Мы рассмотрели эти стереотипы по их принадлежности к разным уровням национальной идентичности и показали, что, как правило, Саломе проблематизирует расхожие представления, преподносит их с новой для западного читателя стороны, работая на улучшение образа России в его сознании. Эти новые обертоны в интерпретации русской идентичности классифицируются следующим образом:

На конфессиональном уровне православие показано как историческая и по сей день живая основа идентичности русского народа. Саломе возводит к особенностям православия мироощущение русских и их непосредственное, детски-открытое отношение к миру, ощущение всеобщего братства как

следствие идеи равенства перед Богом, недоверие к мирской власти, потому что она заведомо ниже власти Бога, а также терпение как проявление бесконечного доверия Богу. Автор разграничивает православие в духовной и повседневной жизни русских, которое описывается с живой заинтересованностью и восхищением (церковная архитектура, колокольный звон, прекрасные иконы, праздники православного календаря создают ощущение красочного праздника народной жизни), тогда как официальные структуры русской церкви подвергаются суровой критике.

Второй дифференцирующий признак национальной идентичности, язык, в нашем случае предопределен принадлежностью исследуемых текстов к немецкой литературе. Тексты повестей свидетельствуют, что вкрапления русских слов на кириллице были для автора средством создания местного колорита, передачи русской экзотики. Повышение уровня рефлексии о языке, отмеченное в «Ма» и «Родинке», все же оставляет автора в привычном поле разноязыкого общения (языки общения персонажей сюжетно обоснованы – французский, немецкий, русский).

Наиболее интересно работает Саломе с описываемым пространством, которое наряду с православием становится у нее ключом к русской идентичности. Щемящий душу русский простор открывается ей во время путешествия на пароходе по Волге, вызывая поток философско-лирических раздумий. Волжский пейзаж для автора – самый эмоционально заряженный в России, Волга – это первая сакральная ось Руси. Символическим центром России становится у Саломе по-азиатски разноцветная Москва, а центром Москвы – Кремль.

Пространственная оппозиция терем / изба задействована в описании бытового подуровня системы ценностей русского народа, тогда как живым воплощением его лучших свойств является Л.Н. Толстой, благоговейно описанный в «России с Райнером». Однако второй образцовый персонаж путевой прозы, Н. Толстой и члены его семейства, оказались более продуктивны для творчества Саломе, послужив прототипами «Родинки».

Наконец, уровень истории, культуры и художественного творчества выявил неожиданно слабое владение Саломе этой стороной русской идентичности. Сильная сторона любимой собеседницы Ницше – работа с историческими универсалиями, с уровнем философии истории, судеб наций и Европы, а конкретика ее мало интересует. Политические стереотипы, которыми оперирует автор, – деспотизм царской власти, угнетенное положение крестьянства, невозможность реализации отдельно взятой личностью собственного потенциала; дикость, варварство, неразвитость, нецивилизованность и, как оборотная сторона, близость к природе, взаимодействие с окружающей средой на таком глубинном уровне, когда она способна давать измученному человеку силу продолжать жить, излечивать душу и тело; равенство и братство, связанные с православным миропониманием, где каждый человек – сын божий, все люди одинаково равны перед Господом, и потому друг другу – братья. Произведения отражают средний уровень знаний автора по истории России, стандартный прогрессивный взгляд на политическую ситуацию, общее сочувствие к народническому движению, несмотря на убежденность в неправильности пути русской интеллигенции, подрывающей духовное здоровье и веру народа. Далее, оказалось, что несмотря на свою роль популяризатора русской литературы в немецких журналах, Саломе практически не использует в своих текстах о России литературную составляющую национальной идентичности. Аллюзии к произведениям А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского крайне немногочисленны и носят стереотипный характер – христосообразный облик русских; аморфная, асексуальная, сосредоточенная на духовной любви женственность.

В «Родинке» Саломе дает почувствовать глубину сложившихся в России противоречий, их потенциальный трагизм: личность с глубокими задатками, широко мыслящая, но окутанная путами традиционного православного уклада в определённый момент, чтобы не перейти запретную грань, должна остановиться в своём развитии. Таким образом, традиции и

вера – препятствия на пути к саморазвитию образованного индивида. Верность долгу и чести как раз и порождают отказ от личного счастья и жертвенность и делают, по мнению автора, русских дворян близкими монашеской аскезе. Традиционное дворянство Саломе явно симпатичнее, чем прозападное, которое отвернулось от своих истоков и ориентируется на достижения западных мыслителей. Женские образы в произведениях также окутаны ореолом жертвенности во имя материнства, семейных ценностей. Тема материнства подается в связи с символикой Богородицы как защитницы России.

Необычная для западного деятеля культуры степень знакомства Лу Андреас-Саломе с Россией и ее поздно проснувшаяся любовь к родине позволили ей создать художественные произведения, предлагавшие западному читателю заманчивый, притягательный, в высшей степени положительный образ России, в котором критический элемент присутствует, но, в противоположность немецкой традиции, носит в целом сочувствующий характер. Тенденциозная попытка представить Россию как духовный ресурс для будущего Европы у Саломе отмечена всеми особенностями породившей эту попытку эпохи; промежуточная национальная идентичность автора отвечает как за сильные, так и за слабые стороны рассмотренных произведений.

Список сокращений

- М – «Ма», 5.
 ПП – «Прожитое и пережитое», 11.
 Р – «Родинка», 11.
 RmR – «Россия с Райнером: Дневник путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году», 9.

Список литературы

I Тексты Лу Андреас-Саломе

1. Als käm ich zu Vater und Schwester. Lou Andreas-Salome – Anna Freud: Briefwechsel 1919-1937. Bd. 2. / Herausgegeben von Daria A. Rothe und Inge Weber. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2001.
2. Andreas-Salome L. Der geistliche Russe // Reprinted by permission of Dr. Bella Schlesinger. – Nendeln, Liechtenstein: Kraus-Thomson organization Ltd., 1970.
3. Andreas-Salomé L. Fridrich Nietzsche in Seinen Werken. – Wien: Verlag von Carl Konegen, 1894.
4. Andreas-Salome L. Lebensrückblick: Grundrив einiger Lebenserinnerungen. // Aus dem Nachlav herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Neu durchgesehene Ausgabe mit einem Nachwort des Herausgebers. – Frankfurt a.Main, Leipzig: Insel Verlag, 2000.
5. Andreas-Salome L. Ma: Roman // Mit einem Nachw. von Heidi Gidion. – Frankfurt a.M; Berlin: Ullstein, 1996.
6. Andreas-Salome L. Mein Dank an Freud. – Wien: Internationaler psychoanalytischer Verlag, 1931.
7. Andreas-Salome L. Rainer Maria Rilke. – Leipzig: Insel Verlag, 1928.
8. Andreas-Salome L. Rodinka: Russische Erinnerung // Mit einem Nachwort von Jutta Prasse. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1985.
9. Andreas-Salome L. Russland mit Rainer. Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. // Hrsg. von Stephane Michaud in Verbindung mit Dorothee Pfeiffer. Mit einem Vorwort von Brigitte Kronauer. – Marbach: Deutsche Schillergesellschaft, 1999.
10. Rainer Maria Rilke, Lou Andreas-Salome: Briefwechsel (1897-1926) // Herausgegeben von Ernst Pfeiffer. – Frankfurt a.Main: Insel Verlag, 1989.

11. Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Пер. с нем. и предисл. В. Седелника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
12. Андреас-Саломе Лу. Фридрих Ницше в своих произведениях // Северный вестник. – СПб, 1896, № 3. – С. 273–295; № 4. – С. 253–273; № 5. – С. 225–240.
13. Андреас-Саломе Л. Фридрих Ницше в зеркале его творчества [электронный ресурс] http://royallib.com/book/andreassalome_lu/fridrih_nitsshe_v_zerkale_ego_tvorchestva.html
14. Андреас-Саломе Л. Эротика: тексты по философии / Пер. с нем. М.М. Бочкарёвой. – Ижевск: ERGO, 2011.

II Проблема национальной идентичности

15. Алёхина С.Н. Дом и человек в русской ментальности (философские искания В.В. Розанова) // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 173-178.
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
17. Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально философский анализ). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук. – Волгоград. 2005.
18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
19. Беспалова Т.В. Русская национальная идентичность / Т.В. Беспалова, В.Ю. Верещагин, Г.А. Филатов. – Ростов н.Д: СКНЦ ВШ, 2005.
20. Биллиг М. Нации и языки / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2005, №4 (49). – С. 60-86.
21. Богатырёва Е.Н. Теоретические модели идентичности в потоке социальных изменений // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – С. 4-12.
22. Бройи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. // Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 201-235.
23. Бхабха Х. Местонахождение культуры / Пер. с англ. Г. Гобзема. // Перекрёстки. – 2005, №3-4. – С. 177-178.

24. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007.
25. Геллнер Э. Нации и национализм [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php
26. Гердер И.В. Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Послесл. А.В. Гулыги. – М.: Наука, 1977.
27. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
28. Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук / Картина мира и способы её репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск) / Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 13-38.
29. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, ХРАНИТЕЛЬ. 2007.
30. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2005, №4 (49). – С. 20-48.
31. Елистратов В. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом) // Россия и Запад: диалог культур. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1994. – С. 6-18.
32. Елфимов А.Л. Клиффорд Гирц: интерпретация культур // Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 525-549.
33. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов н.Д.: изд-во Северо-Кавказского научн. центра высшей школы, 1999.
34. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2008.
35. Кабанова И.В. Джулиан Барнс в поиске национальной идентичности // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – С. 164-172.
36. Кабанова И.В. Теории национальной идентичности // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 24. – Воронеж, 2006. – С. 210-219.
37. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография: В 2 ч. / Ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.

38. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном // Современная литературная теория / Сост., пер. и прим. И.В.Кабановой. – М.: Наука-Флинта, 2004. – С. 149-155.
39. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2000.
40. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А. В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
41. Левинас Э. Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.
42. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов. – М.: Политиздат, 1979.
43. Лукина А.В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. – 2004, № 33. – С.238-246.
44. Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко – методологический аспект). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. культурологи. – Екатеринбург, 2004.
45. Малкина С.М. Проблема идентичности в постструктурализме // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 23-33.
46. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002.
47. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992, № 5-6. – С. 12-19.
48. Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. – Челябинск: Социум, 2006.
49. Могилевич Б.Р. Язык и национальная идентичность в контексте межкультурной коммуникации // Проблемы идентичности в современном мире: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.Н. Богатырёва. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 114-124.
50. Намлинская О.О. Русская национальная идентичность в молодёжной среде [электронный ресурс] <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Namlinskaja/>
51. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.// Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002.
52. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.
53. Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004.

54. Осмонова Н.И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ.ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 158-165.
55. Попова М.К. Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.
56. Попова М.К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху / М.К. Попова, П.А. Бороздина, Т.А. Тернова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006.
57. Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001, №2. – С. 45-48.
58. Попов С. А. Топонимические легенды как особый взгляд русского народа на местные географические названия и их происхождение // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 81-88.
59. Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Мат. науч. конф. (Воронеж – Задонск, 3-6 июня 2000 г.): в 2 т. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000.
60. Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: Материалы школы-семинара. (Воронеж, 25-30 июня 2001): в 2 т. – Воронеж: Полиграф, 2001.
61. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 тт. / Пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 87-101.
62. Рябов О.В. Матушка-Русь и её защитники: Гендерные аспекты конструирования образа русской интеллигенции в контексте историософских поисков национальной идентичности // Интеллигенция и мир. – 2001, №2/3. – С. 75-81.
63. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. – М.: Ладомир, 2001.
64. Рябов О.В. «Mother Russia»: Гендерный аспект образа России в западной историософии // Общественные науки и современность. – 2000, № 4. – С. 116-122.
65. Рябов О.В. «Россия-Сфинкс»: Гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 36-46.
66. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). – Иваново: Юнона, 1999.

67. Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб: Русский мир, 2006.
68. Сидорова О.Г. Английский язык и конфликт культур в постколониальном романе // Известия Уральского государственного университета. – 2003, № 28. – С. 139-147.
69. Тишков В. Научные труды [электронный ресурс] <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3.html>
70. Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. / Сост., общая ред. Г.К. Косикова. – М.: изд-во МГУ, 1987. – С. 72-94.
71. Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. – 2005, № 4 (49). – С. 141-155.
72. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998.
73. Художественная жизнь современного общества. – Т 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Отв. редактор К. Б. Соколов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
74. Цветкова М.В. Концепт «Englishness»: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Мат. науч. конф. – Воронеж: ЦЧКИ, 2000. – Т. 2. – С. 87-93.
75. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. – 2000, №1. – С. 51-67.
76. Шифкорн А. Оппозиция «свое» и «чужое» в европейской политике // Межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, В.М. Бухпров и др. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – С. 234-235.
77. Шишкина Г.Ю. Национальная концептосфера в литературе: современный взгляд на проблему // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 537-541.
78. Шоре Э. Чужой мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности в произведениях Надежды Дуровой и Елены Ган // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. – Тверь: Лилия Принт, 2006. – С.204-221.
79. Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000.
80. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996.

81. Южалина Н.С. Менталитет как социокультурная целостность. Автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. культурологии. – Челябинск, 2003.
82. Bhabha H.K. *DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation* // *Nation and Narration*. – L., N.Y: Roudedge, 1990. – P. 291-323.
83. Deutsch K. *Nationalism and Social Communication: an Inquiry into the Foundations of Nationality*. – Cambridge: MIT Press, 1966.
84. *Deutschland-Italien und die slavische Kultur der Jahrhundertwende: Phaenomene europaeischer Identitaet und Alteritaet* / Gerhard Ressel (Hrsg.). – Frankfurt a.Main: Peter Lang Verlag, 2005.
85. Freud S. *Massenpsychologie und Ich-Analyse*. – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.
86. Langford P. *Englishness Identified: Manners and Character 1650-1850*. – Oxford: Oxford UP, 2000.
87. Smith A.D. *National Identities: Modern and Medieval* // *Concepts of National Identity in the Middle Ages*. Ed. by Simon Forde, Lesley Johnson and Alan V. Murrey. – Leeds: School of English, University of Leeds, 1995. – P. 21–46.
88. Smith A.D. *Nationalism and Modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism*. – N.Y., L.: Routledge, 1998.
89. Smith A.D. *Myths and Memories of the Nation*. – Oxford: Oxford UP, 1999.
90. Smith A.D. *The Origins of Nations* // *Nations and Identities: Classic Readings*. – Massachusetts, Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – P. 333-353.

III Образ России на Западе

91. Аветисян В.А. Концепция истории России в немецком Просвещении // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 4-5.
92. Аветисян В.А. К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // Пушкин. Исследования и материалы. Вып. XV. – СПб., 1995. – С. 155-160.
93. Алексеев М.П. Пауль Флеминг в Москве и на Волге // *Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты* / Сост. В.Е. Багно. – СПб.: Обществ. Объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга, 2001. – С. 29-65.
94. Андрющкина Т.Н. Образ России в немецкой сонетистике // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 9-10.

95. Архенгольц И.В. История семилетней войны. – Москва: АСТ, 2001.
96. Бердяев Н. Судьба России. – М.: Сов. Писатель, 1990.
97. Бердяев Н. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008.
98. Бернгарди Ф. Наша будущность: воззвание к германскому народу / Пер. с нем. М. Жебрака; под. ред. Д.К. Лебедева. – СПб.: Изд. В.А. Березовского, 1914.
99. Герберштейн С. Записки о Московии // Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
100. Гуревич П. Старые и новые расовые мифы [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/gur_starnov.php
101. Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию // Перевод с фр. В.А. Ишечкина, вступ. ст. и примеч. В.А. Ишечкин. – М.: Спутник +, 2009.
102. Зубков В.С. Пушкин глазами немцев [электронный ресурс] <http://library.wksu.kz/dmdocuments/%D0%97%D1%83%D0%B1%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%D0%A1..pdf>
103. Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Полное собрание сочинений в 30 тт. – Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – С. 129-149.
104. Дудова Л.В. Россия времени Павла I в записках Августа фон Коцебу // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада: Сборник статей и материалов / Отв. ред. М.И. Никола. – М.: МПГУ, 2008. – С. 47-53.
105. Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. –2005, №3. – С. 158-159.
106. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-54 гг. – М., Париж: Парог, 1992.
107. Кернер Т. Москва // Пер. с нем. А.А. Фета [электронный ресурс] <http://www.chistylist.ru/stihotvorenje/moskva-iz-kernera/fet-a-a>
108. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. // И.В. Киреевский. Избр. Статьи. – М.: Современник, 1984.
109. Кожин В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. К 160-летию знаменитого путешествия // Москва. – 1999, № 3, то же [электронный ресурс] <http://kozhinov.voskres.ru/articles/kustin.htm>
110. Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания. / Послесл. Г.И. Ратгауза. – М.: Аграф, 2001.
111. Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной и И. Стаф. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

112. Максикова Н.А. Россия на страницах книги И.Г. Зейме «Моё лето 1805 года» // Вестник дагестанского государственного университета. Серия Филологические науки. – Махачкала: Дагестанский государственный университет. – 2010, №3.– С. 41-50.
113. Мильчина В. Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Кюстин А. Россия в 1839 году. – Т. 1. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной и И. Стаф. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.– С. 381-395.
114. Мяло К.Г. Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина [электронный ресурс] <http://www.pseudology.org/Literature/HozhdenieMyalo.htm>
115. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Пер. с нем. А.М. Ловягин. – Смоленск: Русич, 2003.
116. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук: в 3 ч.: в 5 кн. – СПб.: Альфарет, 2007.
117. Рильке Р.М. Ворпсведе, Огюст Роден, Письма, Стихи. – М.: Искусство, 1971.
118. Свасьян К.А. «Ницше или Как становятся Богом (Две вариации на одну судьбу)»: История одного поражения. 3. Испытание пустотой. // Ницше Ф. [электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/svasian/?curPos=2>
119. Тютчев Ф.И. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» (Россия и Германия) / Перевод с франц. В. Мильчиной. Публ. В. Мильчиной и А. Осповата. Вступ. заметка А. Осповата // Тютчевский сборник II. – Тарту: Ээсти раамат, 1999. – С. 202-226.
120. Фарнгаген фон Энзе К.А. Сочинения Александра Пушкина // Отечественные записки. – 1839, Т. 3, № 5, раздел VIII. – С. 11-12.
121. Belko S. Das Russlandbild in der Reiseliteratur ausgewählter europäischer Länder. Diplomarbeit. – München: GRIN Verlag GmbH, 2006.
122. Beyrau D. Rubland und Europa // Reformen in Rubland des 19. und 20. Jahrhunderts: westliche Modelle und Russische Erfahrungen.// Hrsg. von Dietrich Beyrou, Igor Ninurov u. Michael Stolleis. – Frankfurt a.Mein: Klostermann, 1996.
123. Bova R. Russia and Western Civilization: Cultural and Historical Encounters. – Routledge, 2003.
124. Boym S. Private Life and Russian Soul // Boym S. Common Places: The Mythologies of Everyday Life in Russia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. – P. 73-94.
125. Groh D. Rubland im Blick Europa: 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt a.Main: Suhrkamp, 1988.
126. Haxthausen A. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. – Hildesheim; N.Y.: G. Olms, 1973.

127. Malia M. *Russia Under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. – Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University, 1999.
128. Rückert F. *Geharnischte Sonette*. – Offenbach: Gerstung, 1913.
129. Schiemann T. *Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I.* – Charleston, SC: Nabu Press, 2010.
130. Sigrist Ch. *Das Russlandbild des Marquis de Custine. Von der Zivilisationskritik zur Russlandfeindlichkeit*. – Frankfurt a. Main, N.Y.: Peter Lang Verlag, 1990.
131. *Unsere Russen – Unsere Deutschen. Bilder vom Anderen. 1800 bis 2000*. – Berlin: Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst, 2008.

IV Литература о жизни и творчестве Андреас-Саломе

132. Азадовский К.М. *Рильке и Россия: Статьи и публикации*. – М.: Новое литературное издание, 2011.
133. Азадовский К. М. *Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души»* / К.М. Азадовский // *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Петрополис, 2010. – С. 281-316.
134. Гармаш Л. *Лу Саломе. (Удивительная история жизни и приключений духа Лу фон Саломе)* [электронный ресурс] <http://www.nietzsche.ru/biograf/lu.php?1>
135. Делез Ж. *Ницше*. Пер. с фр. С.Л.Фокина. – СПб.: АХИОМА, 2001.
136. Делез Ж. *Ницше* [электронный ресурс] http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/nicshe.php; Deleuze
137. Жиру Ф. *История свободной женщины* / Пер. с фр. Е. Мурашкинцевой. – М.: КоЛибри, 2005.
138. Кукус А.А. *Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Переходный возраст как тема и образ (Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович): Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова*. – М., 2003.
139. Мазин В. *Роковая женщина Лу Андреас-Саломе // Wien und St-Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции*. – St.Petersburg: XXI VEK, 2001. Bd. 4/II. (1999/2000). – S. 552-562.
140. Пастернак Б.Л. *Собрание сочинений: в 5 тт.* – Т.4: Повести. Статьи. Очерки. – М.: Художественная литература, 1991.

141. Свасьян К.А. Хроника жизни Фридриха Ницше // Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. □ С. 813-827.
142. Седельник В. Признания и недомолвки Лу Андреас-Саломе // Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое / Пер. с нем. В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 7-16.
143. Синеокая Ю.В. Фридрих Ницше и Лу Саломе: «На гребнях волн бытия» // Историко-философский ежегодник 2014. – М.: Канон, 2014. – С. 83-118.
144. Хольтхаузен Г.Э. Райнер Мария Рильке: сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Пер. с нем. Н.Болдырева – Челябинск: Урал LTD, 1998.
145. Эрлихман В. Лу Саломе: «Чудесный клубок жизни» // Биография. – 2008, №4. – С. 145-156.
146. Эткинд А. На грани миров и эпох: жизнь и работа Лу Андреас-Саломе // Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. – СПб: МЕДУЗА, 1993. – С. 13-46.
147. Asadowski K. Rilke und Rußland: neue Aspekte // Peter Demetz, Joachim W. Storck, Hans Dieter Zimmermann. Rilke: ein europäischer Dichter aus Prag. – Würzburg: Königshausen&Neumann, 1998. – S. 105-114.
148. Biddy M. Woman and Modernity: The (Life)Styles of Lou Andreas-Salomé. – N.Y.: Cornell UP, 1991.
149. Binion R. Frau Lou: Nietzsche's Wayward Disciple. With a fore-word by Walter Kaufmann. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968.
150. Cormican M. Women in the Works of Lou Andreas-Salome: Negotiating Identity. – Rochester, NY: Camden House, 2009.
151. Deleuze G. Le Mystère d'Ariane // Bulletin de la Société Française d'Etudes Nietzscheennes. – 1963, № 3. – P. 12 □ 15.
152. Diethe C. Nietzsche's women: beyond the whip. – Berlin-NY: de Gruyter, 1996.
153. Diethe C. Nietzsche's sister and the will to power: a biography of Elisabeth Förster-Nietzsche. – Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 2003.
154. Etkind A. Sigmund Freud und sein Kreis // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Band 4: 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Hein Korn. – München: Fink, 2000. – S. 1057-1073.
155. Gahlinger Ch. Der Weg zur weiblichen Autonomie. Zur Psychologie der Selbstwerdung im literarischen Werk von Lou Andreas-Salome. – Bern: Peter Lang Verlag, 2001.
156. Gidion H. Nachwort // Andreas-Salome L. Ma: Roman. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1996. – S. 175-192.

157. Koepcke C. Lou Andreas-Salomé. Leben, Persönlichkeit, Werk. Eine Biographie. – Frankfurt a.M: Insel-Verlag, 1986.
158. Kolb E. Lou Andreas-Salome. Leben und Werk im Kontext der bürgerlichen Frauenbewegung: mit Schwerpunkt auf der Rolle der Frau in Ehe und Partnerschaft: Diplomarbeit. – Wien: Universität Wien, 2009.
159. Kopelew L. Rilkes Märchen Russlands // Russen und Russland aus deutscher Sicht. Band 4: 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Hein Korn. – München: Fink, 2000. – S. 904-937.
160. Kreide C. Lou Andreas-Salome: Feministin oder Antifeministin? Eine Standortbestimmung zur wilhelminischen Frauenbewegung. – Frankfurt a.M: Peter Lang Verlag, 1996.
161. Kronauer B. Die Ikone als Heimat und umgekehrt // Andreas-Salome L. Russland mit Rainer. Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. // Hrsg. von Stephane Michaud in Verbindung mit Dorothee Pfeiffer. Mit einem Vorwort von Brigitte Kronauer. – Marbach: Deutsche Schillergesellschaft, 1999. – S. 5-22.
162. Langer R. Russische Identitäten im Werk von Lou Andreas-Salome // Wien und St.Petersburg um die Jahrhundertswende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. – St.Petersburg: XXI VEK, 2001 (1999/2000) / Bd. 4/II. – S. 441-456.
163. Livingstone A. Lou Andreas-Salomé. Her Life (as Confidante of Freud, Nietzsche and Rilke) and Writings (on Psychoanalysis, Religion and Sex). – L.: Gordon Fraser Gallery, 1984.
164. Peters H.F. My Sister, my Spouse: A Biography of Lou Andreas-Salome. – N.Y.: W.W. Norton, 1974.
165. Pfanner H.F. Dekadenz und Modernität: Lou Andreas-Salome in St.Petersburg und Wien // Wien und St.Petersburg um die Jahrhundertswende(n): kulturelle Interferenzen: Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции. – St.Petersburg: XXI VEK, 2001 (1999/2000) / Bd. 4/II. – S. 457-467.
166. Pfeifer E. Nachwort // Andreas-Salome L. Lebensrückblick. – Frankfurt a.M: Insel Verlag, 1968. – S. 299-321.
167. Podach E.F. Friedrich Nietzsche und Lou Salome. Jahre Begegnung 1882. – Zürich, Leipzig: Max Niehans, 1931.
168. Prasse J. Nachwort // Andreas-Salome L. Rodinka: Russische Erinnerung. – Frankfurt a.M, Berlin: Ullstein, 1985. – S. 264-272.
169. Schütz K. Geschlechterwürfe im literarischen Werk von Lou Andreas-Salome unter Berücksichtigung ihrer Geschlechtstheorie. □ Würzburg: Königshausen&Neuman, 2008.

170. Solioz Ch. Literarische und psychoanalytische Seelenforschung bei Lou Andreas-Salome: Diplomarbeit. – Geneve: Universite de Geneve, 2008.
171. Vickers J. Lou von Salome: A Biography of the Woman Who Inspired Freud, Nietzsche and Rilke. – Jefferson, N.C.: McFarland, 2008.
172. Lippe A. The Truth About Lou: A Necessary Fiction. – N.Y.: Counterpoint, 2006.
173. Vuilleumier C.P. “Oh Vater, laß uns ziehn!” Literarische Vater-Töchter um 1900: Gabriele Reuter, Hedwig Dohm, Lou Andreas-Salome. – Hildesheim: G. Olms, 2005.
174. Weiershausen R. Wissenschaft und Weiblichkeit: Die Studentin in der Literatur der Jahrhundertswende. – Berlin: Wallstein, 2004.
175. Wiesner-Bangard M., Welsch U. Lou Andreas-Salome. Wie ich dich liebe, Rätselleben: Eine Biographie. – Leipzig: Reclam Verlag Leipzig, 2002.
176. Whiting R. Introduction // Andreas-Salome Lou. The Human Family: Stories. Translated and with an introduction by Raleigh Whiting. – Nebraska: Edward Brothers. 2005. – P.vii-xvi.
177. Yalom I.D. When Nietzsche Wept: A Novel of Obsession. – NY: Harper Collins, 1992.

V Вспомогательные работы по русской и немецкой литературе

178. Азадовский К. Проблема Достоевский-Ницше // Литературное наследство. Т. 86. – М., 1973. – С. 678-688.
179. Ключ Э. Ницше в России: революция морального сознания. – М.: Академический прехт, 1999.
180. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. – М.: Искусство, 1983.
181. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – С. 525-606.
182. Михайлов В.А. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
183. Митрополит Иларион (Алфеев). О молитве [электронный ресурс] <http://www.pravmir.ru/o-molitve-2/>
184. Москва в русской и мировой литературе. Сб. статей. – М.: Наследие, 2000.
185. Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. статей / Ред. Г.С. Кнабе. – М.: РГГУ, 1998.
186. Москва – Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания / Отв. ред. Д. К. Бурлака. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
187. Православие [электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/answers/33084.htm>

188. Синеокая Ю.В. *Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX - начало XXI в.)*: Дисс. докт. филос. наук. – М.: ИФ РАН, 2009.
189. Скибина О.М. *Творчество В.Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика*. – Оренбург: Наука, 2003.
190. Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: Статьи и воспоминания / Редактор-составитель М.В. Строганов. – Тверь: Золотая буква, 2001.
191. Стеценко Е.А. *История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.)*. – М.: ИМЛИ РАН, 1999.
192. Топоров В.Н. *Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – С. 259–367.
193. *Философия чая [электронный ресурс]* <http://teasophia.ru>
194. Фрейд З. *Достоевский и отцеубийство* / Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова, пер. Р.Ф. Додельцева // Фрейд З. *Художник и фантазирование: сборник работ*. – М.: Республика, 1995. – С. 285-294.
195. Чернышевский Н.Г. *Полн. собр. соч. Т. IV*. – М.: ГИХЛ, 1948.
196. Шадрина М.Г. *Эволюция языка «путешествий»*: Дисс. на соискание уч. степ. д-ра филос. наук. – М., 2003.
197. Щепкина Е.Н. *Из истории женской личности в России*. – Тверь: Феминист-Пресс, 2004.
198. Clowes E.W. *The Revolution of Moral Consciousness: Nietzsche in Russian Literature 1890-1914*. – Dekalb, IL: Northern Illinois Univ. Press, 1988.
199. Davis H.E. *Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics*. – N.Y.: New Republic, 1929.
200. Davis H.E. *Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics. With a foreword by Dewey J.* – N.Y.: Haskell House, 1971.
201. Kessler P. *Tolstoj-Studien des späten Nietzsche // Zeitschrift für Slawistik*. – Bd. 23, H.1. – Berlin, 1978. – S. 17-66.
202. Miller C. *Nietzsche's "discovery" of Dostoevsky // Nietzsche-Studien*. – Bd. 2. – Berlin, N.Y., 1973. – S. 202-257.
203. Schubart W. *Dostojewski und Nietzsche: Symbolik ihres Lebens*. – Luzern: Vita Nova Verlag, 1939.
204. Vladimir Soloviev und Friedrich Nietzsche: *Eine deutsche-russische kulturelle Jahrhundertbilanz* / Urs Heftrich und Gerhard Ressel (Hrsg.). – Frankfurt a.Main: Peter Lang, 2003.

205. Weidemaier W. Herzen and Nietzsche: a link in the rise of modern pessimism // The Russian Review. – Columbus, OH, 1977, Vol. 32, No. 4. – S. 477-488.